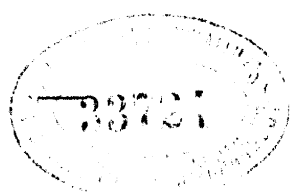
НЕ КОПИРОВАТЬ

I. М. БИКЕРМАНЪ.

ЧЕРТА

ЕВРЕЙСКОЙ ОСѢДЛОСТИ.



СПБ.
Книгоиздательство „Разумъ", Итальянская, 27.
1911.

„Пров 38"

DS
135

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1688
31

Р-1

Типографія „Печатный Трудъ", Спб., Надеждинская, 38.

Настоящая брошюра вышла большей, чѣмъ имѣлъ въ виду авторъ; но она меньше, чѣмъ требуется предметомъ. Черта осѣдлости относится къ числу тѣхъ явленій общественной жизни, о которыхъ ни одна изъ борющихся сторонъ не допускаетъ спора и каждая свое мнѣніе считаетъ очевидной истиной, не нуждающейся въ доказательствахъ. Для насъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что черта, отдѣляющая насъ отъ нашей же родины, ни въ коемъ случаѣ не допустима; для нашихъ враговъ столь же безспорно противоположное мнѣніе. Въ результатѣ предметъ остается невыясненнымъ и извѣстнымъ только съ формальной стороны. Но такъ какъ черта существуетъ и фактъ, слѣдовательно, на сторонѣ нашихъ враговъ и такъ какъ въ неосвѣщенныхъ, темныхъ мѣстахъ всегда находятъ себѣ пріютъ всякіе призраки, то такое положеніе не можетъ быть выгоднымъ для насъ, для нашего праваго дѣла.

Сдѣлавъ одинъ только шагъ за кругъ общихъ представленій о правахъ человѣка, авторъ очутился предъ обиліемъ неразработаннаго матеріала, который оказалось невозможнымъ уложить не только въ двухъ, трехъ газетныхъ статьяхъ, какъ раньше предполагалось, но и на 150 слишкомъ страницахъ настоящей брошюры. Въ особенности много мѣста и времени потребовалъ вопросъ объ экономическомъ значеніи черты. Даже ограничивъ свою задачу выясненіемъ вліянія ограничительныхъ законовъ о жительствѣ евреевъ преимущественно на состояніе

торговли въ странѣ, привлекши къ разработкѣ и этого ограниченнаго вопроса лишь незначительную часть возможнаго матеріала, авторъ все же долженъ былъ удѣлить этой главѣ почти половину книжки. Тутъ подъ давленіемъ матеріала пришлось не только расширить работу, но и измѣнить первоначальный планъ ея. Оказалось, что черта осѣдлости дѣйствуетъ одинаково разрушительно на хозяйственную дѣятельность еврейскаго и нееврейскаго населенія, и выдѣлить въ этомъ отношеніи особо евреевъ, какъ имѣлъ въ виду авторъ, нѣтъ ни возможности ни необходимости: евреи не столько страдаютъ экономически отъ непосредственно противъ нихъ направленныхъ ограниченій въ правѣ жительства, сколько косвенно отъ худосочія страны, вызываемаго этими ограниченіями.

Не могу не прибавить здѣсь, что выясненіе въ полномъ объемѣ вопроса о значеніи хозяйственной дѣятельности евреевъ въ развитіи экономическихъ силъ Россіи со времени присоединенія къ ней польскихъ областей, а также вліянія ограничительныхъ законовъ о евреяхъ на хозяйственную жизнь страны представляло бы громадный интересъ—не только практическій, но и научный—и является задачей неотложной. Въ научномъ отношеніи представляетъ особый интересъ вторая половина этого періода, когда тяготѣющія и по сію пору надъ значительной частью городского населенія ограниченія дѣйствовали въ обстановкѣ новѣйшей культуры, въ вѣкъ пара и электричества,—явленіе, единственное въ своемъ родѣ во всемъ культурномъ мірѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ такое изслѣдованіе явилось бы важнѣйшей подготовительной работой для столь недостающей намъ исторіи евреевъ въ Россіи. Въ практической политикѣ такая работа послужила бы твердой основой для многихъ выводовъ, о которыхъ мы теперь вовсе не догадываемся или только догадываемся.

Оглавленіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія черты осѣдлости.

I. Историческая справка: Иванъ IV, Алексѣй Михайловичъ Елизавета, 1.—Еврей—живой обломокъ древняго міра, 2.—Путь еврейскаго странствія и путь человѣческой культуры, 3.—Разсѣяніе евреевъ—проклятіе и благословеніе. 5.—Катастрофа, 6.—Безправіе въ средніе вѣка и въ нынѣшнее время, 8.—Трагедія русскаго еврейства, 10.—Черта осѣдлости и гетто, 11.—Черта осѣдлости—результатъ завоеванія, 11. II. Особый журналъ совѣта министровъ 1906 года,—12. Противорѣчія въ Особомъ журналѣ, 13.— Манифесты Екатерины 1762 и 1772 г.г., 15.—Юридическое положеніе евреевъ въ присоединенныхъ областяхъ, 16.—Указъ 1791 года,—первое узаконеніе о чертѣ, 17.—Экономическіе мотивы указа, 18.—„Положеніе“ 1804 года, 20.—Характерныя черты и „Положенія“, 23.—„Положеніе“ 1835 года, 24.—„Комитетъ“, между прочимъ, для изысканія мѣръ къ уменьшенію евреевъ въ государствѣ, 25.—Исключеніе Астраханской и Кавказской губерній изъ черты осѣдлости, 26.—Выселеніе евреевъ изъ деревень, 28.—Временныя правила 3 мая, 1882 г., 29.—Паленская комиссія, 31.—Заключеніе, 32.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Экономическое значеніе черты осѣдлости.

III. Черта осѣдлости и крѣпость къ землѣ, 34.—Экономическіе мотивы законовъ о чертѣ. 35.—Общія числовыя данныя о еврейскомъ населеніи въ Россіи и выводы изъ нихъ, 36.—% евреевъ въ городскомъ населеніи, 38.—Отношеніе еврейскаго къ нееврей-

скому населенію въ чертѣ осѣдлости, 41.—Экономическое значеніе евреевъ въ области ихъ осѣдлости, 42.—„Захватъ", 43.—„Временныя правила" и ихъ послѣдствія, 44.—IV. % евреевъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, 47.—Торговля въ Германіи, въ чертѣ осѣдлости и въ остальной Россіи, 47.—Торгово-промышленная дѣятельность въ чертѣ осѣдлости, 49.—Отношеніе между торгующими и „купцами" въ чертѣ и внѣ черты, 52.—Два типа (въ чертѣ и за чертой) хозяйственной дѣятельности, 53.—Характеръ еврейской промышленности въ чертѣ осѣдлости, 56.—Значеніе хлѣбной торговли въ хозяйствѣ страны, 59.—Вредное вліяніе еврейскаго безправія на хлѣбную торговлю, 60.—Значеніе евреевъ въ развитіи русской хлѣбной торговли, 63.—Монопольный характеръ хлѣбной торговли на сѣверѣ по свѣдѣніямъ экспедиціи, снаряженной И. Г. Обществомъ и Вольно-Экономическимъ, 64.—То же на Волгѣ по свѣдѣніямъ изъ того же и другихъ источниковъ, 65.—Хлѣбная торговля въ чертѣ осѣдлости по свѣдѣніямъ той же экспедиціи, 69.—Переворотъ, вызванный въ хлѣбной торговлѣ центральныхъ губерній пріѣздомъ еврейскихъ торговцевъ по свѣдѣніямъ той же экспедиціи, 72.—Выводы изъ данныхъ о хлѣбной торговли, 75.—V. Выселеніе евреевъ изъ Кіева и послѣдствія отъ этого, 77.—Выселеніе евреевъ изъ Москвы и Лодзинская промышленность, 79.—Кустари и евреи, 79.—Паденіе уральской горно-заводской промышленности, 80.—Отсутствіе посреднической дѣятельности въ этомъ производствѣ, 83.—Покупательная сила русской деревни и подвижность еврейской торговли, 85.—Отсталость торговаго оборота и значеніе этого факта въ хозяйствѣ страны, 88.—VI. „Еврейская эксплоатація" и „еврейское засиліе", 90.—Ошибочность представленія о еврейскомъ нашествіи послѣ упраздненія черты, 93.—Важность географическаго и историческаго момента въ разсматриваемомъ вопросѣ, 96.—Черта закрываетъ доступъ европейскому торговому опыту, 98.—Черта дѣйствуетъ въ пользу промышленности сосѣдей, 99.—Итоги, 100.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Моральное дѣйствіе черты осѣдлости.

VII. Многообразіе отношеній человѣка къ землѣ, 103.—Черта осѣдлости и военнослужащіе евреи, 105—Черта осѣдлости и евреи-учащіеся, 107.—Черта осѣдлости и малолѣтніе евреи, 109—Черта осѣдлости и больные евреи, 110.—Черта осѣдло-

сти и еврейскій отдыхъ, 111.—VIII. Моральный моментъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, 113. — Несоотвѣтственно большое мѣсто политики въ сознаніи населенія, 113. — Исключительное давленіе политики на сознаніе евреи, 115. — Ограничительные законы и проповѣдь анархіи, 118.—Проектъ о дѣленіи евреевъ на полезныхъ и безполезныхъ. 119.—Поношеніе еврейскаго труда, 120.—Отзывъ графа Воронцова, 121.—„Кающій факторъ", какъ родоначальникъ анархіи въ еврейской средѣ, 122.—Растлѣвающее дѣйствіе ограничительныхъ законовъ о евреяхъ на нееврейское населеніе, 125.—IX. Ограничительные законы и европейское общественное мнѣніе, 126.—„Еврейская агитація" 127.—Представленіе европейца о нормальной жизни государства, 128.—Агитація фактовъ, 129. Исключительное дѣйствіе въ этомъ отношеніи черты осѣдлости, 130.—Голосъ культурнаго міра, 131.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

„Голосъ народной совѣсти".

X. Отношеніе русской литературы къ евреямъ, 134.—Русская интеллигенція и евреи, 137-—Влеченіе русскаго человѣка къ односложному, 141.—Пассивное отношеніе русской интеллигенціи къ еврейскому безправію, 142.—Антисемитизмъ въ „обществѣ" и антисемитизмъ въ „народѣ", 144 —Возможность совмѣстной жизни, 145.—Антисемитизмъ погромный и антисемитизмъ общественный. 146.—Заключеніе, 148.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	*Напечатано*	*Слѣдуетъ*
1	5 (снизу)	пріѣзда	проѣзда
6	6 (сверху)	Ерусалимъ	Іерусалимъ
91	7 (снизу)	предки	предшественники.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія черты осѣдлости.

I.

Когда въ 1563 году Иванъ IV взялъ въ войнѣ съ Польшей Полоцкъ, то на вопросъ бояръ, что дѣлать съ захваченными въ городѣ евреями, онъ отвѣтилъ: Согласныхъ креститься — крестить, а несогласныхъ—утопить въ рѣкѣ Полотѣ. Распоряженіе Грознаго было приведено въ исполненіе. Сто лѣтъ почти спустя московскія войска опять въ войнѣ съ поляками взяли Вильну, и тамошніе мѣщане обратились къ русской власти съ просьбой выселить евреевъ изъ города; Алексѣй Михайловичъ, прозванный Тишайшимъ, приказалъ: Жидовъ бы изъ Вильны выслать на житье за городъ [1]). Прошло еще столѣтіе, и Елизаветѣ, дочери великаго преобразователя Россіи, былъ представленъ сенатомъ докладъ о томъ, что закрытіе евреямъ доступа на ярмарки Малороссіи, а также пріѣзда въ городъ Ригу разоряетъ торговыхъ людей этихъ мѣстъ и приноситъ также убытокъ казнѣ; императрица положила резолюцію: отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли [2]). А ужъ въ слѣдующемъ поколѣніи

[1]) П. С. З., т. I, № 232.
[2]) П. С. З, т. XI, № 8.840.

Польша была подѣлена между сосѣдями, и вмѣстѣ съ восточными областями ея подъ русскую власть подпало не меньше милліона евреевъ—половина еврейскаго народа.

Ужъ эта краткая историческая справка говоритъ о великой трагедіи, начавшейся на рубежѣ 18 и 19 вѣковъ, съ паденіемъ польскаго королевства, и остающейся обычно скрытой отъ глазъ русскаго человѣка за словами „еврейскій вопросъ", „еврейская осѣдлость" и другими, столь же привычными. Въ дѣйствительности трагедія эта неизмѣримо глубже, чѣмъ позволяетъ догадываться приведенная справка; она воистину безпримѣрна. Но будемъ имѣть мужество безстрастно разбираться въ томъ, что цѣлыя поколѣнія безстрашно переживали и мы сами теперь еще переживаемъ—какъ участники или зрители, какъ дѣйствующіе или страдающіе.

Какъ человѣческая культура, евреи подвигались съ востока на западъ, позже съ юга на сѣверъ, еще позже съ запада на востокъ. Іудея, Египетъ, Римъ, Испанія, Голландія, Германія, Польша, Россія—таковъ въ общихъ чертахъ путь народа-странника. Всюду, на всѣхъ своихъ остановкахъ еврей много и тяжело страдалъ, и не только потому, что страданіе неразлучно съ жизнью. Онъ былъ учителемъ народовъ, а учительство было, есть и будетъ подвигъ. Еврей былъ учителемъ—это не выраженіе національнаго самомнѣнія „избраннаго народа", а историческій фактъ. Онъ много видѣлъ, многое позналъ раньше, чѣмъ столкнулся съ христіанской Европой, едва только начинавшей выходить изъ состоянія первобытности, и потому могъ быть учителемъ,—не могъ не быть имъ. Послѣ долгой и бурной жизни на своей землѣ, родинѣ пророковъ и псалмопѣвцевъ, еврейскій народъ вошелъ въ составъ огромнаго и сложнаго міра, созданнаго геніемъ Македонскаго завоевателя, участвовалъ въ пышной греко-египетской культурѣ Птоломеевъ, видѣлъ зарожде-

ніе міровой имперіи Римлянъ и пережилъ ея паденіе, жилъ и дѣйствовалъ въ арабскомъ халифатѣ—въ этомъ сказочномъ царствѣ, тянувшемся отъ песковъ Туркестана до Атлантическаго океана, созданномъ въ одну, кажется, ночь вышедшимъ изъ пустыни племенемъ кочевниковъ и ставшимъ на цѣлые вѣка хранилищемъ высокой культуры и школой гражданственности. Живой обломокъ древняго міра, наслѣдникъ столькихъ эпохъ, еврей среди младенческихъ народовъ сѣвера, не имѣвшихъ прошлаго и жившихъ разрозненно среди болотъ и лѣсовъ, служилъ связью временъ и былъ носителемъ единства, общности жизни на землѣ. Само разсѣяніе поддерживало въ немъ сознаніе объ этомъ единствѣ, ибо еврей въ Кельнѣ или Любекѣ всегда сознавалъ, что въ Багдадѣ или Дамаскѣ живутъ его братья, если онъ даже въ прямыхъ сношеніяхъ съ ними не состоялъ. Въ средневѣковой Европѣ, пересѣченной и изборожденной по всѣмъ направленіямъ заставами, валами, перетянутыми черезъ улицу цѣпями, сословными грамотами и цеховыми уставами, одинъ только еврей видѣлъ духовнымъ взоромъ міръ и человѣчество. Не умомъ постигалъ еврей единство земного міра, имъ проникнута была его в о л я; не школьныя знанія, не географическій атласъ говорили еврею о мірѣ, онъ чувствовалъ его въ себѣ, какъ смутное воспоминаніе прошлаго и неясное видѣніе будущаго, онъ склоненъ былъ п о с т у п а т ь во всемъ такъ, какъ если бы жилъ въ orbis terrarum римлянъ или въ культурномъ государствѣ современности. И э т о м у онъ училъ народы. Не книгами, не проповѣдями съ амвона, а всѣмъ укладомъ своей жизни, своими навыками, понятіями о хорошемъ и дурномъ, своимъ отношеніемъ къ труду и отдыху, къ людямъ и вещамъ. Бездомный скиталецъ, вездѣсущій, какъ Богъ его, Егова, еврей во всемъ этомъ расходился съ людьми, выроставшими на своихъ болотахъ, какъ мохъ на старомъ

пнѣ. Каждое его движеніе было враждебно первобытной разобщенности людей и вещей,—и его, во всемъ чужого и во всемъ непонятнаго, народы въ одно и то же время и страшились и презирали.

Учительство еврея—не даръ, не особое призваніе, а бремя, взваленное на его плечи давно разрушеннымъ міромъ, отъ котораго онъ одинъ уцѣлѣлъ. Если бы римляне не утонули въ волнахъ побѣжденныхъ ими и побѣдившихъ ихъ германскихъ, гальскихъ и иберійскихъ племенъ, они такъ же учили бы, какъ евреи, и ихъ участь была бы та же. Но они исчезли и на послѣдующій міръ оказывали воздѣйствіе только черезъ пергаменты и папирусы со слѣдами былой жизни. И какъ горька была участь докторовъ и „чернокнижниковъ“, бравшихся истолковывать эти знаки, чтобы освободить заключающуюся въ нихъ живую силу и ввести ее въ живой міръ людскихъ отношеній!

То обстоятельство, что путь еврейскаго странствія совпадаетъ, въ общемъ, съ движеніемъ культуры по европейскому материку, можетъ наполнить гордостью душу еврея и заставить его повѣрить въ избранность израильскаго народа: какъ совершеннѣйшимъ орудіемъ, исторія, молъ, пользовалась имъ всюду, гдѣ необходимо было прочищать заросль и поднимать новь. Но намъ нужно знать, что и какъ было, что и какъ есть; намъ важно знать истину, и полуправда, въ которой дѣйствительное перемѣшано съ воображаемымъ, насъ удовлетворить не можетъ. Исторія богата средствами, и пути ея многосложны и запутаны; культура не прикована къ еврею и не слѣдуетъ по его пятамъ. Но вѣрно то, что между культурой и еврейскимъ народомъ, древнѣйшимъ носителемъ ея, существуетъ историческое сродство. Гдѣ народу удавалось одолѣть внѣшнее и внутреннее рабство свое и, освободившись отъ исключительнаго давленія глыбы земли,

на которой онъ родился, почувствовать себя господиномъ надъ нею, гдѣ, словомъ, загоралось священное пламя свободы, что всегда равнозначно творчеству,—туда евреи стихійно направлялись, какъ стихійно поворачиваетъ подсолнечникъ къ свѣту, тамъ они были желанными гостями, и на длинномъ и скорбномъ пути ихъ эти мѣста выдѣляются яркимъ свѣтомъ, какъ борозда молніи на покрытомъ тучами небѣ. Такъ было въ Голландіи, воспрянувшей послѣ величественной борьбы съ испанскими поработителями къ новой жизни и ставшей учительницей Европы въ промышленности, торговлѣ, мореплаваніи и гражданскомъ устройствѣ; здѣсь въ эти счастливые годы развернулся и еврейскій геній, достигнувъ вершины въ титанической фигурѣ Баруха Спинозы. Гдѣ народъ или правящіе слои его, сознавая свою неподготовленность къ болѣе высокой культурѣ и чувствуя въ ней потребность подъ давленіемъ сосѣдей и обстоятельствъ, открывали евреямъ доступъ въ свою страну, туда они охотно шли и, работая для себя, работали также для нея. Такъ это было въ Польшѣ, которая не малымъ обязана была еврейскому труду и гдѣ евреи, разсѣявшись среди болотъ и лѣсовъ, за оказанный имъ пріютъ заплатили разрывомъ съ общеевропейской мыслью. Какъ всѣ люди, евреи шли и идутъ туда, гдѣ можно жить; но для нихъ жить—значитъ жить въ культурѣ. Но культура въ Европѣ нарастала медленно, шла зигзагами, наступая въ одномъ мѣстѣ и отступая въ другомъ. Это вынуждало евреевъ къ постоянному кочеванію и привело къ распространенію еврейскаго народа по всему европейскому материку, а въ послѣднее время перебросило его и въ Новый свѣтъ.

Въ постоянномъ странствованіи заключалось проклятіе еврея, но также его благословеніе, его слабость и его сила. Не имѣя своей земли, родныхъ горъ и болотъ,

за которыми онъ могъ бы обороняться, еврей былъ беззащитенъ. Но не мало племенъ, даже болѣе многолюдныхъ, было раздавлено въ родныхъ имъ мѣстахъ и исчезли безслѣдно, а евреямъ постоянное передвиженіе дало возможность сохранить себя и безъ перерыва ткать ту нить, начало которой—въ древнемъ Римѣ, Александріи, Ерусалимѣ и Вавилонѣ. Когда сгущался мракъ въ Баваріи, евреи шли въ Пфальцъ или Саксонію; когда становилось невозможно жить въ Испаніи или Германіи, еврей направлялся въ Голландію или Польшу. Медленный и длительный процессъ селенія и переселенія отдѣльными семьями или небольшими группами не могъ избавить евреевъ отъ преслѣдованій, которыя поднимались то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ; но онъ предохранялъ ихъ отъ катастрофъ. Гдѣ условія были особенно тяжелыя, туда они, естественно, не шли, тамъ они не скоплялись большими массами; и для того, чтобы стряслась бѣда надъ всѣмъ еврейскимъ народомъ, буря должна была пронестись по всей Европѣ, какъ это было во времена крестовыхъ походовъ.

Къ тому гнету, подъ которымъ пребываютъ евреи въ Россіи, привела именно к а т а с т р о ф а. На землѣ, подвластной нынѣ русскому скипетру, евреи жили уже тысячелѣтія тому назадъ. Есть несомнѣнныя историческія данныя—надгробныя и другія надписи,—свидѣтельствующія о пребываніи евреевъ въ Крыму уже въ I вѣкѣ по Р. Х.; на Кавказѣ и въ Закавказьѣ были еврейскія поселенія еще въ болѣе древнія времена; въ Кіевѣ евреи жили еще въ XI вѣкѣ. Но не по этимъ путямъ свела судьба еврейскій народъ съ Русью: евреи, подпавшіе подъ власть Россіи съ присоединеніемъ къ ней южныхъ областей, считаются сотнями, самое большее—тысячами. Русь двигалась на сѣверо-востокъ, а евреи обитали на югѣ и западѣ европейскаго материка, и до поры до времени ихъ пути не встрѣчались. Отдѣльными единицами

проникали евреи, главнымъ образомъ, изъ Польши въ Московскую Русь. Поселеніе ихъ здѣсь могло бы принести государству только великую пользу, ибо „торговля западныхъ европейцевъ съ русскими имѣла печальный видъ сношеній ловкихъ и свѣдущихъ торгашей съ невѣждами, когда послѣдніе всегда бываютъ въ проигрышѣ, а первые наживаются на ихъ счетъ беззастѣнчивымъ образомъ", какъ характеризуетъ ее Костомаровъ [1]). Но евреевъ здѣсь встрѣчали съ суевѣрнымъ страхомъ и враждою. Тотъ же Иванъ IV, который распорядился топить полоцкихъ плѣнниковъ еврейскихъ,—поляковъ онъ милостиво отпустилъ,—еще раньше выгналъ изъ Москвы пріѣхавшихъ туда для торга евреевъ за то, что они торговали „муміей", продавали будто отравныя зелья и будто отводили людей отъ христіанства. Мы уже знаемъ, что отношеніе къ евреямъ не измѣнилось и въ петровской имперіи [2]), и они въ Россію не шли. Но судьба привела ихъ въ сосѣдство съ ней, и это обстоятельство оказалось для нихъ роковымъ. Въ теченіе шести вѣковъ евреи сосредоточивались въ Польшѣ, и въ 18 столѣтіи въ ея предѣлахъ обитало уже подавляющее большинство еврейства; никогда до того судьба еврейскаго народа не была въ такой мѣрѣ связана съ судьбой одного государства. И когда Польша, обремененная многими грѣхами, распалась, вѣрнѣе—была разобрана сосѣдями съ быстротою, которой трудно найти примѣръ въ исторіи Европы, то еврейскій народъ, побѣжденный въ борьбѣ, которую не онъ велъ, оказался большей частью своей въ подчиненіи у Россіи,

---

[1]) Н. Костомаровъ. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, стр. 578. С.-Петерб. 1873.

[2]) Указы о высылкѣ евреевъ изъ Россіи были въ 1727, 1740, 1742 и 1744 г.г. и относились, главнымъ образомъ, къ Украйнѣ, гдѣ, по близости къ Польшѣ, жили евреи, хотя и въ незначительномъ числѣ.

т. е. во власти силы, заранѣе и безотчетно къ нему враждебной. Въ теченіе пяти поколѣній уже тяготѣетъ надъ милліонами евреевъ проклятіе войны, въ которой они не участвовали, и ужъ это одно выдѣляетъ жизнь народа-старца въ Россіи изъ всего пережитаго имъ на всемъ длинномъ пути его.

Но трагизмъ положенія евреевъ въ Россіи не только въ этомъ. Не то только здѣсь исключительно, что на большинство еврейскаго народа обрушилось внезапное измѣненіе политической карты Европы, какъ обрушиваются волны морского прилива на идущихъ берегомъ путниковъ; не въ количествѣ и не въ степени здѣсь только небывалое, оно—въ самомъ содержаніи, въ самой природѣ гнета, который тяготѣетъ тутъ надъ евреями. Обыкновенно, когда хотятъ выразить весь ужасъ этого гнета, клеймятъ его средневѣковымъ, говорятъ о средневѣковомъ безправіи, о средневѣковыхъ гоненіяхъ противъ евреевъ въ Россіи; но въ этомъ сказывается только незнакомство съ нашей жизнью и съ прошлымъ Европы. Положеніе евреевъ въ средніе вѣка было сообразно со всѣмъ строемъ тогдашней жизни, положеніе наше въ Россіи несообразно съ нынѣшнимъ строемъ и было бы такъ же несообразно со строемъ девятаго или тринадцатаго вѣка; оно вообще ни съ чѣмъ несообразно.

Въ средніе вѣка еврей всюду былъ чужимъ, и пока была жива феодальная разобщенность и сохранялась крѣпость человѣка къ человѣку и человѣка къ землѣ, онъ не могъ не быть чужимъ. Это не мѣшало ему быть полезнымъ членомъ общества, но съ государствомъ связь его была слаба и большей частью опредѣлялась договоромъ. Какъ бы велика ни была тяжесть бремени, выпадавшаго на его долю, она при этихъ условіяхъ не терзала его, по крайней мѣрѣ, внутреннимъ про-

тиворѣчіемъ, онъ не долженъ былъ быть въ одно и то же время и горячъ и холоденъ. Чужой въ дѣйствительности и въ собственномъ сознаніи, онъ пользовался всѣми преимуществами, которыя проистекаютъ изъ такого положенія, а отъ невзгодъ, связанныхъ съ нимъ, могъ искать спасенія въ чаяніяхъ пришествія Избавителя и чудеснаго возвращенія въ страну предковъ. Въ современномъ государствѣ, одолѣвшемъ крѣпостныя начала и воскресившемъ въ основномъ до-варварскую древность, еврей не можетъ сознавать себя чужимъ; больше всякаго другого, наоборотъ, онъ чувствуетъ въ современномъ государствѣ *свое*. Съ другой стороны, государство не можетъ вступать въ договорныя отношенія съ отдѣльными группами населенія—въ этомъ именно основное отличіе его отъ средневѣковаго государства. Съ безпощадностью бездушнаго механизма опутываетъ современное государство сѣтью своихъ требованій всѣхъ безъ различія, и особенно велико его регулирующее дѣйствіе въ средоточіяхъ современной культуры—въ городахъ, гдѣ на его предписанія, запрещенія и указанія наталкивается ежечасно всякій: сытый и голодный, ученый и невѣжда, поденщикъ и банкиръ. Въ этомъ нивеллирующемъ, уравнивающемъ дѣйствіи государства—корень его либерализма; изъ равенства обязанностей, *такъ* осуществляемаго, равенство правъ вытекаетъ не какъ отвлеченное требованіе справедливости, а съ психологической, почти физической необходимостью. Своими постоянными напоминаніями подданному о своихъ требованіяхъ, требованіяхъ пѣлаго, государство *дѣлаетъ* его гражданиномъ—развиваетъ въ немъ наклонности, вѣрованія, суевѣрія и предразсудки гражданскіе, и онъ становится *неспособнымъ* жить и дѣйствовать въ качествѣ безправнаго, какъ не способенъ современный человѣкъ пользоваться лучиной. Поэтому нигдѣ, не исключая Россіи, нѣтъ особенно рѣзкихъ раз-

личій въ гражданскихъ правахъ населенія, по крайней мѣрѣ—городского.

Исключеніе составляютъ русскіе евреи. Они вынуждены жить одновременно подъ двумя другъ друга отрицающими режимами—средневѣковымъ и современнымъ; они въ одно и то же время и чужіе и свои. Какъ чужіе, они лишены основныхъ правъ гражданина; какъ свои, они подчинены безусловнымъ требованіямъ государства и всѣмъ его притязаніямъ. Даже основная, к р о в н а я связь между государствомъ и подданными имѣетъ здѣсь уродливо односторонній видъ: какъ свои, евреи гибнутъ на службѣ государству подъ вражескими ударами; какъ чужіе, гибнутъ они беззащитно у своихъ домашнихъ очаговъ отъ рукъ сосѣдей. Можно здѣсь не останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ возникаютъ и протекаютъ такъ называемые еврейскіе погромы. Какъ ни объяснять ихъ, это ничего не измѣнитъ въ томъ фактѣ, что въ теченіе одного поколѣнія евреи въ Россіи дважды—весной 1881 г. и осенью 1905 года—подвергались въ массѣ избіеніямъ, грабежамъ и безчеловѣчнымъ насиліямъ, не говоря уже о случаяхъ разгрома отдѣльныхъ еврейскихъ общинъ, не однажды за этотъ же промежутокъ времени потрясавшихъ совѣсть Европы. Въ средніе вѣка, въ худшія времена средневѣковья, нападенія на евреевъ были во всякомъ случаѣ не чаще. Но въ XII вѣкѣ никому не пришло бы въ голову требовать отъ еврея участія въ оборонѣ страны; ни въ рядахъ рыцарей, ни въ крестьянскомъ ополченіи для него мѣста не было—какъ чужого, строй его не включалъ. Присоединяя къ бремени безправія тяжесть обязанностей предъ государствомъ, наша россійская система не только увеличиваетъ гнетъ, она дѣлаетъ его качественно инымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ. Вопіюще противорѣчивая, распадаясь сама, она дѣйствуетъ разрушающе на все живое, поражаетъ безплодіемъ всякій трудъ

и дѣлаетъ невозможнымъ всякое творчество; она вырываетъ иглу изъ пальцевъ портного, кисть и палитру изъ рукъ художника.

Вѣнцомъ и основой системы является черта осѣдлости, и ни въ чемъ иномъ не выступаетъ система эта съ такой поражающей откровенностью, какъ здѣсь. Ни въ одномъ изъ средневѣковыхъ государствъ не было „черты“ для евреевъ. Гетто, съ которымъ „черту“ часто сравниваютъ, было еврейскимъ кварталомъ, какъ были во многихъ городахъ особые кварталы для другихъ иностранцевъ. Это вызывалось потребностью самообороны и было сопряжено съ самоуправленіемъ; тутъ часто было не только ограниченіе, но и право. Безусловное право жить въ одной части страны и безусловный запретъ для другой—этого нигдѣ и никогда не было. Право жить въ странѣ, области, городѣ евреи покупали, получали по договору, какъ это часто приходилось дѣлать иностранцамъ вообще. Темная, суевѣрная Московская Русь, боясь культурныхъ инородцевъ, вообще, (съ некультурными кочевниками востока общеніе и смѣшеніе совершалось чрезвычайно легко), сугубо боялась евреевъ и не принимала ихъ. Захвативъ позже обширный край, населенный, между прочимъ, евреями, она по праву завоеванія считаетъ ихъ своими подданными и облагаетъ данями и повинностями; но въ то же время продолжаетъ считать ихъ чужими и, сохранивъ въ цѣлости старыя суевѣрія, во „внутреннія губерніи“, „къ себѣ“ не пускаетъ. Такъ создалась безпримѣрная въ міровой исторіи „черта еврейской осѣдлости“.

По праву завоеванія, бывало, покоренныхъ превращали въ рабовъ; но на нихъ тогда не возлагали обязанностей свободныхъ людей. Я этимъ не хочу сказать, что положеніе еврея въ Россіи ниже или хуже положенія раба. Со времени египетскихъ фараоновъ евреи не были рабами. Они сохранили личную свободу и въ тѣ времена, когда

большинство христіанскаго населенія Европы было собственностью немногихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ и русскіе мужики добровольно шли въ городъ сѣчься. Какая сила могла бы въ двадцатомъ вѣкѣ привести еврея въ состояніе раба? Не х у ж е положеніе раба положеніе еврея въ Россіи, а болѣе т р а г и ч н о. Оно потому и менѣе устойчиво.

II.

Итакъ, съ раздѣломъ Польши въ русскомъ подданствѣ оказались сотни тысячъ еврейскихъ семействъ, и отдѣлаться отъ еврейскаго вопроса анекдотическими рѣшеніями, вродѣ рѣшенія Елизаветы, теперь фактически невозможно было. Какъ же отнеслась къ нему русская власть?

„При первомъ къ нему прикосновеніи, русское правительство руководствовалось всегда отличавшей его широкой терпимостью ко всѣмъ народностямъ, вступавшимъ по мѣрѣ роста въ составъ ея населенія, и рѣшило не отступать отъ исторически усвоеннаго имъ начала и по отношенію къ евреямъ“—такъ читаемъ мы въ одномъ высоко оффиціальномъ документѣ послѣдняго времени. Ссылаясь на указъ Екатерины II отъ 16 августа 1772 года, документъ этотъ утверждаетъ, что въ Россіи „было установлено полное равноправіе евреевъ“, и она „опередила въ данномъ вопросѣ всѣ остальныя европейскія государства“. „Жизнь не замедлила, однако, указать, — говорится дальше — что разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ смыслѣ уравненія евреевъ съ остальными подданными представляется невозможнымъ, въ виду присущихъ этому народу характерныхъ свойствъ, ставящихъ его, гдѣ бы онъ ни находился, въ рѣзко обособленное отъ коренныхъ

жителей положеніе, быстро переходящее въ эксплоатацію и экономическое угнетеніе христіанскаго населенія".

Что же дѣлать съ народомъ, столь упрямымъ въ своей порочности? Загнать въ море и утопить, какъ утопилъ Иванъ IV попавшихъ къ нему въ руки полоцкихъ евреевъ? Или выгнать его поголовно изъ страны, какъ сдѣлала четыре столѣтія тому назадъ католическая Испанія? Прибавить къ прежнимъ ограниченіямъ новыя, или, по крайней мѣрѣ, сохранить въ полной силѣ старыя? Совѣтъ министровъ, изъ журнала [1]) котораго взяты приведенныя выше слова, предлагалъ въ томъ же журналѣ, въ декабрѣ 1906 года, существенно р а с ш и р и т ь права евреевъ. Между прочимъ, намѣчены были значительныя измѣненія въ правѣ жительства и передвиженія. Установленный знаменитыми майскими правилами запретъ селиться въ деревняхъ даже внутри черты осѣдлости предполагалось совершенно снять; привилегированнымъ евреямъ имѣлось въ виду предоставить право селиться на пространствѣ всей Имперіи, не исключая особо охраняемыхъ мѣстъ (изъятіе сохранялось, впрочемъ, для областей войска донскаго, кубанской и терской), причемъ списокъ привилегированныхъ группъ былъ значительно пополненъ. Эти и другія благопріятныя для евреевъ мѣры Совѣтъ министровъ, считая ихъ неотложными, предлагалъ провести чрезвычайнымъ порядкомъ, по 87 ст. основныхъ законовъ. Но и полное уравненіе евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ не казалось Совѣту министровъ чѣмъ-то невозможнымъ или недопустимымъ; онъ только находилъ, что „такая коренная мѣра могла бы быть принята не иначе, какъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ, по выслушаніи голоса народ-

[1]) Особый журналъ Совѣта министровъ 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 года. О пересмотрѣ постановленій, ограничивающихъ права евреевъ.

ной совѣсти въ лицѣ избранныхъ населеніемъ народныхъ представителей".

Какъ тутъ, спрашивается, связать начало съ концомъ? Какъ можно изъ положенія о неисправимой порочности еврейскаго народа придти къ выводу о необходимости облегчить ему возможность жить и дѣйствовать на русской землѣ, среди русскаго народа? Какъ можетъ русское министерство мириться съ мыслью о равноправіи еврейскаго племени, „исконнаго врага всякой христіанской государственности", какъ сказано въ другомъ мѣстѣ того же журнала? Свѣтъ и тьма не болѣе противоположны, чѣмъ эти мысли, столь мирно уживающіяся здѣсь, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ. Однако, удивляться этому могъ бы только тотъ, кому никогда не приходилось знакомиться съ обширной литературой о евреяхъ, созданной въ теченіе почти полутора вѣковъ въ русскихъ канцеляріяхъ. Хаосъ, вопіющія противорѣчія не только между различными актами, но и между разными частями одного и того же, несоотвѣтствіе между соображеніями и выводами, между выводами и практическими результатами и, главное, голословныя, фантастическія утвержденія — всѣ эти черты отличаютъ оффиціальную литературу о евреяхъ на всемъ ея протяженіи, и журналъ Совѣта министровъ XX вѣка можетъ служить хорошимъ введеніемъ къ первымъ страницамъ ея, написаннымъ въ 18 столѣтіи.

Не было еще такого времени въ Россіи, хотя бы самого коротк̆аго, когда бы евреи были уравнены въ правахъ съ прочимъ населеніемъ; „жизнь" поэтому не могла указать неудобства такого порядка. Во время раздѣловъ Польши и присоединенія, слѣдовательно, къ Россіи населенныхъ евреями областей на русскомъ престолѣ сидѣла вольнодумная Екатерина, ученица Вольтера и Дидро. По отношенію къ евреямъ, однако, старые добрые обычаи оставались въ силѣ, насколько это позволяло фактическое

положеніе вещей. Заботясь о благоденствіи Россіи и „о умноженіи въ оной обитателей", императрица въ 1762 году приглашала въ страну особымъ манифестомъ и бѣжавшихъ россіянъ, и представителей „иностранныхъ разныхъ націй", но при этомъ предусмотрительно оговорила— „кромѣ жидовъ" [1]). Это—все тоже елизаветинское „отъ враговъ христовыхъ интересной прибыли не желаю", только въ менѣе анекдотичной формѣ. Когда же присоединены были польскія области, Екатерина, наградивъ населеніе присоединеннаго края „въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе подданные ея пользуются", евреямъ обѣщала только, что они „будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона (т. е. вѣры) и имуществъ своихъ пользуются"; иначе говоря, за евреями присоединеннаго края было сохранено прежнее положеніе ихъ въ Польшѣ. Составитель журнала Совѣта министровъ, пропустивъ почему-то въ указѣ Екатерины бѣлорусскому генералъ-губернатору, графу Чернышеву, только что приведенныя строки, сдѣлалъ фантастическое открытіе о равноправіи евреевъ въ Россіи 18 столѣтія.

Въ частности вопросъ о правѣ повсемѣстнаго жительства не получилъ въ указѣ императрицы яснаго рѣшенія. Прямого ограниченія для евреевъ въ немъ нѣтъ, но не сказано также, что предоставленными имъ правами евреи пользуются „по всему пространству Имперіи Россійской", какъ это опредѣленно говорится относительно прочаго населенія присоединенныхъ областей. При застарѣломъ и суевѣрномъ страхѣ, существовавшемъ въ русскомъ обществѣ предъ евреями, при крѣпостномъ режимѣ тогдашней Россіи, прикрѣплявшемъ каждаго че-

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 11,720, манифестъ отъ 4 декабря, 1762 г.

ловѣка къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился, эта неясность должна была неминуемо очень скоро перейти въ явное ограниченіе. Такъ оно и случилось.

Въ 1780 году евреямъ Бѣлоруссіи разрѣшено было записываться въ купечество. „Грамота на права и выгоды городамъ“ 1785 года не устанавливаетъ никакихъ исключеній для евреевъ, которые введены были, такимъ образомъ, въ составъ городскихъ сословій на общихъ основаніяхъ. Въ томъ же году было даже провозглашено и въ слѣдующемъ году повторено, что разъ „означенные Еврейскаго закона люди вошли уже на основаніи указовъ Ея Величества въ состояніе равное съ другими, то и подлежатъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило, Ея Величествомъ установленное, что всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа“ [1]). Было бы ошибочно, однако, усматривать въ этой декларації дѣйствительное уравненіе евреевъ въ правахъ съ не-евреями, хотя бы только въ законѣ. Положеніе евреевъ опредѣлялось въ дѣйствительности частью давно установившимся строемъ жизни ихъ въ присоединенномъ краѣ, частью привычнымъ, старорусскимъ отношеніемъ къ еврейскому племени и лишь частью новымъ направленіемъ законодательства въ духѣ французскаго просвѣщенія того времени. Въ томъ самомъ сенатскомъ указѣ, гдѣ приведены высокія слова Императрицы о равенствѣ людей безъ различія закона и народа, говорится о государственныхъ податяхъ „съ Евреевъ“, и раскладывать эти подати предоставляется имъ самимъ; въ этомъ же актѣ упоминается о казусѣ, получившемъ разрѣшеніе черезъ два года и невозможномъ, конечно, тамъ, гдѣ существуетъ равенство гражданъ предъ закономъ: власти города Риги

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16.391.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

не давали пріѣзжавшимъ туда для торга евреямъ занимать помѣщенія для жилья въ другихъ домахъ, кромѣ „Жидовскаго двора“, и сенатъ постановилъ „предписать о назначеніи и другихъ домовъ, сколько оныхъ для удобнаго помѣщенія потребно будетъ“. Равенство выражалось, главнымъ образомъ, въ участіи евреевъ въ городскомъ самоуправленіи и въ одинаковомъ обложеніи еврейскихъ купеческихъ капиталовъ и не-еврейскихъ; но въ 1794 году евреи именнымъ указомъ были обложены „вдвое противу положеннаго съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій“, при чемъ нежелающимъ взять на себя это бремя любезно предоставлено было „по заплатѣ трехлѣтней двойной подати выѣхать изъ имперіи Нашей“. Вопроса о правѣ жительства всѣ эти узаконенія не рѣшили, да онъ собственно и не ставился до 1791 года, когда послѣдовалъ указъ, съ котораго начинается исторія черты еврейской осѣдлости. Евреи, и раньше проникавшіе въ смежные съ Польшей русскія области, естественно стремились теперь, пребывая въ русскомъ подданствѣ, выйти въ своей торговой дѣятельности за предѣлы присоединеннаго края и жаловались, что ихъ не записываютъ въ Смоленское и Московское купечество; съ другой стороны, восходили къ правительству просьбы московскихъ купцовъ не допускать торговли евреевъ въ Москвѣ. Именнымъ указомъ, изданнымъ въ 1791 г. по поводу этихъ ходатайствъ, Екатерина подтвердила права евреевъ въ Бѣлоруссіи, распространила эти права ихъ „на Екатеринославское намѣстничество и область Таврическую“, но, „соображая все то съ законами“, нашла, что „Евреи не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутренніе Россійскіе города и порты“ [1]. Хотя здѣсь говорится

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16.391.

только о приписк'Ѣ къ купечеству, а не о прав'Ѣ жительства, и евреи по точному, буквальному смыслу указа могли бы и пріѣзжать во внутренніе города и торгъ тамъ вести, ибо, по грамот'Ѣ 1785 года, купцамъ „не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякую внутри имперіи торговлю, и товары возить водой и сухимъ путемъ по городамъ и ярмаркамъ и по онымъ продавать“, [1]) но современниками указъ былъ, повидимому, понятъ, какъ запретъ еврейскимъ купцамъ являться во внутренніе города; да ничего другого и не могли означать законы, на которые Указъ ссылается, какъ существовавшія до присоединенія польскихъ областей узаконенія, не допускавшія евреевъ въ Россію; ибо со времени 1772 года законовъ, которые могли бы им'Ѣть сюда отношеніе, издано не было. Евреи, ставъ подданными Россіи, остаются по прежнему чужими—таковъ смыслъ указа 1791 года; таковъ смыслъ и позднѣйшаго, упомянутаго уже выше указа о двойной подати, и таковъ же смыслъ черты осѣдлости.

Присутствуя здѣсь при зарожденіи черты еврейской осѣдлости, мы должны точно отмѣтить сопровождавшія его условія, чтобы имѣть потомъ возможность прослѣдить, какъ изъ этого маленькаго зародыша развилось большое чудовище. Московскіе купцы хотѣли оградить себя отъ конкуренціи—вотъ исходная точка. Вѣроисповѣданіе или раса имѣли здѣсь наименьшее значеніе; купцы несомнѣнно такъ же старательно ограждали бы себя отъ соперничества иногородныхъ торговцевъ—не-евреевъ, поскольку существующіе законы представляли для этого возможность. Но тогда въ жалобѣ такъ и говорилось бы о ярославскихъ купцахъ или тверскихъ мѣщанахъ; та же опредѣленность была бы и въ отвѣтъ на жалобу. Въ данномъ же случаѣ сословные или мѣстные признаки замѣ-

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16.188, п. 110.

няетъ признакъ національный, и по издавна существующему обычаю говорятъ о евреяхъ. Вотъ это-то маловажное, на первый взглядъ, различіе служитъ звеномъ, связывающимъ прошлое, до-екатерининское безправіе еврея въ Россіи съ настоящимъ, по-екатерининскимъ. Сословія—купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ—были въ концѣ концовъ раскрѣпощены и получили право передвиженія, а „еврей" остался прикрѣпленнымъ къ мѣсту. Этого не нужно понимать въ томъ смыслѣ, что просто неудачное выраженіе въ одномъ законодательномъ актѣ послужило причиной для тяготѣющихъ надъ милліонами евреевъ ограниченій въ правѣ жительства и передвиженій, и черта осѣдлости—только законодательное недоразумѣніе [1]). Черта осѣдлости получила въ разное время ясное выраженіе и не-

---

[1]) Хотя въ отдѣльныхъ частностяхъ и это имѣетъ мѣсто. Вотъ что сообщилъ чл. Гос. Думы, В. И. Дзюбинскій, интервьюировавшему его журналисту по вопросу о чертѣ осѣдлости. „Возьмите, наприм., Сибирь, которую я въ качествѣ одного изъ сибирскихъ депутатовъ знаю достаточно близко. Вѣдь у насъ евреи прикрѣплены не къ чертѣ осѣдлости,—которая какъ никакъ охватываетъ цѣлыя губерніи,—а къ данному селенію, къ которому они приписаны. Евреи, проживающіе въ селеніяхъ, къ которымъ приписаны, не имѣютъ даже права отлучаться по дѣламъ въ сосѣдній городъ. Большинство мѣстныхъ евреевъ—потомки бывшихъ ссыльныхъ и николаевскихъ солдатъ. Въ качествѣ ссыльныхъ ихъ предки были приписаны къ тому или иному селенію, но тогда никому и въ голову не приходило, что тѣмъ самымъ они окажутся прикрѣпленными къ данному селенію или городу и стѣснены въ свободномъ передвиженіи по Сибири. Въ настоящее время потомки этихъ ссыльныхъ, занимающіеся честнымъ трудомъ, а равно дѣти николаевскихъ солдатъ, благодаря своеобразному толкованію мѣстной администраціей законовъ о правѣ евреевъ проживать внѣ черты осѣдлости, очутились въ худшемъ положеніи, чѣмъ евреи—ссыльнопоселенцы, лишенные всѣхъ правъ по суду. Послѣдніе имѣютъ право разъѣзжать по всей Сибири". „Нов. Восх.", 1910 г., № 28.

однократное подтвержденіе въ законѣ. Смыслъ сдѣланнаго мною указанія тотъ, что при наличности старорусскихъ возврѣній и навыковъ не нужно было ни особой зловредности евреевъ, ни особой злости и фанатизма со стороны русскаго населенія, чтобы плелась безъ конца сѣть ограниченій и лишеній вокругъ еврея; достаточно было столь обычнаго, слишкомъ человѣческаго и незначительнаго по существу явленія, какъ желаніе купцовъ въ одномъ частномъ случаѣ оградить себя отъ конкурентовъ, чтобы изъ этого получилось ограниченіе, имѣвшее тенденцію чисто механически превратиться во всеобщее: распространиться на всѣхъ евреевъ и сохраниться на неопредѣленно долгое время—независимо отъ условій, вызвавшихъ его.

Черта осѣдлости не была еще названа, но существовала уже на дѣлѣ. Позже область еврейской осѣдлости расширилась только присоединеніемъ новыхъ польскихъ областей, да узаконено было еще, въ 1799 году, жительство евреевъ въ Курляндіи, гдѣ въ дѣйствительности они проживали уже болѣе 200 лѣтъ; но вновь селиться тамъ евреямъ по прежнему нельзя было, слѣдовательно, губернія осталась внѣ черты осѣдлости. Законодательное закрѣпленіе и въ то же время наибольшее расширеніе „черта“ получила въ Положеніи о евреяхъ 1804 года, когда къ ней присоединены были Астраханская и Кавказская губерніи [1]). „Положеніе“ это, разработанное особымъ комитетомъ, представляетъ первое въ Россіи сведенное въ систему законодательство о евреяхъ, и въ немъ имѣются уже въ зародышѣ всѣ особенности, отличающія и позднѣйшее творчество въ этой области—вплоть до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

---

[1]) По завоеваніи Бессарабіи и она была включена въ черту осѣдлости.

Пересмотрѣть законы о евреяхъ признано было нужнымъ „по жалобамъ, многократно къ намъ и въ Правительствующій Сенатъ доходившимъ, на разныя злоупотребленія и безпорядки во вредъ земледѣлію и промышленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ, происходящія“,—какъ говорится въ указѣ о введеніи „Положенія“ въ дѣйствіе. [1]) Жалобы на вредъ, наносимый евреями промышленности, исходили отъ нѣкоторыхъ городовъ, желавшихъ отдѣлаться отъ еврейской конкуренціи; вредъ земледѣлію — это означало евреевъ-шинкарей въ деревняхъ, на которыхъ указывали, какъ на главную причину бѣдности крестьянскаго населенія въ сѣверо-западномъ краѣ. Правительство хорошо знало цѣну и этимъ жалобамъ и этимъ указаніямъ. О ковенскихъ горожанахъ, ходатайствовавшихъ о выселеніи евреевъ изъ города, генералъ-губернаторъ края сказалъ, что они слѣдуютъ „только застарѣлой ихъ легкомысленной и, такъ сказать, неосмысленной къ евреямъ зависти“, и это ходатайство, какъ и подобныя же просьбы каменчанъ и кіевлянъ, было отклонено. Крестьяне бѣдствовали не только въ новоприсоединенныхъ губерніяхъ, и причины этому были, конечно, болѣе глубокія, чѣмъ евреи-шинкари. Державинъ, принимавшій наиболѣе дѣятельное участіе въ составленіи „Положенія“ и приписывавшій въ оффиціальныхъ бумагахъ все зло евреямъ, въ частномъ письмѣ къ генералъ-прокурору Обольянинову писалъ: „Трудно безъ прегрѣшенія и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропиваютъ свой хлѣбъ жидамъ и оттого терпятъ недостатокъ въ оном. Владѣльцы не могутъ воспретить пьянство для того, что они отъ продажи вина весь доходъ имѣютъ. А и жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они для про-

[1]) П. С. З., т. XXVIII, № 21.547.

питанія своего извлекаютъ послѣдній отъ крестьянъ кормъ". [1]) Въ этихъ словахъ достаточно ясно выступаетъ сознаніе, что не въ евреяхъ дѣло.

Тѣмъ не менѣе вредность евреевъ оффиціально была признана, и Комитетъ, состоявшій изъ либеральныхъ друзей молодого и либеральнаго въ то время государя, могъ уже только думать о мѣрахъ исправленія и воспитанія евреевъ. Положивъ въ основаніе своихъ работъ мнѣніе, завѣдомо расходившееся съ дѣйствительностью, реформаторы могли обѣщать много хорошаго, какъ пріобщеніе евреевъ „ко всѣмъ выгодамъ и уваженію, коими пользуются прочія состоянія подъ общимъ покровительствомъ законовъ терпимости и благоустройства", но сдѣлать ничего разумнаго, т. е. справедливаго и сообразнаго съ условіями мѣста и времени, они уже не могли. „Положеніе" 1804 года обѣщало евреямъ такія блага, которыми и изъ среды русскаго населенія могли въ то время воспользоваться только единицы, какъ возведеніе въ университетскія степени отличившихся въ наукахъ, но временно оставило тяготѣвшій надъ евреями гнетъ двойной подати, лишило тысячи еврейскихъ семействъ источника пропитанія, отнявъ у нихъ право содержать въ деревняхъ шинки и аренды, и закрѣпило юридически черту осѣдлости [2]). Открыть евреямъ доступъ въ коренныя русскія губерніи, что было бы такъ естественно, разъ у людей на старомъ мѣстѣ ихъ жительства отнимаютъ хлѣбъ, никому и въ голову не приходило. Ограниченіе жительства евреевъ бывшими польскими областями въ то время, повидимому, считалось уже само собой понятнымъ, и если къ области еврейской осѣдлости присоединены были юго-восточныя

[1]) Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи, стр. 39.

[2]) П. С. З., т. XXVIII, № 21, 547. Въ этомъ актѣ впервые встрѣчается формула, причинившая и продолжающая причинять столько бѣдствій и евреямъ и Россіи: „гдѣ евреямъ жить дозволено".

губерніи, то это сдѣлано было, конечно, по тѣмъ же соображеніямъ, вслѣдствіе которыхъ Екатерина разрѣшила евреямъ селиться въ двухъ южныхъ областяхъ: тутъ руководствовались ожидаемой пользой для государства, но не заботой о евреяхъ.

Отеческая забота о нравственности еврея и равнодушіе мачехи къ матеріальнымъ условіямъ его существованія, полное незнакомство съ бытомъ еврейскаго народа и въ то же время самоувѣренная готовность все устраивать и перестраивать въ его жизни своими предписаніями, склонность въ тѣхъ сложныхъ сплетеніяхъ исторіи, гдѣ „по справедливости трудно кого-либо строго обвинять“ разрубить узелъ ударомъ по еврею—вотъ особенности, проявившіяся въ первомъ сводѣ законовъ о евреяхъ въ Россіи. Съ того времени ведетъ, между прочимъ, свое начало долго занимавшая русское правительство фантастическая мысль превратить евреевъ, тысячелѣтія не имѣвшихъ доступа къ землѣ, въ земледѣльцевъ, населивъ ими пустынныя степи. Тогда же начались заботы объ исправленіи евреевъ распространеніемъ среди нихъ еврейской образованности. И заботы эти продолжались до тѣхъ поръ, пока по общимъ условіямъ времени и вслѣдствіе внутренняго роста еврейства, тяготѣніе евреевъ къ образованію стало не только возможно, но и необходимо; въ это время, какъ извѣстно, двери школы передъ евреями были закрыты... При всемъ томъ „Положеніе“ 1804 года остается до сихъ поръ чѣмъ то вродѣ хартіи вольностей русскаго еврейства; въ позднѣйшемъ лучшія времена не много прибавили, худшія—много отняли. Наивное, хотя и высокомѣрное доброжелательство начала прошлаго вѣка все болѣе уступало мѣсто слѣпой злобѣ или низменному разсчету. Громкая, всесвѣтная извѣстность еврейскаго вопроса и густой туманъ, его окутывающій, дѣлали и дѣлаютъ изъ него безцѣнное орудіе въ рукахъ всѣхъ тѣхъ,

кто живетъ и силенъ противообщественными стремленіями и противообщественными дѣлами. О евреяхъ всѣ знаютъ, но ихъ никто не знаетъ; для темной игры это лучшее условіе.

Новый пересмотръ законовъ о евреяхъ былъ предпринятъ въ царствованіе Николая I и привелъ къ новому „Положенію“ 1835 года, сохранившему въ основныхъ чертахъ силу до сихъ поръ. Тутъ мы опять встрѣчаемся съ благими намѣреніями. „Главной цѣлью сего Положенія постановлено было устроить положеніе евреевъ на такихъ промыслахъ, кои, открывая имъ свободный путь къ снисканію безбѣднаго содержанія упражненіями въ земледѣліи и промышленности и къ постепенному образованію ихъ юношества, въ то же время преграждали бы имъ поводы къ праздности и къ промысламъ незаконнымъ“. Эти благодѣянія выразились, между прочимъ, въ томъ, что черта осѣдлости, разновременными постановленіями урѣзанная сравнительно съ „Положеніемъ“ 1804 года, была закрѣплена въ такомъ видѣ и сведена къ 15 западнымъ губерніямъ; [1]) но и отъ этой области была отрѣзана еще 50-верстная полоса у западной границы, гдѣ по „Положенію“ жительство евреевъ было ограничено и откуда позже (1843 г.) они по закону должны были быть выселены [2]). Если подозрительность и предвзя-

---

[1]) По нынѣшнему наименованію губерніи эти, идя съ сѣвера на югъ, слѣдующія: Гродненская, Ковенская, Виленская, Витебская (кромѣ селъ), Минская, Могилевская (кромѣ селъ), Черниговская, Полтавская, Кіевская, Волынская, Подольская, Херсонская, Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая. Кромѣ того, въ Курляндской губерніи, и также въ городѣ Ригѣ и посадѣ Шлокѣ, Лифляндской губерніи могутъ проживать евреи, записанные въ этихъ мѣстахъ по ревизіи, но переселеніе туда евреевъ изъ другихъ губерніи запрещается (В. П. С. З., т. X, № 8.054).

[2]) Впервые запретъ на 50-верстную пограничную полосу былъ наложенъ въ 1812 году по отношенію къ Волынской только гу-

тость, явно выступающія въ приведенныхъ выше торжественныхъ словахъ, недостаточно еще объясняютъ такой результатъ, то мотивы тѣхъ постановленій, которыми еще раньше сокращена была область еврейской осѣдлости, даютъ исчерпывающее объясненіе и этимъ новымъ ограниченіямъ и всему тому, что продѣлывалось въ Николаевское время надъ евреями.

Купечество и ремесленники города Митавы Всеподданѣйше просили ограничить въ этомъ городѣ число евреевъ приписанными къ нему въ 1797 году. Мотивы этой просьбы совершенно ясны: еще задолго до того курляндское губернское правленіе жаловалось, что торгующіе мелочными товарами евреи „дѣлаютъ великій подрывъ купцамъ“. Вслѣдствіе просьбы митавцевъ предписано было мѣстному генералъ-губернатору представить планъ объ уменьшеніи въ Курляндіи и Лифляндіи числа евреевъ. Планъ былъ представленъ и переданъ въ Еврейскій Комитетъ. Этотъ, находя, что „при самомъ учрежденіи Комитета въ число обязанностей его было именно постановлено, чтобы онъ имѣлъ въ виду мѣры къ уменьшенію

берніи и по иниціативѣ начальника этой губерніи. Въ 1825 году мѣра эта была распространена и на другія губерніи у западной границы. Въ томъ и другомъ случаѣ остались внѣ запрета города и мѣстечки, гдѣ были кагалы; въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ того, были сдѣланы изъятія для евреевъ, владѣющихъ недвижимостью (см. П. С. З. т. XL, № 30,402). „Положеніе“ 1835 года воспрещаетъ только вновь селиться въ селахъ и деревняхъ пятидесятиверстной полосы. Законъ 1843 года говоритъ категорически: „Всѣхъ евреевъ, живущихъ въ пятидесятиверстной полосѣ... вывесть внутрь губерній, предоставляя имѣющимъ собственные дома продать ихъ въ двухъ-годичный срокъ, и исполнить безъ всякихъ отговорокъ“ (В. П. С., т. XVII, № 16767). Полностью требованія всѣхъ этихъ узаконеній не могли быть осуществлены, но разрушено ими было, разумѣется, не мало.

евреевъ вообще въ государствѣ и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не слишкомъ умножились" [1]), представилъ проектъ мѣръ къ выжиганію евреевъ изъ Курляндіи, въ числѣ которыхъ были и ссылка въ Сибирь и сдача въ рекруты. Остается только прибавить, что тотъ же Комитетъ, которому при самомъ учрежденіи поставлены были такія почтенныя задачи, вырабатывалъ также и выработалъ тѣ законы, которые должны были облагодѣтельствовать евреевъ и поднять ихъ нравственный уровень.

Столь же поучительна исторія исключенія изъ черты осѣдлости губерній Астраханской и Кавказской. Оршанскій еврей Резаковъ ходатайствовалъ о перечисленіи его въ Георгіевскіе мѣщане (Кавказск. губ.). Этотъ ничтожный случай, т. е. простое упоминаніе о существованіи евреевъ и правѣ ихъ селиться на Кавказѣ, далъ поводъ министру финансовъ войти съ представленіемъ о совершенномъ запрещеніи евреямъ селиться въ юго-восточномъ краѣ, при этомъ онъ ссылался, главнымъ образомъ, на то, что до присоединенія польскихъ областей евреямъ не только запрещалось селиться въ Россіи, но даже пріѣзжать на ярмарки. Этотъ мотивъ, показавшійся убѣдительнымъ,—ибо 30 іюня 1825 г.—послѣдняго года царствованія Александра I—Высочайше одобреннымъ мнѣніемъ Комитета Министровъ на юго-восточныя губерніи былъ наложенъ запретъ, а другіе мотивы были не болѣе вѣски—лучше всего показываетъ, въ чемъ коренится исключительное отношеніе русской власти къ евреямъ [2]). Достаточно было

---

[1]) Сенатскій указъ 24 мая, 1829 г., В. П. С. З., т. четвертый, № 2884.

[2]) Записка министра финансовъ по этому вопросу поражаетъ своей откровенностью и по истинѣ, дерзостнымъ неуваженіемъ къ закону. Несмотря на совершенную ясность закона (Положеніе 1804 года), министръ, основываясь на законоположеніяхъ, предшествовавшихъ подчиненію евреевъ русскому подданству,

вѣтру азіатскихъ пустынь сдунуть легкій налетъ европеизма времени Екатерины и первыхъ лѣтъ царствованія Александра I, чтобы старыя воззрѣнія и старые навыки выступили совершенно неприкрыто. Подчинивъ русской власти евреевъ, русскіе правящіе люди по прежнему считали, что евреи находятся внѣ Россіи и пускать ихъ въ нее не слѣдуетъ. Но такъ какъ теперь подъ управленіемъ этихъ самыхъ людей жили сотни тысячъ еврейскихъ семействъ, интересы которыхъ соприкасались многообразно съ интересами окружающаго населенія, то прежняя принципіальность и своего рода чистота въ отношеніяхъ къ евреямъ стали теперь невозможны—открытъ былъ просторъ для всякихъ низменныхъ инстинктовъ и всевозможныхъ злоупотребленій. Здѣсь не мѣсто ихъ описывать. Достаточно только упомянуть, что въ Николаевское время кіевскимъ торговцамъ удалось добиться повелѣнія о выселеніи евреевъ изъ города, чего они раньше напрасно домогались; что въ то же царствованіе—евреевъ въ другихъ городахъ гнали, гдѣ въ предмѣстія, гдѣ изъ той или другой улицы или части города; что во всѣхъ этихъ гоненіяхъ, какъ и при выселеніи изъ 50-верстной полосы, а также изъ Николаева и Севастополя, откуда евреи вопреки отзывамъ мѣстныхъ властей изгнаны были по „военнымъ соображеніямъ“, евреи, изъ которыхъ многіе владѣли недвижимостью, лишались своего достоянія, а за ихъ счетъ наживались темные дѣльцы изъ среды не-еврейскаго населенія.

Если не считать права жительства внѣ черты, предо-

находитъ, что законъ открылъ евреямъ юго-восточныя губерніи, „вѣроятно, потому только, что губерніи сіи, будучи населены менѣе другихъ, не столько имѣютъ способовъ къ возвѣлыванію своихъ земель“. Не раздѣляя этого предполагаемаго соображенія законодателя, министръ предлагаетъ отмѣнить законъ, чего и добился. См. П. С. З., т. XL, № 30404.

ставленнаго въ царствованіе Александра II нѣкоторымъ привиллегированнымъ группамъ [1]), то область дозволеннаго жительства евреевъ оставалась въ общемъ безъ измѣненія до восьмидесятыхъ годовъ, когда длинная цѣпь новыхъ притѣсненій началась съ ограниченія правожительства, и внутри черты была проведена еще одна черта.

Запрещеніе евреямъ селиться или жить въ деревняхъ имѣетъ свою исторію, начинающуюся почти одновременно съ присоединеніемъ населенныхъ евреями областей. При Екатеринѣ предписано было всѣхъ вообще купцовъ и мѣщанъ переселить въ города; подъ это требованіе подпали и бѣлорусскіе евреи, но въ виду особыхъ мѣстныхъ условій, оно не было здѣсь приведено въ исполненіе. По „Положенію“ 1804 года евреи, лишенные права держать шинки и аренды, должны были быть выселены изъ деревень въ теченіе трехъ лѣтъ. Но это не могло быть выполнено въ такое короткое время, а учрежденный въ 1809 году особый Комитетъ для разсмотрѣнія этого вопроса нашелъ, что евреи могутъ быть оставлены въ деревняхъ, такъ какъ не они являются виновниками бѣдности и пьянства крестьянъ. „Доколѣ у бѣлорусскихъ и польскихъ помѣщиковъ—говорилось въ докладѣ Комитета—будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина, доколѣ помѣщики не перестанутъ, такъ сказать, покровительствовать пьянству, дотолѣ зло сіе, возростая годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, а послѣдствія будутъ всѣ тѣ же, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ, еврей или христіанинъ“. Выселеніе было пріостановлено. При Николаѣ I нѣсколько разъ предпринимались выселенія евре-

[1]) Жить внѣ черты дозволено было купцамъ I-ой гильдіи, приписавшимся къ купечеству внѣ черты, лицамъ съ высшимъ образованіемъ и ремесленникамъ (В. П. С. З., т. XXXIV, № 34,248; т. XXXVI, № 37,684 и т. XL, № 42,264).

евъ изъ деревень, но каждый разъ были пріостанавливаемы. Къ восьмидесятымъ годамъ евреи могли жить въ деревняхъ по всей чертѣ, кромѣ Витебской и Могилевской губерній, гдѣ имъ позволялось жить внѣ городовъ и мѣстечекъ только по особымъ разрѣшеніямъ. Въ 1881 году разразились на югѣ и юго-западѣ противоеврейскіе погромы, которыхъ ни описывать, ни объяснять, послѣ пережитыхъ нами октябрьскихъ погромовъ 1905 года, нѣтъ надобности. Погромы послужили поводомъ къ учрежденію Комитета о евреяхъ—пятаго по счету со времени присоединенія польскихъ областей—подъ предсѣдательствомъ сенатора Готовцева. Комитетъ призналъ необходимымъ, не ожидая общаго пересмотра законодательства о евреяхъ, немедленно выработать временныя мѣры къ успокоенію населенія и къ предотвращенію противоеврейскихъ безпорядковъ. Опять забота о евреяхъ, и въ результатѣ—новая тюрьма для нихъ.

Такъ явились на свѣтъ знаменитыя временныя правила 3 мая, 1882 года, по которымъ евреи не могутъ селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, а также покупать или брать тамъ въ аренду землю и другія недвижимыя имущества [1]). Сейчасъ не время еще писать исторію этого до-

[1]) 1) „Въ видѣ временной мѣры и до общаго пересмотра, въ установленномъ порядкѣ, законовъ о евреяхъ, воспретить евреямъ впредь вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, съ допущеніемъ въ семъ отношеніи исключенія только относительно существующихъ нынѣ еврейскихъ колоній, занимающихся земледѣліемъ.

2) Пріостановить, временно, совершеніе купчихъ крѣпостей и закладныхъ на имя евреевъ, а равно и засвидѣтельствованіе, на имя евреевъ, арендныхъ договоровъ на недвижимыя имущества, находящіяся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, и довѣренностей на управленіе и распоряженіе сими имуществами".

Третій п. касается торговли въ праздничные дни; 4 п. говоритъ, что 1 и 2 касаются только черты осѣдлости. Собр. узаконеній и распоряженій правительства. 1882 г., № 43, стр. 450.

стопамятнаго акта, ставшаго поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ русской власти къ евреямъ. Пока достаточно сказать, что и въ эту тяжелую годину евреи, разгромленные и разоренные, не потеряли мужества и показали себя гражданами: Когда имъ пришлось выбирать между такими ограниченіями, при которыхъ приходится откупаться отъ каждаго сотскаго, и покупкой оптомъ права жить въ странѣ—по обычаю среднихъ вѣковъ,—они выбрали первое.

Мы пришли къ концу. Послѣ 1882 года область еврейской осѣдлости больше не сокращалась. Въ самые послѣдніе годы были даже сдѣланы кое-какія облегченія: нѣкоторые поселки были переименованы въ мѣстечки и открыты, такимъ образомъ, для евреевъ (1903 и 1905 гг.), а въ 1904 году былъ снятъ запретъ съ пятидесятиверстной полосы. Но если по отношенію къ чертѣ майскія правила являются конечнымъ пунктомъ, то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они являются началомъ, исходной точкой. Начиная съ этого времени, не было года, кажется, который не приносилъ бы евреямъ новыхъ ограниченій, тяжкихъ и оскорбительныхъ, и бремя, накопившееся за послѣднія тридцать лѣтъ, перевѣшиваетъ наслѣдіе всего предшествующаго столѣтія пребыванія евреевъ подъ русской властью. Откуда этотъ потокъ злобы? Можетъ быть, это есть результатъ совмѣстнаго въ теченіе ста лѣтъ жительства русскихъ людей съ евреями, тотъ опытъ жизни, о которомъ говорится въ журналѣ Совѣта Министровъ? Одновременно съ изданіемъ майскихъ временныхъ правилъ, 6-мъ пунктомъ того же Положенія Комитета Министровъ, постановлено было матеріалы Готовцевскаго Комитета о евреяхъ передать на всестороннее обсужденіе новой Высшей Комиссіи, которая и учреждена была подъ предсѣдательствомъ графа Палена 4 февраля, 1883 года.

Паленская комиссія, тщательно разсмотрѣвъ обширный матеріалъ, полученный ею отъ прежняго Комитета и собранный ею самой, и подвергнувъ еврейскій вопросъ всестороннему обсужденію, пришла къ заключенію, что „система исключительныхъ и репрессивныхъ мѣръ отжила свое время и оказалась несостоятельной, что слѣдуетъ обратиться къ инымъ началамъ, т. е. къ началамъ противоположнымъ... что конечная цѣль законодательства о евреяхъ есть ничто иное, какъ его упраздненіе, т. е. постепенное уравненіе правъ евреевъ со всѣми другими подданными Имперіи“ [1]). Заключеніе Комиссіи поступило къ Министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Толстому, и утонуло въ архивахъ министерства; а преслѣдованія и ограниченія росли и множились. Труды Паленской комиссіи не могли имѣть дѣйствія въ эпоху Александра III; они устарѣли раньше, чѣмъ были доведены до конца. Комиссія обсуждала вопросы о нравственныхъ качествахъ евреевъ, о вредномъ или полезномъ дѣйствіи ихъ на экономическую жизнь страны, а въ это время въ правящихъ кругахъ и нравственность, и хозяйство, и все прочее все болѣе отодвигалось, уступая мѣсто одному, единственному вопросу, сосредоточившему на себѣ все вниманіе и поглотившему всѣ помыслы: вопросу о политической благонадежности. Но это объясненіе только данный случай и объясняетъ. Каждый разъ, когда вопросъ о зловредности евреевъ и цѣлесообразности особаго, ограничительнаго для нихъ законодательства с т а в и л с я, а не предрѣшался, то люди, занимавшіеся его изслѣдованіемъ, съ убѣжденіемъ говорили: нѣтъ! И чѣмъ дальше, чѣмъ больше накоплялось матеріала, чѣмъ больше знакомились русскіе люди съ

---

[1]) Такъ передаетъ заключеніе Высшей комиссіи упомянутый уже выше Особый журналъ совѣта министровъ 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 года.

жизнью евреевъ въ странѣ, тѣмъ категоричнѣе и настойчивѣе становился этотъ отвѣтъ; но ни разу это не оказало вліянія на судьбу евреевъ въ Россіи. Еще въ началѣ царствованія Александра II гр. Киселевъ, предсѣдательствовавшій въ особомъ комитетѣ объ устройствѣ быта евреевъ, учрежденномъ еще въ 1840 году при Николаѣ I, высказался во Всеподданнѣйшемъ докладѣ категорически противъ особаго законодательства для евреевъ, и вскорѣ Высочайше утвержденнымъ журналомъ того же комитета было рѣшено „уравненіе евреевъ въ правахъ съ русскими подданными съ тѣмъ лишь, чтобы это уравненіе совершалось постепенно". Но въ теченіи продолжительнаго царствованія были лишь сдѣланы кой-какія облегченія для нѣкоторыхъ незначительныхъ группъ, а въ послѣдніе годы царствованія механизмъ заработалъ по старому, и пошли новыя ограниченія. Послѣ Паленской комиссіи такого же убѣжденія, какъ она, держался никто иной, какъ самъ Плеве; но это привело только къ переименованію нѣкоторыхъ селъ въ мѣстечки, и это немногое было сдѣлано не по соображеніямъ справедливости, а полицейскимъ. Какъ болѣзнь, ограниченія и обиды входили въ нашу жизнь до сихъ поръ пудами, а выходили золотниками.

Такова вкратцѣ исторія черты осѣдлости. Евреевъ изгоняли изъ цѣлой губерніи потому, что купцы одного города (Митавы) хотѣли избавиться отъ конкурентовъ; имъ запретили доступъ въ обширный край только потому, что одинъ еврей своей просьбой напомнилъ о существованіи этого края и евреевъ; устройство жизни евреевъ и забота объ ихъ нравственности лежало на обязанности тѣхъ же людей, которымъ поставлена была задача освободить отъ нихъ страну; евреевъ заперли въ города, буквально не давая имъ возможности дышать воздухомъ окрестныхъ полей потому только, что чернь, не встрѣчая препят-

ствій, громила ихъ дома и насиловала ихъ дочерей и нашлись царедворцы, которые это бѣдствіе хотѣли обратить въ источникъ своего обогащенія. Евреевъ преслѣдовали и по темному суевѣрію и вопреки ясно сознанному убѣжденію, ихъ поносятъ даже тогда, когда предлагаютъ облегчить имъ существованіе,—поносятъ на всякій случай, чтобы себя не скомпрометировать. Въ теченіе полутораста лѣтъ травили евреевъ по всевозможнымъ поводамъ и причинамъ, въ основѣ которыхъ лежитъ одна:

Наибольшую цѣнность для человѣка представляетъ человѣкъ же; съ нимъ наиболѣе тѣсно и многообразно связаны его интересы, страсти и слабости; и если въ обществѣ людей подъ вопросомъ и сомнѣніемъ, внѣ твердо установленнаго права, находятся не угодья, поля и лѣса, а милліоны людей, то въ этомъ обществѣ всегда найдется достаточно жадности, корыстолюбія, властолюбія, малодушія, трусости и глупости, чтобы такимъ положеніемъ пользоваться и его удерживать. Чтобы отъ него освободиться, требуется великое усиліе народной совѣсти, которое не часто бываетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Экономическое значеніе черты осѣдлости.

III.

Всемірная исторія не знаетъ „черты осѣдлости"—дѣленія занимаемаго обществомъ территоріи на доступную и недоступную для его же членовъ, для нѣкоторой части его. Крѣпостное право прикрѣпляло, говорятъ, человѣка къ землѣ, но въ дѣйствительности крѣпостной не къ мѣсту былъ прикованъ, а къ владѣльцу земли. Нуждаясь въ его трудѣ, владѣлецъ держалъ его въ опредѣленномъ мѣстѣ; но, отпущенный на заработки, отданный въ ученіе, вообще освобожденный отъ своихъ обязанностей по отношенію къ владѣльцу въ постоянномъ мѣстѣ своего жительства, крѣпостной могъ ходить по всей странѣ и оставаться, гдѣ ему угодно; обычно существовала для него обязанность быть въ опредѣленномъ мѣстѣ, но не существовало для него мѣстъ заповѣдныхъ. Въ Россіи записавшіеся въ купцы должны были въ старину жить, т. е. вести свое купеческое дѣло непремѣнно въ городахъ, но само пребываніе въ деревнѣ не было ему за-

прещено. Купецъ до 1785 года не могъ, будучи приписанъ къ одной губерніи, вести торгъ въ другой; но на богомолье, на поклоненіе мощамъ святыхъ угодниковъ смоленскій или тверской купецъ могъ отправиться въ Москву или Кіевъ; въ гости къ родственникамъ, челобитную подавать, для всякихъ другихъ надобностей онъ, получивъ паспортъ, могъ ѣхать во всякія мѣста и оставаться въ нихъ; и въ данномъ случаѣ были обязательныя мѣста, но не было запретныхъ.

Учрежденіе, которому нельзя найти подобія даже во времена глубокаго варварства, не можетъ въ наше время оставаться безнаказаннымъ для страны, создавшей и поддерживающей его. И казнь дѣйствительно существуетъ; она осуществляется непрерывно, грѣхъ и возмездіе живутъ вмѣстѣ. Объемъ дѣйствія и послѣдствія черты осѣдлости выходятъ за предѣлы экономики, но по цѣли она есть раньше всего орудіе экономической борьбы, и именно тутъ преступленіе неразлучно съ наказаніемъ. Огражденіе московскихъ купцовъ отъ еврейской конкуренціи, огражденіе сельскаго населенія отъ еврейской эксплоатаціи—вотъ мотивы, стоящіе въ самомъ началѣ и въ самомъ концѣ исторіи ограниченій русскихъ евреевъ въ правѣ жительства и передвиженія. Но эти ограниченія бьютъ лишь однимъ концомъ по евреямъ, другимъ они бьютъ по Россіи; и только, уяснивъ себѣ вредъ, причиняемый этими неслыханными законами странѣ въ цѣломъ, мы въ состояніи будемъ составить себѣ понятіе о тяжести той доли, которая падаетъ на насъ и давитъ насъ, евреевъ. Именно въ этомъ отношеніи нѣтъ возможности говорить о еврейскомъ населеніи отдѣльно отъ Россіи. Бѣдность еврейской массы, усиленная эмиграція, чрезмѣрное число еврейскихъ ремесленниковъ и торговцевъ въ чертѣ осѣдлости, низкій уровень ихъ заработка—все это факты, показатели, но по нимъ труд-

но добраться до причинной связи. Какъ ни отличается по характеру своему экономическая дѣятельность евреевъ отъ такой же дѣятельности нееврейскаго населенія, хозяйство страны составляетъ одно цѣлое. Лишь по старой, застарѣлой привычкѣ считать евреевъ чужими русскій человѣкъ можетъ вѣрить, что ему будетъ въ пользу, если евреевъ толочь въ ступѣ, будь она даже помѣщена на его собственной груди. Гораздо чаще можно встрѣтить въ русскомъ обществѣ готовность оказать евреямъ справедливость—этого требуетъ совѣсть и по отношенію къ чужимъ,—чѣмъ ясное сознаніе, что между еврейскимъ населеніемъ Россіи и русской землей со всѣмъ, что на ней, существуетъ сложное и глубокое взаимодѣйствіе, стихійное и неотвратимое, какъ теченіе рѣкъ, какъ людскія страсти.

Не всегда „цифры управляютъ міромъ", но во многихъ случаяхъ онѣ поучительны. Сколько раньше всего евреевъ въ Россіи? По послѣднимъ даннымъ, относящимся къ 1 Января, 1909 года, евреевъ въ Россіи свыше 6.000.000, что составляетъ около 4% всего населенія страны. Людямъ, не привыкшимъ вдумываться въ явленія общественной жизни, цифра эта можетъ показаться столь незначительной, что, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія цѣлаго, всей страны, и говорить о евреяхъ большаго интереса не представляетъ. Во многихъ другихъ отношеніяхъ четыре сотыхъ дѣйствительно не представляются большой величиной; платить, напр., 4% на занятыя деньги считается немного даже въ богатыхъ странахъ; хотя нужно все же помнить, что и въ операціяхъ такого рода рѣшается изъ за этихъ четырехъ сотыхъ на рискъ заимодавецъ, и идетъ борьба между нимъ и берущимъ взаймы изъ-за увеличенія или уменьшенія этой незначительной доли. Но человѣкъ—матерія особаго рода; четыре сотыхъ населенія—это очень большая доля.

Если бы въ какой-либо культурной странѣ преступность, напр., была въ обычное время на 4% по отношенію къ населенію выше, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ, то такой странѣ трудно было бы предсказывать свѣтлое будущее Но то, что мы взяли здѣсь, какъ одинъ изъ возможныхъ примѣровъ, составляетъ въ дѣйствительности исходную точку всей противоеврейской политики: въ основѣ всѣхъ ограниченій и преслѣдованій лежитъ явное или подразумѣваемое допущеніе, что всѣ евреи прирожденные преступники или, по крайней мѣрѣ, прирожденные враги русскаго государства и русскаго народа, или народовъ Россіи. Урожайность въ Россіи вдвое меньше, чѣмъ въ сосѣдней Австріи, и втрое меньше, чѣмъ въ сосѣдней же Германіи; по грамотности населенія Россія занимаетъ послѣднее мѣсто, по смертности—первое. Сторонники особыхъ законовъ для евреевъ говорятъ міру, что, кромѣ этихъ и другихъ столь же печальныхъ отличій, Россія замѣчательна еще тѣмъ, что въ ней на каждые сто человѣкъ приходится четыре опасныхъ врага общества, народа, государства. Если бы современные культурные народы способны были вѣрить такимъ чудовищнымъ утвержденіямъ, то ни дружбы и союза съ Россіей они не искали бы, ни бороться съ ней не считали бы нужнымъ. По отношенію къ государству, столь глубоко зараженному, возможна была бы только одна политика: предоставивъ его собственной участи, ждать его разложенія. По личному опыту и по наблюденіямъ надъ близкими и окружающими всякій знаетъ, въ какой тревогѣ мечется человѣкъ раньше, чѣмъ онъ признаетъ себя зараженнымъ опасной болѣзнью, сколько провѣрокъ и испытній онъ произведетъ, сколько мукъ переживетъ раньше, чѣмъ помирится съ мыслью о томъ, что онъ дѣйствительно носитъ въ себѣ болѣзнетворное начало. Сопоставьте съ этимъ ту легкость, съ которой русскій че-

ловѣкъ, даже лично не заинтересованный въ травлѣ евреевъ, даже не одобряющій ея, признаетъ евреевъ заразой и, слѣдовательно, Россію зараженной. Никакихъ колебаній, никакихъ тревогъ. Евреи—язва, тѣмъ хуже для нихъ. А Россія? Россія сама по себѣ, евреи тоже сами по себѣ. Это—все та же иллюзія раздѣльнаго существованія двухъ міровъ, въ дѣйствительности крѣпко связанныхъ: еврейскаго и нееврейскаго міра въ Россіи. Но это, вѣдь, только иллюзія. Евреи составляютъ двадцать пятую часть населенія страны, и если вы хотите отдать себѣ отчетъ въ томъ, что означаютъ не слова и лжеученія нашихъ гонителей, а нечестивыя дѣла ихъ, вдумайтесь въ эту цифру, въ отмѣчаемый ею фактъ. Представьте себѣ все населеніе Россіи разбитымъ на группы въ 25 человѣкъ каждая; допустите еще, что по закону, общему для всѣхъ этихъ маленькихъ обществъ, въ каждомъ изъ нихъ 24 человѣка обязаны преслѣдовать двадцать пятаго — пересѣкать ему дорогу, куда бы онъ ни направлялся, препятствовать всѣмъ его начинаніямъ, непрестанно заботиться о томъ, чтобы и солнечный свѣтъ до него не доходилъ и воздухъ окрестныхъ полей былъ ему недоступенъ; вглядитесь затѣмъ пристально въ этотъ строй жизни, но не въ странѣ вообще, что было бы не подъ силу воображенію, а вблизи, около себя, въ той деревнѣ, въ томъ городѣ, въ томъ домѣ, гдѣ вы живете,—и предъ вами выяснится тотъ ужасъ, который въ Россіи дѣйствительно существуетъ, въ которомъ мы живемъ, хотя дѣйствительность и не во всемъ совпадаетъ съ нарисованной здѣсь схемой.

Мы сопоставляли числа, считая всѣ составляющія ихъ единицы равными. Но въ дѣйствительности это не такъ. Значеніе лица и группы зависитъ отъ мѣста, которое они въ обществѣ занимаютъ, отъ дѣла, къ которому они приставлены, точнѣе—отъ функцій, ими выполняемыхъ. Отъ

стрѣлочника, напр., желѣзнодорожное движеніе и благополучіе общества, вообще, зависятъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ отъ контролера билетовъ въ пассажирскихъ поѣздахъ, управляющій фабрикой значитъ больше, чѣмъ ея привратникъ. Каково же соціальное значеніе евреевъ въ строѣ русской, россійской жизни, какова ихъ общественная функція? Евреи—обитатели городовъ, этимъ въ общихъ чертахъ опредѣляется ихъ соціальное значеніе въ странѣ. Больше половины еврейскаго населенія Россіи живетъ въ городахъ, не менѣе пяти шестыхъ всѣхъ евреевъ живутъ въ городахъ и мѣстечкахъ; въ сельскихъ мѣстностяхъ живетъ, слѣдовательно, только около 1/6 еврейскаго населенія. По отношенію ко всему городскому населенію Россіи евреи-горожане, считая и живущихъ въ мѣстечкахъ, составятъ около 24%, т. е. на каждые три городскихъ жителя-нееврея приходится одинъ еврей. Мы поймемъ значеніе этихъ чиселъ, если уяснимъ себѣ роль городовъ въ современной жизни и, слѣдовательно, удѣльный вѣсъ городского населенія. Въ Россіи городское населеніе составляетъ около 14% всего населенія страны, т. е. въ городахъ собралось здѣсь сравнительно меньше народа, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Но именно эта сравнительная малочисленность городского населенія облегчаетъ намъ выясненіе вѣса и значеніе его. Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ, что полный неурожай постигъ седьмую часть страны, такъ что трудъ 14% всего земледѣльческаго населенія или даже всего населенія не далъ никакихъ плодовъ, и его въ теченіе года какъ бы не существовало вовсе. Это было бы, разумѣется, тяжелымъ испытаніемъ для пострадавшихъ, неурожай въ этихъ мѣстностяхъ легъ бы несомнѣнно бременемъ на страну вообще; но жизнь въ ней все же не замерла бы, на всемъ остальномъ пространствѣ ея, кромѣ пострадавшаго, такъ же кипѣлъ бы человѣческій трудъ и шло бы

соревнованіе, какъ всегда. Подумайте теперь, что произошло бы, если бы на годъ остановилась дѣятельность той седьмой части населенія, которая живетъ въ городахъ, если бы въ теченіе года не работали банки, конторы, магазины, мастерскія, если бы городъ не покупалъ и не продавалъ, не требовалъ у деревни произведеній полей, огородовъ и садовъ, не посылалъ ей своихъ товаровъ и не дѣлился бы съ ней своими знаніями! Бѣдствіе было бы тогда всеобщее и безмѣрное, параличъ города отозвался бы болью и страданіями въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ страны, порвались бы всѣ связи между людьми и между вещами, и страна, прежде жившая одной жизнью, разсыпалась бы въ груду развалинъ. Города—средоточія современной жизни. Они связаны со всей страной стальными, водными и грунтовыми путями и тысячами невидимыхъ, но дѣйствительныхъ нитей. Ударить по одному городу значитъ ударить по всей странѣ; давить города постоянно, опутывать ихъ населеніе или значительную часть его тысячами путъ, ставить на пути его дѣятельности всевозможныя преграды—значитъ для страны, допускающей это, заниматься самоистязаніемъ. И ничѣмъ инымъ нельзя такъ вѣрно придушить городъ, какъ отнявъ у населенія его возможность свободнаго, безпрепятственнаго передвиженія. Отрѣзать городъ отъ деревни, отрѣзать города другъ отъ друга—значитъ намѣренно разстраивать хозяйственную дѣятельность страны, уничтожать, обезцѣнивать народный трудъ, выращивать лѣнь, бѣдность и невѣжество. Именно это у насъ дѣлается, и дѣлается въ наихудшемъ, въ наиболѣе злостномъ видѣ. Городъ не составляетъ чего-то однороднаго, и не всѣ слои городского населенія одинаково нуждаются для своей дѣятельности въ свободномъ передвиженіи. Больше всего въ этомъ нуждается классъ торговцевъ—люди, занятые торговлей во всѣхъ

ея видахъ. Торговлю уже давно сравниваютъ съ кровообращеніемъ въ живомъ организмѣ, торговля есть обмѣнъ, слѣдовательно—перемѣщеніе, движеніе. И вотъ именно этой подвижной стихіи наши законы и административная практика ставятъ величайшія преграды. Составляя четверть городского населенія, евреи въ классѣ торговцевъ образуютъ больше $^1/_3$ (по даннымъ переписи 1897 года 35%). И вся эта огромная масса коммерческаго люда лишена по нашимъ законамъ права свободно передвигаться и размѣщаться по странѣ! Въ сравненіи съ этимъ непрекращающимся разгромомъ торговли, слѣдовательно, и производства, всего хозяйства страны, что могутъ значить неискренніе и—послѣ поразительныхъ хищеній, раскрытыхъ ревизіями на пространствѣ всей Россіи, отъ Верхболово до Владивостока — просто безстыдные разговоры объ особой склонности евреевъ къ эксплоатаціи и наживѣ!

Числовыя отношенія, которыми мы раньше пользовались, не даютъ еще, однако, даже приблизительнаго представленія о разрушительномъ дѣйствіи законовъ о жительствѣ евреевъ. Отъ простыхъ отношеній чиселъ нужно перейти къ сложной дѣйствительности — къ географическимъ и историческимъ условіямъ. Милліоны евреевъ, лишенные свободы передвиженія и размѣщенія, живутъ не по всей странѣ, а лишь въ западной части ея. Эта дозволенная для евреевъ полоса и есть „черта осѣдлости", а вмѣстѣ съ польскими губерніями—область еврейской осѣдлости. Здѣсь на западѣ живетъ 95,9% всѣхъ евреевъ въ Россіи, и тутъ они составляютъ не 3,9%, а—по даннымъ переписи 1897 года—11,6% всего населенія. Въ городахъ евреи по тѣмъ же даннымъ составляютъ здѣсь 37,6%, въ мѣстечкахъ и посадахъ—39,8%. Въ сѣверо-западномъ краѣ, отдѣльно взятомъ, евреи составляютъ въ городахъ даже 52,6%, а въ двухъ губерніяхъ этого

района отношеніе это поднимается почти до $^6/_{10}$: въ Гродненской—58,7%, въ Минской—59,4%.

Уже эти цифры показываютъ, какъ велико значеніе евреевъ и какую великую силу они составляютъ въ этой полосѣ Россіи. Можно съ полной увѣренностью сказать, что уничтожить благополучіе евреевъ, къ чему въ концѣ концовъ направлены всѣ усилія враговъ нашихъ, возможно здѣсь не иначе, какъ цѣной разоренія всего этого обширнаго края. Уже пассивная роль евреевъ въ экономической жизни здѣсь огромная. Составляя столь большую часть городского и еще большую часть неземледѣльческаго населенія, евреи являются здѣсь раньше всего очень важными потребителями земледѣльческихъ продуктовъ. Искусственно, насильственно обездоливать еврейскую массу, ослаблять ея покупательную силу—значитъ поэтому подрывать также благосостояніе крестьянства; ибо никакой вывозъ не можетъ замѣнить мѣстное потребленіе. Не все, что имѣетъ цѣнность на мѣстѣ, можетъ быть вывезено, и не все, что годится для вывоза, выгодно и удобно производителю сбывать такимъ путемъ: кувшина молока ни въ Кенигсбергъ ни въ Москву изъ Минской губерніи не пошлешь, курицу можно продать и на вывозъ, но удобно это дѣлать только тогда, когда существуетъ постоянный мѣстный спросъ и можно быть увѣреннымъ, что отправившись за 10 или 15 верстъ на базаръ, покупателя во всякомъ случаѣ найдешь. Но не менѣе, а болѣе еще значительна активная роль евреевъ въ экономической жизни края. Почти треть промышленнаго труда (31,4%) выполняется въ чертѣ евреями, и занята имъ больше третьей части (36,3%) самостоятельнаго еврейскаго населенія. Нѣкоторыя промышленныя профессіи находятся преимущественно въ рукахъ евреевъ. Такъ, въ изготовленіи одежды евреи участвуютъ въ количествѣ 51,4%, иначе говоря—больше половины крестьянъ,

помѣщиковъ, чиновниковъ и т. д. одѣваются и обуваются руками евреевъ; въ типографскомъ, переплетномъ и тому подобномъ трудѣ евреи участвуютъ въ количествѣ 62,9%, въ обработкѣ табака 73,5%. Въ торговомъ классѣ евреи составляютъ здѣсь почти $^3/_4$ (72,8%); но въ отдѣльныхъ частяхъ черты и въ отдѣльныхъ отрасляхъ торговли участіе евреевъ еще выше. Въ сѣвѣро-западномъ краѣ на тысячу занятыхъ торговлей приходится 886 евреевъ; на тысячу торгующихъ зерновыми продуктами приходится во всей чертѣ въ среднемъ 930 евреевъ, иначе говоря— почти вся хлѣбная торговля въ еврейскихъ рукахъ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ 1897 году.

Массовый характеръ отмѣченныхъ здѣсь явленій устанавливаетъ непререкаемо ихъ стихійный, историческій характеръ, и для всякаго добросовѣстнаго и не потерявшаго разсудка человѣка исключена здѣсь возможность говорить о злой волѣ. Обвинять евреевъ въ „захватѣ“ торговли или ремесла имѣетъ при свѣтѣ этихъ цифръ не больше смысла, чѣмъ имѣло бы обвиненіе помѣщиковъ и крестьянъ въ „захватѣ“ пахотныхъ земель, лѣсовъ, пастбищъ и другихъ угодій. Еврейство здѣсь такая же основная экономическая сила, какъ крестьянство, и силы эти тѣсно связаны между собой и многообразно переплетаются. Какъ засуха или саранча, поражая непосредственно благополучіе христіанина-землепашца въ деревнѣ, посредственно, но столь же вѣрно наноситъ глубокій вредъ и еврею-ремесленнику и еврею-торговцу въ городѣ, такъ всякая напасть, обрушивающаяся на евреевъ и вызывающая разстройство въ ихъ трудѣ и занятіяхъ, ложится посредственно бременемъ и на земледѣльческую массу населенія. Это не значитъ, конечно, что тутъ существуетъ гармонія интересовъ; но существуетъ зависимость—такая же, какая существуетъ во всемъ культурномъ мірѣ между земледѣльческимъ и торгово-промышленнымъ населеніемъ, и только бездушное

высокомѣріе, слѣпое самовластіе, легкомысліе и невѣжество могли подсказать такую мѣру, какъ майскія „Временныя Правила“ (см. стр. 29), которыя должны были воздвигнуть барьеръ между частями населенія, другъ для друга необходимыми.

Уже высшая комиссія указывала на то, что „Временныя Правила“ 1882 года, запрещая евреямъ вновь селиться внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, раньше всего не могутъ достигнуть цѣли, такъ какъ крестьяне и евреи, нуждаясь другъ въ другѣ, найдутъ способы для дѣловыхъ встрѣчъ и сношеній. „Въ западномъ краѣ эти два элемента сжились и другъ другу необходимы взаимно. Связь эта вѣковая и никакія запретительныя мѣры не упразднятъ ея“—говорила комиссія въ своемъ заключеніи И. С. Бліохъ, развивая эту мысль, изобразилъ ее наглядно. Принявъ города и мѣстечки черты осѣдлости за центры, онъ провелъ на картѣ окружности радіусомъ въ 20 верстъ и получилъ необычайно сложный и запутанный чертежъ, въ которомъ окружности многократно пересѣкаются, включая каждая не одну, а много деревень или селъ; одинъ взглядъ на этотъ чертежъ убѣждаетъ, что евреи въ этомъ краѣ такіе же „коренные“, какъ и не-евреи, съ которыми они географически слились въ одну нераздѣльную массу. Позднѣйшіе факты вполнѣ подтвердили правильность взглядовъ и соображеній Высшей Комиссіи. Сопоставляя число еврейскаго населенія въ сельскихъ мѣстностяхъ 15 западныхъ губерній, т. е. „черты“ въ тѣсномъ смыслѣ, гдѣ дѣйствуютъ „Временныя Правила“,—наканунѣ введенія этихъ правилъ, въ 1881 г., съ числомъ того же населенія, обнаруженнымъ переписью въ 1897 году, мы видимъ, что не только абсолютно, но и относительно сельское еврейское населеніе за эти полтора десятилѣтія не уменьшилось: и по первому и по второму подсчету внѣ городовъ и мѣстечекъ жило $^1/_5$ часть всѣхъ евреевъ этого края.

Цифра, относящаяся къ 1881 году, врядъ ли отличается точностью, и возможно, что тогда въ деревняхъ жило евреевъ больше, хотя возможно и обратное; въ эмиграціи городское и мѣстечковое еврейское населеніе участвовало, вѣроятно, въ большей мѣрѣ, чѣмъ сельское; кромѣ того, нѣкоторыя мѣстечки за это время были переименованы въ села. Все это могло искусственно повысить относительную численность евреевъ-сельчанъ въ 1897 году. Но съ другой стороны, не мало евреевъ-старожиловъ было выслано администраціей за это время изъ деревень по разнымъ поводамъ, особенно послѣ сенатскаго разъясненія (1887), по которому еврей, переѣхавшій изъ одной деревни въ другую, считается новоселящимся и подлежитъ высылкѣ; выѣхало также несомнѣнно много еврейскихъ семействъ изъ селъ и деревень, вслѣдствіе общей тяги населенія въ города именно въ эти годы. Если тѣмъ не менѣе относительная численность сельскаго еврейскаго населенія не уменьшилась, то нужно считать весьма вѣроятнымъ допущеніе, что евреи и послѣ изданія „Временныхъ Правилъ“ проникали въ деревни и селились тамъ, что возможно было, разумѣется, только при попустительствѣ и прямомъ содѣйствіи мѣстнаго населенія. Во всякомъ случаѣ ограниченія не только не въ состояніи были вообще разъединить еврейское и крестьянское населеніе, но не могли даже задержать ростъ еврейскаго населенія въ деревняхъ, увеличившагося за 15 лѣтъ съ 580,285 до 711,355, т. е. на 22,8%, что почти равно естественному приросту,

Было бы ошибочно тѣмъ не менѣе отсюда выводить, что созданная майскими правилами „черта внутри черты“ является безвредной и невинной выдумкой. Цифры показываютъ только результатъ, но ничего не говорятъ намъ о процессѣ. Законъ не могъ опрокинуть вверхъ дномъ строй отношеній, складывавшихся вѣками, но онъ

сумѣлъ внести въ эти отношенія болѣзнь и уродство, вбивъ въ живое тѣло народное ржавые гвозди. Нужно помнить, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ очень большими числами и съ живыми людьми. Если законъ удержалъ отъ переѣзда въ городъ только 1% живущихъ въ селахъ евреевъ, не рѣшившихся за возможность искать счастья въ новыхъ мѣстахъ заплатить потерей своего права жить внѣ городовъ, то онъ этимъ самымъ ворвался уже въ жизнь 1400 слишкомъ семействъ и изуродовалъ ихъ хозяйственную дѣятельность и всѣ хозяйственныя явленія, съ ней сопричастныя. Такъ же могла быть изуродована жизнь тысячъ семействъ, которымъ законъ воспрепятствовалъ переѣхать изъ городовъ въ сельскія мѣстности, и жизнь другихъ еще тысячъ, лишенныхъ сенатскимъ толкованіемъ закона возможности переѣжать изъ одной деревни въ другую. Евреи какъ бы прикрѣплены закономъ— одни къ городамъ, другіе къ деревнямъ. Прибавьте къ этому высылки, угрозы, вымогательства, зависимость каждаго еврея, пріѣзжающаго въ деревню даже на одинъ день, отъ сотскаго и всего мѣстнаго начальства, прибаньте, словомъ, открывшійся, благодаря Временнымъ Правиламъ широкій просторъ для всевозможныхъ злоупотребленій администраціи и корыстныхъ поползновеній всевозможныхъ темныхъ деревенскихъ дѣльцовъ, подумайте о напряженіи, которое создалъ этотъ законъ въ отношеніяхъ между евреями и крестьянами,—и вамъ станетъ, можетъ быть, ясно, что разрушительное дѣйствіе его, не поддающееся точному опредѣленію, во всякомъ случаѣ велико. Человѣкъ, вѣдь, сытъ не первымъ съѣденнымъ имъ кускомъ, а послѣднимъ, и красоту создаетъ послѣдній ударъ рѣзца. Изъ за послѣдней выручки ведется всякое дѣло, изъ за послѣдняго, добавочнаго эффекта ведется вся борьба людей съ природой и людей между собой: кое какую жатву можно бы собрать и не вспахивая

въ потѣ лица своего землю. И законъ, чтобы задерживать ростъ благосостоянія и культуры въ краѣ, не долженъ все уничтожать, достаточно ему разрушить кое что, свести на нѣтъ часть человѣческой энергіи.

IV.

Неизмѣримо шире и гораздо успѣшнѣе дѣйствіе основного закона о жительствѣ евреевъ, сдѣлавшаго недоступнымъ для нихъ $^5/_6$ Европейской Россіи, Кавказъ и всѣ Азіатскія владѣнія Имперіи. Мы знакомы уже съ исторіей этого запрета и знаемъ, что корни его восходятъ къ Московскимъ временамъ. Тутъ закону не приходится разъединять слитное, а только не допускать общенія между народами, издавна живущими врозь. Задача—гораздо болѣе легкая, потому и выполняется она успѣшнѣе. Сдѣлать эту своего рода китайскую стѣну совершенно непроницаемой не удалось, правда, и въ этомъ случаѣ. Кое какія щели въ ней открылъ самъ законъ (см. стр. 28); другія—сдѣлали евреи въ обходъ закона: въ одномъ мѣстѣ еврей подъ видомъ зубного врача ведетъ торговыя дѣла, въ другомъ мѣстѣ другой еврей подъ видомъ довѣреннаго купца изучаетъ зубоврачебное искусство или музыку. Но эти исключенія не измѣняютъ общаго вида картины. Главная масса еврейства остается сосредоточенной въ западной Россіи; и тогда, какъ въ Витебской губерніи евреи составляютъ 11,8%, а въ Могилевской 12, 09%, они въ сосѣднихъ Псковской и Смоленской губерніяхъ образуютъ только 0,66 и 0,73%; въ Пензенской губерніи приходится уже только 0,4 еврея на 1000 населенія, въ Орловской 3,1, въ Курской—1,7, въ Пермской—0,7.

Сообразно съ этимъ Россія дѣлится на двѣ рѣзко различныхъ полосы по типу хозяйственной дѣятельности населенія. Особенно рѣзко выступаетъ это различіе въ

характерѣ торговли, и въ этомъ отношеніи Западная Россія походитъ гораздо больше на сосѣднюю Германію, чѣмъ на остальную Россію. По даннымъ профессіональной переписи 1895 года въ Германіи на тысячу человѣкъ населенія приходилось 23 человѣка, занятыхъ въ торговлѣ; въ области еврейской осѣдлости приходилось въ 1897 году, по даннымъ переписи, на тысячу человѣкъ 14,6 торгующихъ, въ остальной Россіи—10,5. Отношеніе первыхъ двухъ чиселъ лишь немногимъ больше отношенія второго къ третьему. Но если принять во вниманіе, что Германія ведетъ обширную міровую торговлю, какой не имѣетъ ни Западная, ни Восточная Россія, то придется признать, что по напряженію торговой энергіи населенія разница между Германіей и областью еврейской осѣдлости гораздо меньше, чѣмъ между послѣдней и всей остальной Россіей. Различіе между Западной и восточной Россіей выступаетъ еще болѣе рѣзко, если сравнивать ихъ не цѣликомъ, когда дѣйствительное положеніе вещей затемняется, между прочимъ, тѣмъ, что внѣ области еврейской осѣдлости находятся обѣ столицы съ очень большимъ, конечно, торговымъ населеніемъ [1]), а однородныя части той и другой. Наиболѣе удобными для такого сравненія являются, какъ было указано уже нѣкоторыми изслѣдователями, [2]), Витебская и Могилевская губерніи въ чертѣ осѣдлости и губерніи Псковская и Смоленская, лежащія уже внѣ черты, но граничащія съ первыми и сходныя съ ними по естественнымъ свойствамъ. Въ первыхъ двухъ губерніяхъ евреи составляютъ

[1]) Обороты двухъ столичныхъ губерній составляли въ концѣ прошлаго вѣка около 30% всего торговаго оборота страны. А. Мукосѣевъ.—Торговля и кредитъ. Общ. движеніе въ Россіи въ нач. XX. вѣка. Стр. 117.

[2]) см. Б. Д. Бруцкусъ. Профессіональный составъ еврейскаго населенія Россіи.

въ среднемъ 11,95% населенія, въ послѣднихъ двухъ— 0,7%; въ то же время торговлей въ первой группѣ губерній живетъ 5,29% населенія, а промышленнымъ трудомъ 7,99%, и на тѣ же занятія приходится въ послѣдней группѣ 1,94% и 4,32%. Такъ какъ крупнаго, фабричнаго производства нѣтъ ни въ тѣхъ, ни въ этихъ губерніяхъ то подъ промышленностью нужно тутъ разумѣть преимущественно ремесленный трудъ и къ нему отнести выше приведенныя цифры. Это подтверждается и при сравненіи занятыхъ въ отдѣльныхъ ремеслахъ. Приготовленіемъ одежды заняты, напр., въ Витебской губерніи 2,53% населенія, а въ Псковской только 1,09%.

Тутъ соціальный опытъ произведенъ въ лабораторныхъ почти условіяхъ. Въ однородной по естественнымъ свойствамъ области исторія и дѣйствующее законодательство размѣстили крайне неравномѣрно еврейское населеніе, и мы видимъ, что 27-ми живущимъ торговлей и 25-ти питающимся важнѣйшимъ ремесленнымъ трудомъ въ той части, гдѣ евреевъ много, соотвѣтствуетъ 10 только человѣкъ тѣхъ же профессій въ другой части, съ незначительнымъ еврейскимъ населеніемъ. Было бы неправильно изъ этихъ чиселъ выводить, что еврею-торговцу и еврею-ремесленнику въ чертѣ приходится довольствоваться работой и заработками вдвое или втрое меньшими, чѣмъ ихъ собратьямъ по профессіи внѣ черты. Несомнѣнно еврейскій ремесленникъ весьма плохо обезпеченъ работой, обороты еврейскаго лавочника въ среднемъ не велики и работать приходится тому и другому въ условіяхъ крайне напряженной конкуренціи, невозможной въ такихъ размѣрахъ внѣ черты; но нельзя все же допускать, что заработокъ портного въ Псковской губерніи, напр., превосходитъ въ $2^1/_2$ раза заработокъ Витебскаго портного, т. е. необходимый, хотя бы для самаго бѣднаго существованія минимумъ. Мы должны, слѣдовательно,

допустить, что при прочихъ равныхъ условіяхъ въ области еврейской осѣдлости не только торговцевъ и ремесленниковъ больше, но больше также торговли и ремесленнаго, общѣе—промышленнаго труда. Предложеніе торгово-промышленныхъ услугъ вызвало, очевидно, спросъ на нихъ, и избытокъ торговцевъ и ремесленниковъ ни въ коемъ случаѣ здѣсь не такъ великъ, какъ можетъ показаться при простомъ сопоставленіи цифръ. Тѣмъ не менѣе, онъ все же существуетъ, и заработокъ еврейскаго труженика и мелкаго торговца въ чертѣ, чрезвычайно низкій вообще, спускается во многихъ мѣстахъ до такихъ размѣровъ, что невозможно понять, какъ люди на такія деньги могутъ поддерживать свое существованіе въ городахъ, гдѣ за все приходится платить [1]). Это значитъ, что даже

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя цифры, опредѣляющія экономическое положеніе еврейскихъ тружениковъ въ чертѣ и рисующія еврейскую нищету. Въ южномъ краѣ 6,9% еврейскихъ ремесленниковъ—мастеровъ имѣютъ годовой заработокъ не выше 100 рублей, 41,6% отъ 101 до 250 рублей и лишь нѣсколько больше половины мастеровъ зарабатываютъ больше 250 р. Заработокъ подмастерья вдвое меньше заработка мастера въ большихъ городахъ и втрое, мѣстами даже впятеро меньше въ мелкихъ пунктахъ. Еще ниже, конечно, оплата женскаго труда. Изъ бѣлошвеекъ того же края зарабатываютъ не больше 100 руб. въ годъ 42,2%. (Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи, т. I, стр. 356—7 и 362). Въ Волынской губерніи средній годовой заработокъ еврея-портного въ 35 пунктахъ изъ 69 равняется 120—200 руб.; заработокъ сапожниковъ не превышаетъ 100 рублей въ 12 пунктахъ изъ 66, а въ 12-ти другихъ не превышаетъ 150 рублей; годовой заработокъ бѣлошвейки въ той же губерніи колеблется между 25 и 50 рублями въ 13 пунктахъ изъ 48, въ 20 другихъ пунктахъ—между 52 и 100 рублями (Тамъ же стр. 334—5—6). Въ литовскихъ губерніяхъ „обычный заработокъ портныхъ не превышаетъ 150—200 рублей въ годъ". (Тамъ же, стр. 248). Заработокъ мелкаго торговца часто не превышаетъ заработка бѣднаго ремесленника, причемъ и тотъ и другой одинаково страдаютъ отъ непостоянства заработка, необезпеченности

при крайнемъ напряженіи торгово-промышленная дѣятельность края не можетъ при настоящихъ условіяхъ идти вровень съ ростомъ торгово-промышленнаго населенія его. Изъ этого положенія мыслимы только два выхода: переселеніе въ другія мѣста лишняго народа и поднятіе экономической жизни края до той интенсивности, при которой имѣющееся въ немъ торгово-промышленное населеніе перестало бы быть лишнимъ. Абсолютно оно, вѣдь, не такъ велико; какъ мы раньше видѣли, въ Германіи торговлей занято относительно въ $1^1/_2$ раза больше народа. Въ упраздненіи черты, въ предоставленіи права евреямъ селиться по всей странѣ усматриваютъ обыкновенно рѣшеніе задачи первымъ изъ этихъ двухъ путей—путемъ разрѣженія еврейскаго населенія въ западномъ краѣ. Но это представленіе, несомнѣнно, ошибочно. Уже тридцать лѣтъ изъ области еврейской осѣдлости льется непрерывно, то ослабѣвая, то усиливаясь, людской потокъ на западъ, черезъ океанъ; выѣхало около полутора милліона евреевъ,—т. е. не менѣе $^1/_4$ части всѣхъ живущихъ теперь въ Россіи. Это, конечно, въ значительной мѣрѣ облегчило положеніе оставшихся, но задача все же этимъ не разрѣшена. Между тѣмъ, будь черта упразднена тридцать лѣтъ тому назадъ, на востокъ внутрь Россіи, едва ли за этотъ же промежутокъ времени, переѣхало бы столько евреевъ изъ черты. Для перемѣщенія такой громадной массы людей требуется не только чрезвычай-

---

его. Различіе только въ томъ, что для перваго непостоянство выражается колебаніемъ изо дня въ день, послѣдній же страдаетъ преимущественно отъ „мертвыхъ сезоновъ". Неудивительно, что во всей области еврейской осѣдлости въ среднемъ къ благотворительнымъ учрежденіямъ за помощью обращается до 20% Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ цифры эти поднимаются гораздо выше, въ Двинскѣ—30,9, въ Вильнѣ—37,7%; даже въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ цифра эта поразительно высока, въ Николаевѣ, наприм.,—28,7. (Тамъ же, т. II, стр. 224 и 230).

но высокое давленіе въ странѣ эмиграціи, но и огромная впитывающая способность мѣстъ иммиграціи, въ чемъ ни одна страна съ Соединенными Штатами сравниться не можетъ. Еврейскую нищету въ чертѣ такъ же невозможно уничтожить переселеніемъ, какъ крестьянскую тѣсноту въ центральныхъ губерніяхъ и во всей черноземной полосѣ. Для того и другого одно только средство дѣйствительно: увеличеніе энергіи и производительности труда, подъемъ творческихъ силъ въ странѣ. Для этого нужно отмѣнить черту осѣдлости. Не столько важно, чтобы въ области нынѣшняго обитанія евреевъ стало ихъ меньше, сколько то, чтобы евреевъ было больше тамъ, гдѣ теперь ихъ слишкомъ мало.

Хозяйственная отсталость страны—явленіе, конечно, очень сложное. Мѣры борьбы противъ нея тоже сложны; свободное размѣщеніе и перемѣщеніе торгово-промышленнаго населенія по странѣ—только одна изъ нихъ, но одна изъ наиболѣе важныхъ. Дѣло не въ томъ только, что на одно и то же количество населенія приходится въ области еврейской осѣдлости 14 слишкомъ торговцевъ, а въ остальной Россіи 10 слишкомъ,—за количественнымъ различіемъ здѣсь скрывается огромной важности различіе качественное. Это станетъ намъ яснѣе, если мы съ только что приведенными здѣсь цифрами сопоставимъ другія—цифры не торгующихъ вообще, а гильдейскихъ купцовъ. Вычисленія Бліоха [1]), сдѣланныя на основаніи оффиціальныхъ данныхъ и относящихся къ 1884 году, показываютъ, что въ польскихъ губерніяхъ на 10 тысячъ населенія приходилось тогда 7 гильдейскихъ купцовъ, въ 15 губерніяхъ черты—7,6, въ 12 смежныхъ губерніяхъ—7,9, въ

[1]) И. С. Бліохъ. „Сравненіе матеріальнаго быта и нравственнаго состоянія населенія въ чертѣ осѣдлости евреевъ и внѣ ея“, т. III.

остальныхъ 23 губерніяхъ европейской Россіи 13,6: количество купцовъ относительно возростаетъ по направленію съ запада на востокъ. Если мы обратимся къ послѣднимъ показаніямъ оффиціальной статистики, [1]) то увидимъ, что такое положеніе въ общихъ чертахъ сохранилось и по сіе время. Въ Гродненской губерніи съ ея высоко развитой промышленностью въ Бѣлостокскомъ районѣ и съ такимъ крупнымъ торговымъ центромъ, какъ Брестъ-Литовскъ, приходится на 1000 жителей 3 изъ сословія купцовъ и почетныхъ гражданъ, въ глухой Калужской губерніи—6; въ земледѣльческой Подоліи на западѣ приходится на 1000 человѣкъ 4 купца и почетныхъ гражданъ, въ земледѣльческой же Орловской губерніи въ центрѣ Россіи—8, т. е. столько же, сколько въ чертѣ осѣдлости даетъ Херсонская губернія, занимающая по торговымъ оборотамъ своимъ третье мѣсто въ странѣ, а если считать только товарный оборотъ, то второе даже; Могилевская и Витебская губерніи даютъ цифры 4 и 5, Псковская и Смоленская—5 и 6. А въ послѣднихъ двухъ губерніяхъ, какъ мы видѣли, живущихъ торговлей въ $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ въ граничащихъ съ ними первыхъ двухъ.

Что означаетъ этотъ своеобразный законъ, это обратное отношеніе между купцами и торгующими? Ясно, что въ области еврейской осѣдлости торговля раздроблена, внѣ черты—сосредоточена въ немногихъ рукахъ. Но это еще мало говоритъ намъ о типахъ хозяйственной дѣятельности въ той и другой части Россіи. Концентрація можетъ означать и далеко ушедшее развитіе и крайнюю отсталость. Въ древней Руси вся торговля, по крайней мѣрѣ, вся внѣшняя торговля находилась въ рукахъ князей, въ современной Европѣ громадные банки и универсальные магазины, вродѣ Берлинскихъ Waarenhäuser, то-

[1]) Ежегодникъ Россіи за 1909 г.

же составляютъ средоточія торговыхъ оборотовъ страны. Съ какой концентраціей мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ? У насъ есть, конечно, крупныя торговыя учрежденія европейскаго склада, но ихъ на востокѣ и въ центрѣ, если не считать столицъ, не больше чѣмъ на западѣ Россіи, и не они наполняютъ графу купцовъ въ статистической таблицѣ. Купцы, которые водятся въ такомъ изобиліи въ коренной, закрытой для евреевъ Россіи, воплощаютъ въ себѣ то неравенство, вѣрнѣе—одну сторону того своеобразнаго неравенства, которое издавна существовало на Руси, и, пожалуй, въ ней одной. При Грозномъ иноземца, въѣзжавшаго въ столицу, „поражала противоположность съ одной стороны позолоченныхъ верховъ кремлевскихъ церквей и царскихъ вышекъ, съ другой — куча курныхъ избъ посадскихъ людишекъ и жалкій, грязный видъ ихъ хозяевъ“. Позже эта противоположность воплотилась въ помѣщикѣ-рабовладѣльцѣ, съ одной стороны и въ безгласной, обездоленной деревнѣ съ другой. Крѣпостной строй приводилъ, между прочимъ, къ сосредоточенности торговли въ немногихъ рукахъ. Излишки для отчужденія, для рынка, находились только въ амбарахъ помѣщика, гдѣ скоплялось въ одномъ мѣстѣ добытое тысячами крѣпостныхъ душъ; но здѣсь запасы были велики, и пускать ихъ въ оборотъ было подъ силу только крупнымъ капиталистамъ. Бездорожье и прикрѣпленность почти всѣхъ слоевъ населенія къ мѣсту вели къ тому же: передвигать товары было не легко, въ путь люди пускались не часто, и торговля носила поэтому караванный, ярмарочный, періодическій характеръ, т. е. была сосредочена пространственно, во времени и по отношенію къ лицамъ, ведущимъ торгъ. Въ такомъ видѣ русская торговля дожила до средины прошлаго вѣка. Освобожденіе крестьянъ и проведеніе желѣзныхъ дорогъ, многое измѣнившія въ строѣ русской жизни, преобразили, конечно,

и торговлю. Изъ періодической она стала непрерывной, изъ Москвы и ярмарочныхъ мѣстъ она разлилась по всей странѣ—обосновалась въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, желѣзнодорожныхъ станціяхъ, у рѣчныхъ пристаней, въ торговыхъ селахъ. Это механическое раздробленіе торговли не могло, однако, измѣнить характера ея;—отдѣльныя ячейки, отдѣльные винты торговаго механизма сохранили полностью основную черту прежней торговли: рѣзкую обособленность отъ населенія. При отсутствіи въ массѣ населенія торговыхъ навыковъ, предпріимчивости, подвижности, торговля имѣетъ въ этихъ мѣстахъ тенденцію превратиться въ монополію, а торговецъ въ монополиста. Прасолъ, лабазникъ, кулакъ—вотъ матеріалъ статистической таблицы. Нашъ россійскій Waarenhaus—это универсальный лабазъ, владѣлецъ котораго и хлѣбъ въ амбары ссыпаетъ, и деготь мужикамъ продаетъ, и платки бабамъ, и церковныя свѣчи православному народу, и деньгами ссужаетъ крестьянъ изъ 5—15% въ мѣсяцъ. Въ такомъ лабазѣ часто сосредочена экономическая сила цѣлой округи, и между нимъ и населеніемъ нѣтъ никакой посредствующей среды, нѣтъ ступеней. Онъ такъ же обособленъ отъ безпомощнаго и экономически безоружнаго населенія и такъ же надъ нимъ господствуетъ, какъ укрѣпленный замокъ средневѣкового рыцаря надъ окрестными вилланами. При этихъ условіяхъ торговая дѣятельность купца сводится независимо отъ его пороковъ больше къ эксплоатаціи человѣка, чѣмъ къ эксплоатаціи природы. Интересы торговли и торговца здѣсь расходятся, и купецъ, вмѣсто того, чтобы служить источникомъ движенія и развитія, становится самъ воплощеніемъ косности и тяжестью своей давитъ всякіе ростки новой жизни.

Какъ великое число купцовъ на востокѣ и въ центрѣ Россіи не означаетъ обилія банковъ и высоко развитыхъ

торговыхъ учрежденій, такъ обиліе торгующихъ, при незначительномъ числѣ купцовъ, въ области еврейской осѣдлости не означаетъ только преобладанія мелкихъ лавченокъ надъ крупными торговыми предпріятіями. Здѣсь торговля не только количественно раздроблена, но и расчленена качественно, и не только по предмету торга, но и по выполняемой функціи. Тутъ торговый оборотъ разбился на тысячи струй, и механизмъ его составляется изъ безчисленныхъ колесъ и винтовъ. Въ классъ „торгующіе“ входитъ тутъ не только подрядчикъ, лавочникъ и прикащикъ его, а цѣлая армія еще всевозможныхъ служителей обмѣна—вояжеры, агенты, маклера, комиссіонеры всѣхъ видовъ и разновидностей. И эта подвижная, какъ воздухъ, стихія, такъ же, какъ онъ, заполняетъ все пространство и можетъ служить въ любое время, въ любой моментъ посредствующей средой. Все, что въ этихъ географическихъ условіяхъ и при данномъ уровнѣ культуры можетъ получить цѣнность, получаетъ ее здѣсь въ наивысшей мѣрѣ. Конкуренція приводитъ не только къ удешевленію посредническихъ услугъ, но и къ возможной экономіи въ процессѣ обмѣна и къ возможно полному, при данномъ уровнѣ развитія края, использованію силъ природы: безпокойный, вѣчно ищущій, постоянно кого-то обгоняющій посредникъ-торговецъ въ концѣ концовъ выводитъ изъ состоянія апатіи и безпечности хозяина-производителя и прямо или косвенно оказываетъ оживляющее воздѣйствіе на производство. При этихъ условіяхъ торговля становится общественной функціей, служеніемъ обществу, независимо отъ добродѣтелей торгующихъ.

Разбираясь въ данныхъ статистики, мы обрисовали два полюса торговой дѣятельности. Но въ дѣйствительной жизни существуютъ, разумѣется, не противоположности, а различія, степени. Не вся торговля на Востокѣ и въ центрѣ пропитана косностью, но косность здѣсь преобладаетъ. На За-

падѣ Россіи не всюду—подвижность и предпріимчивость, и не во всемъ дѣйствія ихъ благотворны; но тамъ эти черты отличаютъ торговлю, характеристичны для нея. Раздробленность, расчлененность и, въ результатѣ этого, подвижность и приспособляемость отличаютъ не только торговлю еврейскую, но и промышленность. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно сопоставленіе Владимірскаго промышленнаго раіона съ Бѣлостокскимъ. Въ первомъ случаѣ—фабрики-левіаѳаны, за стѣнами которыхъ сейчасъ же начинается промышленная пустыня, мертвая неподвижность; на территоріи фабрики и ситцы вырабатываются, и селедки рабочимъ продаются, за ея предѣлами—лѣсъ или поле съ покосившимися избами утопающей въ снѣгу деревни на горизонтѣ. Полную противоположность этому представляетъ шерстяная промышленность Западнаго края. Наряду съ сравнительно крупными фабричными предпріятіями въ этой отрасли промышленности существуютъ десятки средняго размѣра и сотни мелкихъ заведеній. Такова шерстоткацкая промышленность, такою же дѣлается все болѣе и болѣе промышленность шерстопрядильная. „Мелкихъ предпринимателей съ небольшими оборотными средствами не останавливаетъ необходимость имѣть механическую двигательную силу, такъ какъ, отвѣчая спросу, въ бѣлостокскомъ фабричномъ раіонѣ существуютъ и продолжаютъ открываться предпріятія, торгующія исключительно паровой силой, каковую сдаютъ по частямъ въ арендное пользованіе мелкимъ промышленникамъ... Фабрики эти не ведутъ полнаго суконнаго производства, а занимаются лишь отдѣльными его частями: разрыхленіемъ тряпья, изготовленіемъ искусственной шерсти, шерстопряденіемъ, механическимъ ткачествомъ, аппретурой суконныхъ издѣлій и проч. Помѣщаются они по нѣсколько заведеній въ одномъ фабричномъ зданіи, которое они арендуютъ по

частямъ съ правомъ пользованія паровой силой... Засимъ большинство подобныхъ заведеній, а среди ручноткацкихъ почти всѣ безъ исключенія, не перерабатываютъ собственный товаръ, а получаютъ его для передѣлки отъ посредниковъ, т. е. носятъ „лонкетный“ характеръ... Несмотря на незначительный размѣръ дробнонаемныхъ фабрикъ, содержатели послѣднихъ ухитряются еще болѣе дробить ихъ, сдавая по частямъ въ субъ-аренду. Перемѣнчивый характеръ мелкаго шерстяного промысла Бѣлостокскаго раіона, зависимость заведеній этого промысла другъ отъ друга и отъ посредниковъ, запутанная аренда и субъ-аренда, создаютъ весьма сложныя, своеобразныя коммерческія и экономическія отношенія... Время отмѣченнаго кризиса вызвало замѣтную эволюцію въ шерстяномъ дѣлѣ. Явилось стремленіе удешевить и улучшить техническое производство. На многихъ фабрикахъ въ истекшемъ году поставили болѣе совершенные и экономически выгодные паровые котлы. Нѣкоторыя фабрики установили новые сельфакторы (автоматически дѣйствующія прядильныя машины) взамѣнъ мюль-дженни, требующихъ ручной трудъ опытныхъ прядильщиковъ. Но ни въ чемъ не сказалась такая рѣзкая перемѣна, какъ въ области ткачества, а, именно, замѣтно быстрое паденіе ручной работы“ [1]). Рядомъ съ этимъ еврейская предпріимчивость создаетъ въ чертѣ осѣдлости новыя отрасли промышленнаго труда, гдѣ также преобладаютъ некрупныя предпріятія. Какъ на примѣръ, можно указать на производство въ Житомірѣ гнутой мебели, сбывающейся на Югъ и Юго-Востокъ Россіи. Производствомъ этимъ заняты теперь въ городѣ 35 мастерскихъ съ 532 рабочими; пред-

---

[1]) Свѣдѣнія эти взяты изъ оффиціальнаго Обзора Гродненской губ. и цитируются здѣсь по статьѣ С. О. Марголина „Еврейское населеніе и промышленность“. „Еврейскій Міръ“, 1910 г., № 25.

принимателі и рабочіе почти исключительно евреи. Изъ Житомира производство распространилось въ сосѣднихъ мѣстечкахъ [1]). Все же по отношенію къ занимающему насъ вопросу рѣшающее значеніе имѣютъ особенности не промышленности еврейской, а торговли. Отмѣна черты осѣдлости врядъ ли могла бы оказать замѣтное вліяніе на типъ промышленной дѣятельности во внутреннихъ губерніяхъ. Сосредоточеніе промышленной дѣятельности обусловливается современной техникой, и приспособить ее къ мелкому производству возможно только тамъ, гдѣ есть сплошныя массы высоко развитаго въ промышленномъ отношеніи населенія. При томъ же концентрація или раздробленіе производства сами по себѣ не составляютъ блага, и все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ то или другое производство содѣйствуетъ развитію хозяйства страны. Другое дѣло—торговля. Она съ техникой непосредственно не связана, и для индивидуальныхъ особенностей торговца, для его умѣнья, навыковъ, способностей, открытъ гораздо большій просторъ. Въ то же время обмѣнъ заполняетъ всѣ поры современнаго хозяйства и оказываетъ свое дѣйствіе на самые глубокіе, сокровенные, интимные процессы его. Имѣетъ поэтому первостепенный интересъ перенести вырисовавшуюся для насъ выше изъ анализа цифръ противоположность двухъ типовъ торговли въ конкретную обстановку, показать ее въ отдѣльныхъ отрасляхъ торговли или въ опредѣленныхъ торговыхъ центрахъ; и я попытаюсь это сдѣлать, насколько позволяютъ мѣсто и имѣющіеся матеріалы.

Въ торговомъ оборотѣ Россіи хлѣбное дѣло занимаетъ первое мѣсто; урожай и цѣны на хлѣбъ опредѣляетъ благополучіе и крестьянской семьи, и помѣщика, и казны,

---

[1]) „Еврейскій Міръ“, 1910 г. № 29., стр. 31.

и фабриканта, и фабричнаго рабочаго. Хлѣбная торговля имѣетъ поистинѣ общенародное, національное значеніе. Въ то же время ни въ одной другой отрасли торговли участіе евреевъ не такъ велико, какъ въ этой: въ чертѣ осѣдлости хлѣбное дѣло, какъ мы видѣли, почти всецѣло въ рукахъ евреевъ, но и внѣ черты участіе ихъ въ торговлѣ зерновыми продуктами довольно значительно. Тѣмъ важнѣе для насъ выяснить вліяніе еврейской дѣятельности на эту столь важную отрасль народнаго хозяйства.

Неупорядоченность нашей хлѣбной торговли общеизвѣстна и составляетъ серьезное зло въ торговой жизни страны. Уже добрыхъ два десятилѣтія объ этомъ говорятъ и заграницей, на потребительныхъ рынкахъ, и въ Россіи. Говоритъ объ этомъ общая и спеціальная печать, обсуждается этотъ вопросъ въ спеціальныхъ коммисіяхъ, устраивалось ужъ по этому поводу нѣчто вродѣ анкетъ. Все это мало подвинуло дѣло, и лишь въ послѣднее время стали замѣтны кое-какіе признаки улучшенія. Причины хаотическаго состоянія нашей хлѣбной торговли многосложны, конечно, и коренятся они въ общемъ хаосѣ нашей жизни. Желѣзнодорожныя залежи, первобытное состояніе нашихъ рѣкъ, выбрасываніе сразу на рынокъ всего урожая, зависимость русскаго рынка отъ американскаго и рынковъ потребительныхъ, а не наоборотъ—все это тѣсно связано съ общими условіями нашей жизни: съ системой управленія, съ податной системой, съ нашей задолженностью иностранцамъ и т. д. Частной предпріимчивости не подъ силу у насъ не только борьба съ этими коренными, касающимися не только хлѣбной торговли, недугами, но и всякое значительное, требующее общихъ усилій предпріятіе, имѣющее отношеніе даже только къ этой торговлѣ, какъ устройство сѣти элеваторовъ, напримѣръ. Если варранты, выдаваемые американскими элеваторами имѣютъ обращеніе даже на международномъ рынкѣ, а у

насъ и сами элеваторы находятся еще только въ зачаточномъ состояніи, то это въ объясненіяхъ не нуждается; ибо въ какой же отрасли торговли или промышленности мы подошли хотя бы только близко къ заантлантической республикѣ? При всемъ томъ, не остается сомнѣнія, что хаосъ въ хлѣбной торговлѣ существуетъ и самъ по себѣ, что въ самой торгующей средѣ проявляется слишкомъ мало заботы объ упорядоченіи этого дѣла, слишкомъ мало организаторскаго умѣнья и организаторскихъ склонностей. Пусть общественный строй нашъ не открываетъ большого простора для организованной самодѣятельности, пусть нѣтъ этого и въ другихъ областяхъ хозяйственной жизни нашей,—хлѣбной торговлѣ, находящейся подъ непосредственнымъ давленіемъ мірового рынка, все же естественно было бы стоять впереди другихъ. И если этого нѣтъ, то отчасти причиной этому служитъ несомнѣнно то, что въ этой торговлѣ преобладаютъ евреи, т. е. люди безправные, поставленные внѣ общественно-политическаго строя и какъ бы внѣ государства, вѣрнѣе находящіеся къ нему въ отношеніи только пассивномъ. Населеніе у насъ вообще безвластно, но наиболѣе безвластенъ еврей. Русскій человѣкъ, да и всякій русскій подданный, кромѣ еврея, можетъ засѣдать въ городской думѣ, въ земскомъ собраніи, въ правительственной комиссіи, въ качествѣ свѣдущаго человѣка, въ совѣтѣ университета, между прочимъ, въ качествѣ ученаго экономиста, въ биржевомъ комитетѣ; наконецъ, онъ можетъ быть министромъ, товарищемъ его, директоромъ департамента, начальникомъ дороги и т. п. Еврею все это недоступно, даже двери биржи открыты для него только на-половину. Темному, невѣжественному юдофобу такой порядокъ вещей представляется весьма отраднымъ; онъ наивно вѣритъ, что все отнятое у еврея достается ему, юдофобу, или, по крайней мѣрѣ, русскому человѣку вообще. Въ дѣйствитель-

ности тутъ происходитъ не перемѣщеніе цѣнностей, а разрушеніе ихъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ можно было выслать всѣхъ евреевъ изъ Россіи и выслать ихъ такъ, чтобы никакой пустоты не образовалось, чтобы имущество ихъ, дѣловой опытъ и дѣловая энергія, подвижность и накопленная вѣками культурность остались здѣсь, тогда дѣйствительно было бы русскимъ людямъ, чѣмъ поживиться. Но это только игра ума, вѣдь, и ума темнаго. Въ дѣйствительности еврей послѣ столѣтней борьбы съ нимъ сохранилъ свое экономическое положеніе въ странѣ, несомнѣнно даже укрѣпилъ его, и въ такомъ важномъ для народнаго хозяйства дѣлѣ, какъ хлѣбная торговля, напримѣръ, занимаетъ первенствующее мѣсто. При этихъ условіяхъ безправіе евреевъ мало что кому даетъ и у всѣхъ много отнимаетъ. Если еврей ни въ какомъ видѣ не можетъ быть причастенъ къ власти, если всѣ общественно-государственныя учрежденія для него равно закрыты, то этимъ достигается только то, что экономическій вѣсъ и соціально-политическій отдѣляются другъ отъ друга; хозяйственный опытъ остается самъ по себѣ, а навыкъ властвованія и общественнаго устроенія тоже сами по себѣ. Такое раздѣленіе не можетъ быть плодотворнымъ ни въ одной области общественной жизни и менѣе всего въ хлѣбномъ дѣлѣ, гдѣ роль евреевъ такъ велика. И это не нужно представлять себѣ такъ, что еврейскіе торговцы знаютъ секретъ, какъ упорядочить хлѣбную торговлю и не высказываютъ его потому, что ихъ не спрашиваютъ. Упорядочивающихъ склонностей и умѣнья нѣтъ ни у нихъ, ни въ странѣ вообще; безправіе евреевъ ведетъ къ тому, что дѣловой опытъ накопляется односторонній. Низведенный до уровня безгласнаго обывателя, еврей обывателемъ и живетъ, и все его вниманіе естественно сосредотачивается на томъ, что можетъ быть сдѣлано личными, индивидуальными усиліями; поставленный внѣ общества, не

признаваемый общественной организаціей, онъ ей ничего дать не можетъ. Анархія родитъ анархію.

Чѣмъ меньше можетъ Россія, какъ цѣлое, отстаивать себя на міровомъ рынкѣ, чѣмъ больше зависимость ея отъ иностранцевъ, чѣмъ меньше дѣлается государствомъ и обществомъ, тѣмъ большее значеніе получаютъ индивидуальныя усилія торговцевъ, ихъ подвижность, оборотливость, умѣнье приспособлять наши условія къ требованіямъ Европы. Въ хлѣбномъ дѣлѣ положеніе таково: продавать нужно, ибо государству нужно платить проценты по долгамъ, но условія диктуемъ не мы, а кормящіеся нашимъ хлѣбомъ. Въ такомъ положеніи всякое облегченіе въ процессѣ обмѣна, гибкость посредствующей среды составляетъ лишній рубль въ карманѣ производителя, лишній кусокъ хлѣба въ крестьянской семьѣ, лишній аршинъ ситцу, вырабатываемый на русской фабрикѣ. И этой гибкой посредствующей средой были и остаются въ Россіи евреи. Ихъ усиліями создана и поддерживается хлѣбная торговля наша, и по отношенію къ занимающему насъ здѣсь вопросу, вопросу о чертѣ осѣдлости, нѣтъ, можетъ быть, болѣе назидательнаго чтенія, чѣмъ исторія развитія этой торговли у насъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ и Вольно-Экономическимъ снаряжена была сообща экспедиція для изслѣдованія хлѣбной торговли и хлѣбной производительности Россіи. Въ трудахъ этой экспедиціи хлѣбная торговля отразилась въ одномъ изъ наиболѣе знаменательныхъ моментовъ ея, когда она, послѣ освобожденія крестьянъ и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, вступила въ новую историческую полосу. И знакомясь съ этими поучительными трудами, мы видимъ Россію, раздѣленную на три рѣзко отличныхъ другъ отъ друга полосы. Первая — Сѣверъ и Востокъ; тутъ все—застой, неподвижность, монополія. Вторая—Западный край; тутъ все—неугомонное движеніе, неутоми-

мость, непрестанное соревнованіе. Третья полоса—Центръ, куда евреи, именно въ это время, стали только проникать, и это вызвало въ мѣстной торговлѣ переворотъ, о которомъ изслѣдователи говорятъ съ великимъ изумленіемъ.

„Производители льна въ мѣстностяхъ сѣвернаго раіона — пишетъ П. Чубинскій, обслѣдовавшій тяготѣющій къ Архангельску раіонъ льноводства — принадлежатъ исключительно къ небогатому крестьянскому сословію, которое здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, состоитъ въ зависимости отъ своихъ болѣе богатыхъ односельчанъ, такъ называемыхъ кулаковъ“... [1]) „Коммисіонерами у купцовъ и прикащиковъ архангельскихъ иностранныхъ конторъ, по закупкѣ льняныхъ товаровъ, бываютъ большей частью мѣстные зажиточные крестьяне, которые держатъ своихъ сосѣдей въ зависимости и которымъ, какъ сказано выше, крестьяне почти вынуждены продавать товаръ“... [2]) „Повышеніе цѣнъ на льняные товары, отъ этихъ способовъ закупокъ, отражается, главнымъ образомъ, на закупшика, производители же отъ того не только ничего не выигрываютъ, а напротивъ, тоже теряютъ, потому что комиссіонеры употребляютъ всевозможные способы купить товаръ ниже цѣны, назначенной въ приказѣ, чтобы получить себѣ больше выгоды“ [3]).

Совершенно такія же свѣдѣнія сообщаетъ намъ три года спустя тотъ же изслѣдователь о хлѣбной торговлѣ въ сѣверномъ раіонѣ. „Хлѣбные товары переходятъ прежде всего отъ производителя къ его богатому сосѣду-кулаку. Кулакъ этотъ въ свою очередь является

---

[1]) Труды экспедиціи, т. I, выпускъ I. П. Чубинскій. Отчетъ о льноводствѣ и т. д. стр. 32. Раіонъ обслѣдованія—губ. Вологодская, Вятская, Костромская, часть Олонецкой.

[2]) Тамъ же. стр. 34.

[3]) Тамъ же, стр. 35.

комиссіонеромъ или партіонщикомъ у купца или у болѣе крупнаго партіонщика и коммиссіонера, а этотъ послѣдній уже имѣетъ дѣло съ крупнымъ купцомъ". Въ описываемое время здѣсь происходила борьба, какъ сообщаетъ г. Чубинскій, между архангельскими торговыми домами и мѣстными купцами. Казалось бы, это обстоятельство должно было имѣть послѣдствія, выгодныя для производителя; но въ дѣйствительности получилось обратное. „Партіонщикъ, продавая въ контрактъ товаръ, котораго еще не имѣетъ въ рукахъ, въ обезпеченіе риска беретъ высокую цѣну, а какъ товаръ переходитъ, благодаря іерархіи посредниковъ, много разъ изъ рукъ въ руки, то надбавка копѣйки за копѣйкой, при каждой новой продажѣ, возвышаетъ цѣны быстро". Въ результатѣ „когда на мѣстѣ производства производитель получаетъ за рожь по 30 копѣекъ, купцу она стоитъ отъ 44 до 47, безъ расходовъ по доставкѣ" [1]).

Не лучше, а, пожалуй, хуже еще было состояніе торговли на главномъ хлѣбномъ рынкѣ Россіи, въ Поволжьѣ. „Торговать съ выгодой при такой обстановкѣ (неустройство водныхъ путей. І. Б.).—говоритъ членъ той же экспедиціи, г. Барковскій,—могутъ только сильные капиталисты, для которыхъ временная потеря не разорительна... Отсюда торговля, при подобномъ характерѣ, не можетъ быть свободна и правильна, а на сколько она можетъ быть чужда монопольнаго характера очевидно само собой [2]). Эти слишкомъ скупыя свѣдѣнія изслѣдователя, занимавшагося собственно не столько хлѣбной торговлей,

---

[1]) П. П. Чубинскій. „О состояніи хлѣбной торговли и производительности въ сѣверномъ раіонѣ". (Труды упомянутой экспедиціи, вып. 6), стр. 152—3—4.

[2]) Труды экспедиціи и т. д., т. І, выпускъ 2. „Пути и способы перевозки грузовъ съ низовыхъ пристаней рѣки Волги къ С.-Пет." И. Ѳ. Барковскій, стр. 48.

сколько путями, дополняются сообщеніями капитана-лейтенанта Рудаковскаго, обслѣдовавшаго по порученію главнаго штаба Поволжье года за четыре до начала работы экспедиціи. „Собираніе базарнаго или с б о р н а г о хлѣбнаго продукта принадлежитъ мѣстнымъ скупщикамъ (кулакамъ) и арендаторамъ мельницъ. Лица эти, собравши хлѣбъ въ теченіе года или даже болѣе, поставляютъ на пристани... сборную муку... Общеупотребительный способъ закупки хлѣба на пристаняхъ выжидательный, когда крестьяне и небогатые помѣщики, нуждаясь въ деньгахъ, сами везутъ къ мельницамъ и амбарамъ свое зерно“ [1]). Сообщая дальше о работѣ мельницъ знаменитаго села Лыскова, изслѣдователь говоритъ: „Если у мѣстныхъ промышленниковъ не достаетъ капитала для прикупа зерна и для занятія работой всѣхъ мельницъ, то нельзя сказать того же о заѣзжихъ капиталистахъ, которые не пользуются всѣми средствами этой пристани, какъ кажется, изъ опасенія, чтобы лишнимъ производствомъ обдирной и просѣянной муки не понизились въ Петербургѣ и Москвѣ цѣны на эти сорты муки, нынѣ весьма выгодныя для этихъ заѣзжихъ капиталистовъ“. Это предположеніе авторъ подкрѣпляетъ весьма вѣскимъ соображеніемъ. „Потеря вышеприведеннаго процента (вслѣдствіе обдирки. І. Б.) и ремонтъ машины должны возвысить цѣны обдирной муки, сравнительно съ обыкновенной мукой, на двѣ или три копѣйки на пудъ или на 18—27 коп. на куль, а между тѣмъ въ Петербургѣ обдирная мука дороже обыкновенной отъ 66 коп. до 1 руб. 79 коп. на куль“ [2]). Чтобы понять значеніе этихъ цифръ и силу господствовавшей тамъ монополіи, нужно принять еще къ свѣдѣнію указаніе автора, что стоимость обдирной ма-

---

[1]) Морской сборникъ. 1865 г., № 11, стр. 46.

[2]) Морской сборникъ. 1865 г., № 12, стр. 162.

шины не превышала 500 руб. И неподвижность была здѣсь до того велика, что владѣльцы ничтожнаго по своей цѣнности орудія могли задерживать развитіе торговли и промышленности въ мукомольномъ дѣлѣ, чтобы использовать технический прогрессъ въ свою пользу. Изо, по мнѣнію автора, цѣна на обдирную муку „могла бы быть понижена, по краней мѣрѣ, на 25%, что безъ сомнѣнія сдѣлало бы эти сорты муки предметомъ всеобщаго употребленія и отпуска заграницей“ [1]).

„Выжидательный“ способъ закупки хлѣба оставался на Волгѣ общеупотребительнымъ очень долго. Свѣдѣнія, относящіяся къ концу 80-хъ годовъ, показываютъ, что за 20 лѣтъ здѣсь ничего не измѣнилось. Съ ними стоитъ познакомиться не только потому, что они относятся къ болѣе позднему времени, но и потому еще, что въ нихъ низкій уровень торговли того времени на Волгѣ раскрывается полнѣе. „Всѣ торговыя операціи по куплѣ и продажѣ хлѣба—сообщаетъ въ своемъ отчетѣ г. Клоповъ—совершаются исключительно на площадяхъ... Цѣна на товаръ для даннаго дня большей частью опредѣляется телеграммами, полученными отъ крупныхъ торговыхъ фирмъ изъ Петербурга и Рыбинска. При этомъ цѣна, установленная заранѣе по предварительному соглашенію между покупателями, объявляется всегда однимъ лицомъ, а остальныя, по принятому обычаю, должны молчать. Послѣ выраженнаго продавцомъ согласія продать хлѣбъ за объявленную ему цѣну, вынимается жребій въ видѣ грошей съ особой отмѣткой, которые кладутся каждымъ участвовавшимъ въ торгѣ покупателемъ въ шапку продавца; и тотъ покупатель, на котораго палъ жребій, считается съ этого момента владѣльцемъ сторго-

[1]) Тамъ же, стр. 161.

ваннаго хлѣба“ [1]). Это сообщеніе относится къ Баронску,— одной изъ волжскихъ пристаней, но совершенно такъ же покупался хлѣбъ въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Саратовъ. „Покупаютъ на площадяхъ, при чемъ покупатели выходятъ на базаръ съ восходомъ солнца; производится покупка такъ же, какъ и въ Баронскѣ—по жребію“ [2]). Въ Симбирскѣ мы снова встрѣчаемся съ жребіемъ, но тутъ любопытно указаніе, что сплоченности покупателей не могутъ разбить даже исключительные случаи недостачи хлѣба. „Въ случаяхъ особой потребности въ хлѣбѣ, крупныя фирмы заранѣе спѣшатъ закупить у везущихъ на пристань мужиковъ, для чего высылаютъ впередъ, за городъ, своихъ прикащиковъ; послѣдніе ловятъ крестьянъ на дорогѣ съ возами, торгуются и покупаютъ хлѣбъ, въ случаѣ конкуренціи прибѣгаютъ также къ жребію“ [3]).

Эти нравы, достойные торга на рѣкѣ Конго и описанные петербургскимъ чиновникомъ съ холоднымъ безстрастіемъ, воспроизвелъ въ болѣе яркомъ описаніи человѣкъ, выросшій въ одномъ изъ хлѣботорговыхъ городовъ Поволжья. „На площади окнами къ ней—„биржевые“ трактиры. Скупщики, „мартышки“, какъ ихъ звали въ Поволжьѣ, ни свѣтъ, ни заря сидятъ въ трактирѣ за парой чаю и посматриваютъ на тысячныя вереницы возовъ, уставленныхъ по площади рядами. Покупать не торопятся. И терпѣливо часами мужики на площади ждутъ, когда въ лѣнивомъ до тошноты обмѣнѣ впечатлѣній скупщики установятъ цѣны. Сидятъ часами и пьютъ, не отрываясь, жиденькій чай... Отъ этого вѣчнаго чаепитія у „мартышекъ“ развивались неизбѣжно ка-

[1]) Отчетъ по изслѣдованію Волжской хлѣбной торговли, произведенному по порученію Министерствъ Финансовъ и Государ. Имуществъ въ 1887 году А. А. Клоповымъ. стр. 63.

[2]) Тамъ же, стр. 67.

[3]) Тамъ же, стр. 71.

кія-то профессіональныя болѣзни... Ждали. Потомъ вдругъ молніей сверкалъ слухъ, что „Аржановъ сдѣлалъ цѣну". Надъ площадью вспыхивалъ пестрый гулъ. Встряхивали и пересыпали съ руки на руки зерно, на ощупь, на зубъ и на глазъ опредѣляли натуру" [1]). Для людей, склонныхъ отождествлять первобытность съ невинностью, стоитъ прибавить, что этотъ патріархальный торгъ вовсе не отличался патріархальной честностью. Объ этомъ мы узнаемъ отъ того же оффиціальнаго изслѣдователя. „На саратовской пристани, какъ и на другихъ пристаняхъ Волги, по отзывамъ хлѣботорговцевъ, также встрѣчаются многія злоупотребленія въ хлѣбной торговлѣ, какъ то: обвѣсъ купцами продавцовъ при пріемѣ хлѣба въ баржѣ или въ амбарѣ, придирчивость первыхъ (послѣ представленія пробы) къ качеству закупленнаго уже ими товара, подмѣшиваніе торговцами своего зерна въ пробу, взятую отъ продавцовъ и т. п." [2]).

Прямую противоположность представляетъ Западный край. Значительную часть его изслѣдовалъ членъ экспедиціи, покойный проф. Янсонъ, поѣхавшій туда и вернувшійся оттуда съ изрядньмъ количествомъ предразсудковъ по отношенію къ евреямъ, разсказывающій, наприм., будто еврейскій купецъ можетъ давать порученія своему посреднику, деревенскому корчмарю, „подъ херимомъ", надъ чѣмъ посмѣется всякій еврейскій мальчикъ. Тѣмъ интереснѣе факты, сообщаемые изслѣдователемъ. „Милліонеровъ собственно въ Пинскѣ нѣтъ,—разсказываетъ Янсонъ,—но за то огромная масса мелкаго купечества, по сословію мѣщанства, торгующаго на капиталъ въ нѣсколько тысячъ рублей". „Мѣстные (бѣлоцерковскіе) евреи ведутъ также дѣятельную спекуляцію хлѣ-

[1]) „Бодрое Слово". С. Патрашкинъ, „Хлѣбная стихія", стр. 49—50.

[2]) Упомянутый Отчетъ А. А. Клопова, стр. 67. См. также М. Раевскій. „Западный Районъ и т. д.", стр. 70.

бомъ... Не имѣя большихъ капиталовъ, они однако ведутъ обороты, иногда разъ въ десять превышающіе ихъ средства". „Еврей пинскій или шкловскій покупаетъ всегда, какія бы ни были обстоятельства, низки, высоки-ли цѣны въ портахъ и Бѣлоруссіи—капиталъ его не можетъ лежать". Сообразно съ характеромъ этой не знающей покоя торговли устроенъ и механизмъ ея. „По всему западному краю разсыпана армія ихъ коммиссіонеровъ или агентовъ... Коммиссіонеры пользуются чисто личнымъ и притомъ огромнымъ кредитомъ; сотни тысячъ высылаются имъ наличными или по переводамъ на мѣстныхъ капилистовъ безъ всякой гарантіи или даже прочной нравственной связи между ними и ихъ вѣрителями... Комиссіонеръ „теряется въ массѣ населенія, и его—прибавляетъ, очевидно, пораженный изслѣдователь—не отличить по наружному виду отъ простого жидка". Слѣдующая ступень посредствующей арміи — маклеръ. „Маклеръ въ еврейской торговлѣ лицо совершенно необходимое... Маклеръ—ходячій прейсъ-курантъ, въ которомъ означены цѣны, количество товара, предполагаемаго къ продажѣ, мѣстонахожденіе его, степень нужды продавца въ деньгахъ, однимъ словомъ, все, что можетъ интересовать покупателя и не уложится на страницы ни одной биржевой газеты". Сами купцы составляютъ тоже родъ коммиссіонеровъ. „Пинскіе купцы предпочитаютъ работать... по заказамъ, а не на собственный рискъ, ибо для послѣдняго рода оборотовъ нужно имѣть большія наличныя средства, которыхъ у нихъ нѣтъ. Почти всѣ суммы, посылаемыя Пинскомъ на низъ (на рынки средняго Днѣпра I. Б.), имъ самимъ получены изъ Варшавы или изъ-заграницы".

Эффектъ этого способа торговли, дѣйствіе ея на интересы производителя можетъ быть только одно. „Чѣмъ сильнѣе спросъ, тѣмъ больше ихъ (коммиссіонеровъ)

наѣзжаетъ и конкуренція ихъ всегда сильна, и цѣны переяславскія (одинъ изъ главныхъ рынковъ закупки. І. Б.) всегда выше цѣнъ сѣвернаго и южнаго района". „Конкуренція евреевъ въ торговлѣ понижаетъ цѣны (на посредническія услуги. І. Б.) и барыши до минимума" [1]). Еще яснѣе говоритъ объ этомъ изслѣдователь въ другой своей работѣ. „Рядомъ съ русскими кулаками стали появляться въ Глуховѣ (Черниговская губернія. І. Б.) евреи, которые проникаютъ всюду, гдѣ открывается мѣсто мелкимъ спекуляціямъ, гдѣ можно извернуться почти безъ капитала, только благодаря смѣтливости, умѣнью взяться за дѣло, неутомимой дѣятельности, довольству малымъ заработкомъ" [2]). Та-же конкуренція поднимаетъ заработокъ крестьянъ при перевозкѣ хлѣба. Разсказавъ въ другомъ мѣстѣ о способахъ доставки хлѣба къ днѣпровскимъ пристанямъ и о наймѣ для этой цѣли крестьянскихъ подводъ, авторъ продолжаетъ: „теперь настаетъ, кажется, послѣднее время такихъ неопредѣленныхъ отношеній. Крестьяне, видя усиленіе спроса, входятъ въ свои права, и жидку приходится труднѣе изворачиваться съ ними". Тамъ, наоборотъ, гдѣ владѣльцами орудій транспорта является еврей, перевозка удешевляется. „Фрахты пароходовъ, несмотря на большой спросъ на буксиры, не только остались постоянны, но даже нѣсколько понизились, что должно приписать, главнымъ образомъ, увеличенію числа буксирныхъ пароходовъ и сильной конкуренціи евреевъ-пароходовладѣльцевъ" [3]) Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, относящимся къ среднему Днѣпру, любопытно сопоставить показаніе г. Бар. ковскаго о состояніи пароходства въ то же время на ве-

[1]) Ю. Янсонъ. „Пинскъ и его раіонъ", стр. 3, 44, 78, 3, 19.

[2]) Ю. Янсонъ. Хлѣбная торговля на Волыни. Хлѣбная торговля на самовозныхъ рынкахъ. (Труды экспед., вып. 4 и 5, стр. 266).

[3]) Ю. Янсонъ. „Пинскъ и т. д.", стр. 83.

ликой русской рѣкѣ и Маріинской системѣ. „Что же касается паровыхъ двигателей, то хотя несомнѣнная польза ихъ уже выяснилась здѣсь, но они стоятъ пока дорого и развитіе ихъ встрѣчаетъ препятствіе въ неустройствѣ путей“[1]). Послѣднее указаніе было, конечно, вѣрно тогда и остается вѣрнымъ до сихъ поръ; но въ этомъ отношеніи Днѣпръ не отличается отъ Волги, и Янсонъ въ своемъ изслѣдованіи то и дѣло возвращается къ неустройству рѣки.

Эти столь различные и по своимъ очертаніямъ, и по своему дѣйствію типы торговли выступаютъ еще явственнѣе тамъ, гдѣ они, встрѣтившись, другъ друга оттѣняютъ,— въ центральныхъ губерніяхъ. Этотъ районъ былъ обслѣдованъ В. Чаславскимъ, тоже членомъ экспедиціи, въ первые годы седьмого десятилѣтія прошлаго вѣка, такъ что его наблюденія относятся ко времени лѣтъ на пять позже наблюденій Янсона въ западномъ краѣ. Вотъ какъ рисуетъ г. Чаславскій положеніе хлѣбнаго дѣла въ обслѣдованномъ имъ районѣ до проведенія желѣзныхъ дорогъ. „При слабомъ развитіи торговли, при недостаткѣ конкуренціи и очень ограниченномъ числѣ купцовъ, на каждомъ изъ рынковъ, даже въ большихъ городахъ, купцы эти держали торговлю совершенно въ своихъ рукахъ, безапелляціонно назначали цѣны, раздавали крестьянамъ, а иногда и помѣщикамъ деньги впередъ. Всѣ продавцы были имъ знакомы и, обыкновенно, крестьянинъ, пріѣзжая продавать хлѣбъ даже въ большой городъ, прямо отправлялся къ извѣстному купцу и ссыпалъ къ нему въ амбаръ по той цѣнѣ, которую тотъ въ это время платилъ. Другого выбора не было“ [2]). Съ открытіемъ Моск.-Курск. желѣзной дороги (1867 г.) въ этотъ раіонъ яви-

[1]) И. Ѳ. Барковскій. „Пути и способы перевозки и т. д.“, стр. 147.

[2]) В. Чаславскій. „Хлѣбная торговля въ центральномъ раіонѣ Россіи“, ч. II, стр. 26.

лись купцы изъ Москвы, Коломны, Серпухова. Въ слѣдующемъ году, съ открытіемъ Орловско-Витебской желѣзной дороги „наѣхало множество торговцевъ, особенно евреевъ, начавшихъ вдругъ скупать огромныя массы изъ стараго и новаго урожая... Это было рѣшительнымъ моментомъ въ торговлѣ Орла и Курской губерніи, оторвавшимъ ихъ разомъ отъ Москвы и поставившимъ сразу всю эту мѣстность въ раіонъ рижскихъ закупокъ. Цѣны на хлѣбъ для Орла и Курска оказались выше со стороны сѣверо-запада... Наплывъ новыхъ торговцевъ очень оживилъ торговлю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые изъ курскихъ торговцевъ начали входить въ прямыя сношенія съ Ригой“ [1]). Какъ будто нарочно для того, чтобы совершенно точно опредѣлить, что̀ въ этомъ торговомъ переворотѣ принадлежитъ не желѣзно-дорожному движенію, какъ таковому, а именно еврейской подвижности и предпріимчивости, авторъ возвращается къ этому моменту при описаніи торговли Орла. „Рижскіе коммиссіонеры пріѣхали въ Орелъ черезъ нѣсколько дней послѣ открытія Орловско-Витебской желѣзной дороги. Они думали основать въ Орлѣ, Курскѣ и проч. отдѣленія своихъ конторъ или войти въ прямыя сношенія съ мѣстными хлѣботорговцами“—разсказываетъ изслѣдователь края. Но дѣло у представителей нѣмецкихъ фирмъ не наладилось. Способъ закупки чрезъ прасоловъ, практиковавшійся тогда въ этихъ мѣстахъ, показался имъ неподходящимъ; съ мѣстными купцами они тоже не могли сговориться. Послѣдніе обѣщали посылать въ Ригу „хорошій“ хлѣбъ, но отказывались продавать по образцамъ, посланнымъ заранѣе въ Ригу и тамъ одобреннымъ, отказывались также отъ срочной доставки. „Такимъ образомъ—говоритъ г. Чаславскій—на первыхъ порахъ ни въ Орлѣ, ни въ Курскѣ не завя-

[1]) Тамъ же, стр. 27—28 и 31.

залось прямыхъ сношеній съ Ригой. Но почти въ одно время съ рижскими коммиссіонерами въ Орлѣ и Курскѣ явились другіе покупщики хлѣба, евреи... Первые же пассажирскіе поѣзда Орловско-Витебской дороги доставили въ Орловскую губернію нѣсколько десятковъ евреевъ, которые тотчасъ стали дѣлать развѣдки относительно закупки хлѣба, начиная съ Брянска, потомъ въ Карачевѣ, Орлѣ, Мценскѣ и т. д. Вслѣдъ за ними ежедневно все болѣе и болѣе прибывало евреевъ; нѣкоторые появлялись даже съ своими женами, которыя, какъ извѣстно, искони всегда принимаютъ участіе въ торговлѣ своихъ мужей, отцовъ, братьевъ и проч. Изъ Орла партіи ихъ двинулись въ Курскъ, и оттуда разсѣялись по разнымъ уѣздамъ, другіе отправились въ Малоархангельскъ и въ Ливны. Однимъ словомъ, евреи цѣлыми сотнями появились въ Орловской, Курской и даже въ Тульской губерніяхъ. Пріѣхавъ съ наличными деньгами, они вмѣстѣ съ тѣмъ сразу сумѣли расположить къ себѣ многихъ изъ мѣстныхъ купцовъ уступчивостью въ своихъ требованіяхъ; они не пренебрегали никакимъ предлагаемымъ имъ хлѣбомъ и очень скоро сходились въ цѣнѣ съ продавцами. Разумѣется, первыя свои отношенія они завязали съ купцами, но, скоро развѣдавъ, гдѣ находятся болѣе или менѣе значительные запасы хлѣба въ помѣщичьихъ экономіяхъ и у крестьянъ, они стали закупать хлѣбъ прямо у нихъ. Впрочемъ, не только разнаго рода хлѣбъ, но и всѣ сельско-хозяйственные продукты: пенька, конопляное масло, льняное сѣмя, сало, сырыя кожи, овчины, пухъ, перья, щетины и проч.,—все это начало закупаться евреями и притомъ на наличныя деньги. Такимъ образомъ торговля въ краѣ вдругъ оживилась“ [1]). Вдругъ, сразу, разомъ—эти выраженія, столь часто употребляемыя

[1]) Тамъ же, стр. 114—115.

здѣсь авторомъ, говорятъ о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на туземцевъ появленіемъ евреевъ въ этомъ краѣ. И любопытно, что тѣ же выраженія употребляетъ другой членъ экспедиціи, подошедшій къ Курску съ другого конца и сообщающій о томъ же. „Евреями въ началѣ года было в д р у г ъ куплено въ Курскѣ болѣе 50000 пудовъ чистой пеньки по высокимъ цѣнамъ для отправки въ Ригу, гдѣ цѣны на нее выше существующихъ въ С.-Петербургѣ. Съ тѣхъ поръ въ Курскъ постоянно начали поступать требованія на пеньку изъ Риги“ [1]).

При всемъ драматизмѣ описываемаго здѣсь момента можно врядъ ли сомнѣваться въ томъ, что наѣзжіе торговцы не могли сразу передѣлать торговый строй края до основанія. И если съ ихъ появленіемъ торговля въ общемъ приняла тутъ иной видъ и иное направленіе, то въ основныхъ ячейкахъ ея еще надолго несомнѣнно сохранились старорусскія начала; рядомъ съ новымъ продолжало жить старое. Кое-какія указанія на это мы встрѣчаемъ у самихъ авторовъ, описывающихъ этотъ переворотъ; по отношенію къ Поволжью мы имѣемъ прямое свидѣтельство, относящееся къ восьмидесятымъ годамъ и выше приведенное. Достигла ли теперь хлѣбная торговля за чертой осѣдлости той подвижности и гибкости, которыя присущи были ей въ чертѣ еще полвѣка тому назадъ? Съ высоты птичьяго полета, изъ Петербурга, кажется, что да. Авторъ, давшій намъ картину статитики въ торговлѣ Поволжья 80-хъ годовъ, такъ рисуетъ динамику нынѣшей хлѣбной торговли въ Россіи. „Бойкій, пронырливый, всюду проникающій коммиссіонеръ не въ трактирѣ сидитъ за парой чая, онъ буквально рыщетъ по полямъ: заглянетъ въ самую глухую деревню, въ умирающее помѣстье, на зате-

[1]) А. С. Тарчаковъ. „Труды“ Имп. Вольно-Экон. О-ва 1870 г. т. I, выпускъ 3, стр. 93.

рявшійся въ степи хуторъ... Деревня встрѣчаетъ бродячихъ спекулянтовъ почти радостно: не только потому, что онъ приноситъ съ собой деньги, которыя намъ всегда нужны до зарѣзу,—пронырливый скупщикъ приближаетъ къ деревнѣ міровой рынокъ. Онъ не старается на каждой покупкѣ нажить много сразу, довольствуется ничтожнымъ сравнительно процентомъ комиссіи, поэтому продать хлѣбъ бродячему спекулянту во многихъ случаяхъ выгоднѣе, чѣмъ мѣстному „благодѣтелю“. Купленный хлѣбъ спекулянтъ тотчасъ предъявляетъ къ отправкѣ по желѣзной дорогѣ. Дубликатъ заложенъ въ банкѣ, а вырученная отъ залога сумма сейчасъ же обращена на новую покупку“ [1]). Тщательныхъ изслѣдованій на мѣстахъ въ послѣднее время не произведено было, и трудно сказать, въ равной ли мѣрѣ соотвѣтствуетъ это описаніе разнымъ полосамъ нашего обширнаго отечества. Можно считать во всякомъ случаѣ установленными два факта. Первое: если не по организованности, то по подвижности русская хлѣбная торговля введена въ общемъ въ міровой оборотъ, какъ равнокачественная составная часть его. Второе: огромная инерція, которую встрѣтило это дѣло, преодолѣна была преимущественно усиліями еврейскихъ торговцевъ, ихъ иниціативой, предпріимчивостью и умѣньемъ приспособляться къ условіямъ среды и момента.

Но хлѣбная торговля, при всей своей важности,—все же только часть торговаго оборота страны. Между тѣмъ можно назвать любую другую отрасль торговли, любой обращающійся на рынкѣ продуктъ—отъ собираемыхъ въ лѣсу ягодъ и кустарныхъ издѣлій до самаго лѣса и извлекаемыхъ изъ нѣдръ земли великихъ богатствъ—и быть увѣреннымъ, что продуктъ этотъ или торговля имъ нуждается въ живыхъ силахъ, въ творческой энергіи опыт-

[1]) С. Патрашкинъ, цитированная выше статья.

ныхъ и неутомимыхъ торговцевъ, въ подвижной посредствующей средѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ни одного продукта въ странѣ, торговля которымъ находилась бы въ столь благопріятныхъ условіяхъ для развитія, какъ въ свое время торговля хлѣбомъ. Ни въ чемъ другомъ не проявляется такъ непосредственно и столь сильно давленіе мірового рынка; многіе товары даже совершенно отъ него отрѣзаны естественно или искусственно, т. е. покровительственными пошлинами. Ни одинъ продуктъ не обращается въ странѣ въ столь большихъ массахъ и не столько привлекаетъ, слѣдовательно, глаза и вниманія, какъ хлѣбъ; хлѣбная торговля, кромѣ того имѣетъ сезонный характеръ, и легко понять, на сколько именно эта послѣдняя особенность способствовала и способствуетъ вліянію наѣзжихъ купцовъ, т. е. черты осѣдлости. И если при всѣхъ этихъ, благопріятныхъ для вліянія запада Европы и запада Россіи, условіяхъ должно было пройти чуть ли не полвѣка раньше, чѣмъ Волга сравнялась въ хлѣбномъ дѣлѣ съ Днѣпромъ, то сколько же намъ придется ждать, пока живой духъ проникнетъ въ рудное дѣло Урала, маслобойное дѣло Сибири, въ лѣсные промыслы безбрежнаго сѣвера?

V.

Какъ ни мало обслѣдована хозяйственная жизнь нашего отечества и отдѣльныя области хозяйства и страны въ особенности, можно бы наполнить не мало страницъ примѣрами, когда вслѣдствіе недостатка торговой энергіи, имѣющейся въ избыткѣ въ еврейскомъ населеніи Россіи, падали города, чахнутъ или разлагаются даже цѣлыя отрасли промышленности. Здѣсь возможно привести только немногіе, конечно, случаи, важные сами по себѣ или интересные по своей опредѣленности. Въ 1827 году кіев-

скій магистратъ послѣ многократныхъ домогательствъ добился, наконецъ, указа о выселеніи евреевъ изъ города. Мѣра эта была въ 1835 году, послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ, осуществлена полностью вопреки отзыву мѣстныхъ властей, признавшихъ „оставленіе евреевъ въ Кіевѣ полезнымъ и въ томъ отношеніи, что они, при умѣренности и простотѣ ихъ жизни, имѣютъ возможность продавать товары гораздо дешевле, такъ что рѣшительно можно сказать, что съ высылкою ихъ многіе товары и издѣлія не только вздорожаютъ, но и вовсе невозможно ихъ будетъ имѣть“, и справедливо находившихъ, что „нельзя не предпочесть пользы жителей личнымъ выгодамъ, ожидаемымъ христіанскимъ купечествомъ отъ удаленія евреевъ“ [1]). Но послѣдствія показали, что и ожидаемой личной выгоды не было. Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ кіевскій губернаторъ писалъ въ оффиціальномъ представленіи Петербургу: „Кіевское купечество не оправдало этой мѣры, ибо, стремясь къ монополіи на всѣ потребности, ко вреду прочаго, болѣе значительнаго населенія, даже собственно для себя не извлекало выгодъ“ [2]). Если не выиграли отъ выселенія евреевъ ни Кіевъ ни даже кіевскіе купцы, то выросли вслѣдствіе этого незначительные прежде Васильковъ и Бѣлая-Церковь, въ особенности же Бердичевъ, торговые обороты котораго именно съ этого времени начинаютъ быстро расти и куда стали скоро ѣздить за товарами купцы Приднѣпровской столицы, занимающей столь выгодное географическое положеніе, столь сильной своей древней славой и родными святынями. Съ открытіемъ доступа въ Кіевъ, евреямъ, вѣрнѣе — нѣкоторымъ категоріямъ евреевъ, Бердичевъ сталъ падать.

---

[1]) В. П. С. З., VIII, № 6,477.
[2]) В. П. С. З., т. VIII, № 6,477..

Черезъ 60 почти лѣтъ кіевскій опытъ былъ повторенъ въ другомъ мѣстѣ и при глубоко различныхъ условіяхъ; результатъ получился, если не одинаковый, то однородный. Въ 1892 году изъ Москвы выселено было нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ. Городъ, сосредоточившій въ себѣ всю экономическую мощь восточной и центральной Россіи, не могъ, конечно, захирѣть отъ того, что лишился тысячи-другой душъ населенія, едва успѣвшихъ осѣсть въ немъ; но потерю города и его промышленности можно измѣрить выгодой, которую это изгнаніе доставило другому городу. Выселенные евреи бросились въ Лодзь и, быстро овладѣвъ механизмомъ тамошней хлопчатой промышленности, открыли продуктамъ ея сбытъ въ такія мѣста, куда они раньше не проникали,— и въ статистической таблицѣ ростъ производства Лодзинскаго раіона за это десятилѣтіе отмѣченъ рѣзкимъ скачкомъ [1]). Въ небольшихъ размѣрахъ, но именно потому въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ еще разъ провѣрена была истина, извѣстная уже изъ исторіи изгнанія евреевъ и мавровъ изъ Испаніи и гугенотовъ изъ Франціи.

О кустаряхъ, о сбытѣ кустарныхъ издѣлій у насъ много говорятъ и хлопочутъ. Сколько дамъ высшаго свѣта суетятся вокругъ этого дѣла! А помочь ему можно, очевидно, не салонными выдумками, а только приливомъ торговой энергіи. Въ 1889 году въ знаменитое село Павловскъ пріѣхало около десятка евреевъ, и тамъ все сразу ожило, точно ворвалась струя свѣжаго воздуха. Цѣны на издѣлія кустарей быстро поднялись, сами кустари стали освобождаться изъ-подъ гнета мѣстныхъ благодѣтелей. Но евреевъ, разумѣется, поспѣшили выслать изъ недозволеннаго для нихъ мѣста; ходатайство павловцевъ оставить поселив-

---

[1]) Статистику производства см., между прочимъ, „Промышленность и Торговля“, 1910 г. № 21, стр. 454.

шихся среди нихъ евреевъ не было уважено. Если бы евреевъ не было, ихъ нужно было бы выдумать—могъ бы сказать русскій кустарь.

Какъ бы однако краснорѣчивы ни были приведенные здѣсь и подобные примѣры, они блѣднѣютъ всѣ предъ огромнымъ, прямо таки потрясающимъ явленіемъ въ русской жизни, которое происходитъ теперь, сейчасъ вотъ на нашихъ глазахъ. Я говорю о томъ, что творится теперь на Уралѣ. Паденіе уральской промышленности вызываетъ вчужѣ и гнѣвъ, и жалость, и презрѣніе въ одно и то же время. На всемъ земномъ шарѣ врядъ ли найдется еще уголокъ, столь щедро надѣленный, какъ Уралъ. Уголь, желѣзо, мѣдь, золото, платина, драгоцѣнные камни, безбрежные лѣса, многоводныя рѣки, дающія даровую силу. Къ этимъ исключительнымъ дарамъ природы Россія присоединила свои вольные и невольные дары, тоже исключительные. Не счесть тѣхъ жертвъ народныхъ, которыхъ поглотила уральская промышленность. Земли, лѣса, рабовъ—все получали уральскіе заводчики легко и въ изобиліи. Каждая пядь земли обширнаго края напитана человѣческой кровью, каждая проложенная здѣсь въ лѣсахъ тропинка устлана костьми человѣческими. Въ теченіе многихъ поколѣній Россія была данницей Урала, платя за желѣзо, котораго не могла получать извнѣ, неимовѣрныя цѣны. Доходы уральскихъ заводчиковъ достигали 160% и больше на затраченный капиталъ. Составились колоссальныя частныя богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ было все же создано дѣло огромной цѣнности и національнаго значенія. Отъ уральскихъ заводовъ кормились десятки тысячъ семействъ горнозаводскаго населенія, накопился какой ни на есть техническій опытъ, нѣкоторые продукты достигли даже высокой степени совершенства. Въ странѣ, бѣдной знаніемъ и умѣніемъ,—это цѣнности не маловажныя. Вдругъ все это валится безпомощно и жалко, какъ

падаютъ звѣри лѣсные, застигнутые геологическимъ переворотомъ. Производительность заводовъ изъ года въ годъ падаетъ относительно или даже абсолютно: въ 1907 году Уралъ выплавилъ меньше чугуна, чѣмъ въ 1896 году. „Нѣкоторые заводы еще дышатъ, затягиваютъ платежи рабочимъ, послѣдніе закладываютъ свое имущество, чтобы пережить тяжелый періодъ. Въ нѣкоторыхъ заводскихъ больницахъ сестры милосердія и сидѣлки не имѣютъ сахара и пьютъ чай безъ него, даже для больныхъ съ трудомъ достаютъ хлѣбъ... Дѣло доходитъ до того, что рабочимъ подолгу не платятъ заработной платы, а это въ конецъ разстраиваетъ дѣло, такъ какъ тогда начальствующія лица стѣсняются даже встрѣчаться съ рабочими, — послѣдніе постоянно при встрѣчѣ поднимаютъ рѣчь о платежѣ,—и можно себѣ представить, какъ тогда идетъ работа на заводѣ“ [1]). Или вотъ свѣдѣнія, въ частности, о богатѣйшемъ еще недавно Нижне-Тагильскомъ заводѣ. „Положеніе населенія въ Нижнемъ Тагилѣ весьма печальное. Иногда нѣтъ сапогъ у населенія, нѣтъ рубахъ (по даннымъ оффиціальныхъ лицъ). Сапоги къ зимѣ мѣняются на пимы и обратно... Заводъ вслѣдствіе отсутствія у него денегъ затягиваетъ платежи служащимъ и рабочимъ, и нѣкоторые изъ нихъ не получали денегъ за шесть мѣсяцевъ. Заводъ выдаетъ отчасти талоны, по которымъ отпускали товары торговцы, правда, съ большимъ учетомъ“ [2]). Заводы не имѣютъ денегъ; но это не всегда значитъ, что нѣтъ ихъ и у заводчиковъ. Иные изъ нихъ владѣютъ десятками милліоновъ; но заводамъ денегъ не даютъ, считая, очевидно, заводское дѣло на Уралѣ безнадежнымъ.

Указываютъ много причинъ уральскаго кризиса: без-

[1]) Проф. И. Х. Озеровъ „Горные заводы Урала“. Москва, 1910 г., стр. 7 и 9.

[2]) Тамъ же, стр. 225.

дорожье, недостаточная оборудованность заводовъ, нерацiональное расположеніе ихъ въ раіонѣ, вздорожаніе древеснаго топлива, какъ слѣдствіе нерацiональнаго веденія хозяйства въ прежнія времена, и т. д. Но главной, всепокрывающей причиной остается потеря рынка. Съ тѣхъ поръ, что стало развиваться горное дѣло на югѣ, правительство ему, главнымъ образомъ, удѣляетъ свое благосклонное вниманіе, проще — львиную долю казенныхъ заказовъ. И такъ какъ казенные заказы очень выгодны, то обиліе ихъ даетъ возможность южанамъ выпускать свои продукты на рынокъ для частныхъ потребителей по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ Уралъ. Вотъ главное бѣдствіе уральскихъ заводовъ. Значитъ ли это, что дѣло безнадежно? Нисколько. Бѣдѣ помочь можно, но для этого „заводамъ нужно сдѣлаться болѣе эластичными, надо начать прислушиваться къ требованіямъ рынка, изучать его". Дѣйствительная бѣда, при которой только все остальное и становится страшнымъ, въ томъ, что „мало здѣсь лицъ, стоящихъ во главѣ предпріятій, съ административными способностями, съ коммерческой жилкой. Они дѣлаютъ то, что привыкли, что дѣлали ихъ отцы и дѣды; но изучать рынокъ, поставить предпріятіе въ подчиненное положеніе къ нему, къ потребностямъ народа — они не въ состояніи" [3]). И гдѣ есть хоть капля этой драгоцѣнной коммерческой способности, на тѣхъ заводахъ дѣла идутъ даже теперь сравнительно не дурно. Проф. Озеровъ открылъ на Уралѣ титулованнаго заводовладѣльца, поставившаго себѣ цѣлью „влѣзть въ избу мужика со своимъ товаромъ". На заводѣ этого владѣльца изготовляются ведра, чайники, сковороды, маслобойки, ухваты, грабли, лопаты. Этимъ товаромъ нагружаетъ онъ баржу и „отправляетъ ее по Камѣ и Волгѣ, останавливаясь чуть ли не

[3]) Тамъ же, стр. 17.

у каждой деревушки". У этого заводчика дѣла идутъ даже очень недурно, и проф. не находитъ достаточно восторженныхъ выраженій для описанія этого чуда Урала. Однако, распространеніе товара черезъ своихъ „молодцовъ", развозящихъ его по весямъ и градамъ, — способъ весьма первобытный. И если къ нему прибѣгаетъ уральскій Рокфеллеръ, то это говоритъ только о первобытности всей обстановки. Пока же сохраняется такая обстановка, болѣе предпріимчивые заводчики могутъ личными усиліями болѣе или менѣе долго поддерживать свои предпріятія; но поставить горнозаводское дѣло Урала на прочную основу широкаго спроса такими средствами невозможно. Для этого требуется, чтобы коммерческой предпріимчивостью насыщена была атмосфера на всемъ пространствѣ отъ Урала до Иркутска въ одномъ направленіи и до Москвы—въ другомъ; нужно, чтобы въ каждой точкѣ центральной и восточной Россіи, а также Зауральскихъ и Закаспійскихъ владѣній ея существовали живые, неугомонные, не знающіе покоя посредники, которые, ища дѣлъ и заработковъ, безпрестанно будили бы, съ одной стороны, дремлющій рынокъ, съ другой—также безпрестанно давили бы, черезъ рядъ передаточныхъ механизмовъ, на производителей, заставляя ихъ приспособляться къ спросу, идти ему навстрѣчу.

Условія въ данномъ случаѣ таковы, что посредникъ получаетъ исключительное, рѣшающее значеніе; ибо въ потенціи, въ скрытомъ состояніи существуютъ и предложеніе огромное и болѣе огромный еще спросъ, но некому скрытое сдѣлать явнымъ, возможное—дѣйствительнымъ. Съ одной стороны—обширная, безбрежная многомилліонная Русь, деревянная и соломенная, какъ во времена Рюрика, и способная поглотить безконечное количество металла. Съ другой стороны—груды желѣза, которымъ нѣтъ сбыта. Еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ во всей Рос-

сіи, за исключеніемъ степныхъ и отчасти юго-западныхъ губерній, господствовала почти безраздѣльно соха въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и лишь въ послѣднее десятилѣтіе, особенно же въ пореволюціонное время, сталъ замѣтно распространяться плугъ и вообще сельско-хозяйственныя машины, при чемъ больше половины спроса удовлетворяется изъ-за границы. Но не только плугъ, желѣзный заступъ и даже самый обыкновенный гвоздь—вещи далеко не распространенныя въ деревенскомъ обиходѣ; и эта бѣдность желѣзными орудіями составляетъ не маловажную причину хозяйственной отсталости деревни, ея хозяйственной немочи. Можно сказать, что русская деревня живетъ еще въ деревянномъ вѣкѣ и потому хила; чтобы окрѣпнуть она должна, какъ слабосильный человѣкъ, принимать желѣзо. Но желѣза для мужика не было, пока Уралъ не имѣлъ конкурентовъ, и доходъ на желѣзо достигалъ нигдѣ не слыханныхъ размѣровъ. Въ то время врядъ ли могла бы какая либо сила вывести заводчиковъ изъ состоянія безпечности и заставить ихъ приспособить производство и сбытъ къ условіямъ массоваго потребленія. Но какъ только явился грозный соперникъ—Югъ,—отвлекшій главнаго потребителя—казну,—въ Уральской промышленности стали возможны не только перемѣны, но и цѣлая революція; съ этого момента потенціальному спросу соотвѣтствуетъ, съ другой стороны, потенціальное предложеніе. Большей или меньшей предпріимчивостью отличается тотъ или другой заводовладѣлецъ, само производство, какъ таковое,—вложенные въ него капиталы, работающіе въ немъ люди, горящія печи—обладаетъ огромной устойчивостью и, стремясь сохраниться, должно неминуемо проявлять готовность приспособляться къ новымъ условіямъ существованія. Чтобъ на Уралѣ не только не потухали дѣйствующія уже печи, но зажглись въ изобиліи новыя, чтобы въ то же

время по русскимъ полямъ пошелъ вмѣсто сохи плугъ, нужно свести два міра, одинаково другъ другу нужныхъ, но другъ друга не умѣющихъ найти. Представьте же себѣ, что въ Пермской губерніи евреи исчисляются не десятитысячными долями населенія, а сотыми, что полтора милліоновъ евреевъ, выѣхавшихъ за послѣднія тридцать лѣтъ изъ Россіи и сумѣвшихъ даже въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ создать новыя отрасли производства, въ которыхъ и руководство и трудъ выполняется ими самими 1),—представьте себѣ, что эта масса людей осталась въ Россіи и хоть частью размѣстилась за чертой осѣдлости. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что Уралъ и русская деревня другъ друга нашли бы и другъ друга использовали бы, и новооткрытая на Югѣ руда, составляющая сама по себѣ богатство, не стала бы причиной разоренія богатѣйшаго въ странѣ края, а косвенно содѣйствовало бы росту богатства во всей странѣ?

Но—напрашивается само собой возраженіе—русская деревня бѣдна; она не имѣетъ покупательныхъ средствъ. Это составляетъ важнѣйшее препятствіе къ развитію у насъ промышленности вообще и задерживаетъ, конечно, также развитіе Уральской промышленноети. Не слѣдуетъ, однако, покупательную силу населенія представлять себѣ, какъ нѣчто само себѣ равное, ни въ какомъ случаѣ неизмѣнное въ каждый данный моментъ. Находитъ же аме-

---

1) Еврейскіе иммигранты содѣйствовали въ англо-саксонскихъ странахъ развитію промышленности готоваго платья и обуви, шапочнаго, мебельнаго, табачнаго, папироснаго и отчасти булочнаго производства. Изготовленіе дамскихъ накидокъ было въ началѣ 80-хъ годовъ въ Англіи совершенно неизвѣстно, и эта часть дамскаго туалета ввозилась изъ Германіи. Нынѣ въ этой отрасли портняжнаго дѣла занято въ Англіи около 20 тысячъ рабочихъ, болѣе половины которыхъ составляютъ евреи. (См. С. О. Марголинъ. „Евреи труженики“, стр. 33).

риканская фирма „Зингеръ“ сбытъ въ Россіи для своихъ машинъ, находитъ же казна потребителей для своей водки. Покупательная способность населенія отличается въ нѣкоторыхъ предѣлахъ эластичностью и зависитъ отъ доступности товара, настойчивости предложенія, распространенности кредита и отъ многихъ другихъ условій. Это—вѣрно вообще и въ особенности вѣрно, когда рѣчь идетъ не о предметахъ потребленія въ собственномъ смыслѣ, а объ орудіяхъ производства,—чѣмъ главнымъ образомъ служатъ продукты желѣзодѣлательной и желѣзообрабатывающей промышленности,—гдѣ затраченный рубль можетъ черезъ годъ или два вернуться съ излишкомъ. Именно потому, что спросъ въ Россіи такъ вялъ, а производитель привыкъ къ привилегіямъ, лѣнивъ, неповоротливъ и ждетъ стимула со стороны потребителя, что Россія до сихъ поръ остается въ огромной своей части бездорожной, что такъ много у насъ темноты и неустройства во всемъ,—именно поэтому получаетъ такое огромное значеніе здѣсь культурный посредникъ-торговецъ, который, не желая никого просвѣщать и не заботясь объ этомъ, на дѣлѣ является настойчивымъ и неутомимымъ пропагандистомъ, развязываетъ находящуюся въ связномъ состояніи энергію, будитъ творческія силы. „На Уралѣ есть промышленные пункты съ населеніемъ въ двадцать тысячъ душъ и не имѣющіе почтовыхъ учрежденій“. „Одно почтовое учрежденіе приходится въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ на 18,357 жителей, въ Ирбитскомъ—87,871“. „Перевозка всѣхъ тяжестей на Уралѣ—а ихъ многія сотни милліоновъ пудовъ—производимая почти исключительно по зимней дорогѣ въ теченіе всего 5,5 мѣсяцевъ, а за вычетомъ такихъ праздничныхъ періодовъ, какъ зимній Никола (самый распространенный храмовой праздникъ), когда большинство празднуетъ отъ трехъ дней до недѣли, святки, масляница—остается не болѣе

5 мѣсяцевъ“ [1]). Такова подвижность края, откуда должно исходить предложеніе; подвижность русской деревни извѣстна. Много ли могутъ при такихъ условіяхъ сдѣлать земскіе служащіе и земскіе склады и удивительно ли, что и изъ того немногаго, что этими складами дѣлается, многое идетъ въ пользу не русской промышленности, а иностранной [2]). И если для того, чтобы будить это сонное царство, широко-распространенная и основанная на личной заинтересованности иниціатива незамѣнима, то откуда она въ Россіи можетъ явиться, если не изъ среди избыточнаго торговаго и торговопромышленнаго населенія черты осѣдлости? Вѣчно конкурируя, обгоняя другъ друга, евреи нашли бы сотни способовъ, чтобы вырвать изъ обособленности и втянуть въ дѣловой оборотъ и крестьянина, и помѣщика, и хуторянина, и колониста; нашли бы они и необходимыя оборотныя средства. „Евреи богаты“—какъ извѣстно. Въ Орелъ и Курскъ явились они, какъ мы видѣли, съ наличными деньгами; кіевскій губернаторъ въ числѣ причинъ, по которымъ мѣстные купцы-христіане не могли использовать отсутствіе—въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ,—еврейской конкуренціи указываетъ и на недостатокъ денегъ у нихъ. Это, конечно, иллюзія. Въ рукахъ еврейскаго торговаго класса денегъ сравнительно немного; но рубли въ рукахъ еврея оборачиваются быстрѣе, и онъ умѣетъ доставать ихъ—объ этомъ разсказалъ намъ уже проф. Янсонъ. Поэтому еврей всегда, гдѣ это нужно, готовъ покупать за наличныя и продавать въ кредитъ. Развили бы, вѣроятно, и въ этомъ случаѣ еврейскіе торговцы широкую систему кредита, умудрились бы, быть можетъ, торговлю плугами, сѣялками, заступами и ведрами сочетать съ тор-

---

[1]) И. Х. Озеровъ, цитированное сочиненіе, стр. 73, 74, 69.

[2]) „Промышленность и Торговля“, 1910 г., № 22, стр. 518.

говлей другими предметами, отличающейся отъ первой фазами оборота и дополняющей ее,—какъ они на Волыни и въ Полѣсьѣ соединяли, во время обслѣдованія этихъ областей проф. Янсономъ, торговлю лѣсомъ съ хлѣбной торговлей, сдѣлавъ этимъ возможнымъ сбытъ заграницу и того и другого продукта.

Если въ Минскѣ, Вильнѣ, Бердичевѣ бродятъ, какъ тѣни, голодные евреи, не имѣя къ чему приложить свою энергію, если на Уралѣ рабочіе ходятъ безъ сапогъ и даже безъ рубахъ, а купленное дорогой цѣной производство разрушается, если русская деревня все еще остается лыкомъ шитой вмѣсто того, чтобы быть кованной желѣзомъ, то, при всей сложности этихъ явленій, мы вправѣ все же сказать, что не въ малой мѣрѣ вина въ этомъ падаетъ на черту, отдѣлившую Западную Россію отъ Восточной, торгово-промышленное еврейское населеніе первой отъ не-еврейскаго, преимущественно земледѣльческаго послѣдней.

Вчера — хлѣбъ, сегодня — желѣзо, завтра — лѣсъ или рыба. Экономическое развитіе Россіи только начинается, и вопросъ о типѣ торговли, объ уровнѣ торговой дѣятельности имѣетъ всеобщее значеніе, составляетъ большую важность для всего хозяйства страны. Между тѣмъ въ сужденіяхъ нашихъ объ экономической жизни Россіи эта категорія, представленіе о торговлѣ обыкновенно отсутствуетъ. Говорятъ о промышленной, технической отсталости Россіи, но никто не говоритъ о торговой отсталости. Для однихъ всякій торговецъ вообще паразитъ, и всякая торговля предосудительна; эти, конечно, не находятъ интереса въ томъ, чтобы разбираться въ преимуществахъ и недостаткахъ развитой и отсталой торговли. Другіе, наоборотъ, думаютъ, что всякая торговля хороша, и разъ есть у насъ купцы, покупающіе и продающіе, то какая еще торговля нужна. Въ томъ и другомъ случаѣ торговля молчаливо

выключается изъ цѣпи сужденій, какъ условіе неизмѣнное, всюду одинаково присутствующее и потому для нашей жизни, въ отличіе отъ жизни другихъ народовъ, значенія не имѣющее. На прямо поставленный вопросъ никто, разумѣется, такъ не отвѣтитъ, такъ о торговлѣ не выскажется; но на дѣлѣ, въ ходѣ сужденій о торговлѣ, какъ я уже говорилъ, вниманія обыкновенно не удѣляютъ, отчего вся экономическая дѣйствительность наша часто выступаетъ въ несоотвѣтствующемъ видѣ. Когда въ спорѣ, напримѣръ, о промышленныхъ синдикатахъ у насъ мы, не обращая вниманія на состояніе торговли въ странѣ, подводимъ ихъ подъ общее понятіе синдиката или треста, какъ они бываютъ въ Европѣ или Америкѣ, то мы одну вещь подмѣняемъ совершенно другой, прямо противоположной. На Западѣ трестъ есть средство противъ анархіи производства, ведущей къ пресыщенію рынка, у насъ онъ является слѣдствіемъ отрѣзанности отъ рынка: производятъ кое-какъ и немного, но и для распространенія этого немногого нѣтъ проложенныхъ путей—приходится строить свое благополучіе на высокихъ цѣнахъ и ведущей къ нимъ стачкѣ. Это вполнѣ ясно выступаетъ въ такой организаціи, какъ уральскій, напримѣръ, синдикатъ „Кровля“; отъ противнаго подтверждаетъ эту мысль наша хлопчатобумажная промышленность, нашедшая такъ или иначе пути къ потребителямъ и въ то же время меньше другихъ проявляющая склонность къ образованію союзовъ. Но не столько важно, конечно, отсутствіе категоріи торговли въ нашихъ сужденіяхъ, сколько невысокій уровень самой торговли въ жизни, въ дѣйствительности. Предыдущее замѣчаніе имѣло только цѣлью показать, что съ отсталостью, неразвитостью торговаго оборота мы встрѣчаемся не только тамъ, въ глубинахъ экономическаго процесса, но и въ верхахъ, гдѣ на первый взглядъ все обстоитъ по европейски. И если вѣрно, что торговля,

обмѣнъ, есть въ хозяйственной жизни современныхъ народовъ не только фактъ, но и глубоко дѣйствующій факторъ, то нужно ли еще доказывать, что запереть большую и наиболѣе совершено дѣйствующую часть торговой энергіи страны въ наглухо запертый ящикъ,—значитъ наложить вериги желѣзныя на трудъ и творчество не той или другой части населенія, а всего народа въ цѣломъ?

VI.

Не всякій торговецъ—еврей, и не всякій еврей—торговецъ. Промышленнымъ трудомъ живетъ, какъ мы уже знаемъ, больше одной трети еврейскаго населенія въ Россіи; сельскимъ хозяйствомъ, извозомъ, поденной работой, личнымъ услуженіемъ и подобнымъ трудомъ снискиваетъ себѣ пропитаніе 14% слишкомъ еврейскаго населенія; торговлей живетъ только 38,65%. Открыть евреямъ запретныя для нихъ теперь области Россіи значитъ, слѣдовательно, открыть ихъ не только для торговцевъ. Существуютъ тѣмъ не менѣе достаточныя основанія вопросъ о чертѣ осѣдлости разсматривать преимущественно съ этой стороны. Поскольку черта осѣдлости не есть просто пережитокъ прошлаго, она удерживается по двумъ мотивамъ—политическому и экономическому. Евреевъ держатъ взаперти, чтобы уберечь коренное русское населеніе въ коренныхъ русскихъ областяхъ отъ политическаго вольнодумства, которымъ евреи, считается, заражены безнадежно. Этотъ страхъ предъ еврейской заразой существовалъ и до революціи, а послѣ нея онъ сталъ для правящихъ верховъ нашихъ чѣмъ то вродѣ навязчивой идеи. Тутъ всякія убѣжденія были бы напрасны, и у насъ остается только экономическій мотивъ, выступающій обыкновенно въ двухъ лицахъ,—въ видѣ опасенія еврейской эксплоатаціи и еврейскаго засилья. Въ первомъ случаѣ проявляется забота о тру-

дящемся и темномъ народѣ, въ послѣднемъ—о тѣхъ слояхъ, у которыхъ есть сила, объ обществѣ; въ томъ и другомъ случаѣ, поскольку рѣчь идетъ о правѣ жительства, имѣются въ виду преимущественно торговцы, которые къ тому же, какъ люди болѣе подвижные, первыми использовали бы свободу передвиженія.

Мы видѣли, что для развитія хозяйства страны и роста національнаго богатства всего важнѣе предоставить свободу именно этой подвижной стихіи, торгующему люду. Но эта свобода способствовала бы увеличенію не только богатства страны въ цѣломъ, а также, въ частности, народнаго богатства, благосостоянія народныхъ массъ. Отъ болѣе развитого обмѣна выиграютъ не только помѣщикъ и фабрикантъ, какъ производители, но въ большей еще мѣрѣ крестьянинъ и рабочій, какъ производители и потребители одновременно; какъ потребители же, выиграютъ чиновникъ, конторскій служащій и подобный людъ, живущій трудомъ своимъ, скуднымъ заработокамъ.

Таковъ отвѣтъ, даваемый фактами, на разговоры о еврейской эксплоатаціи—разговоры рѣдко искренніе, всегда неразумные. Другое дѣло—засилье еврейское; объ этомъ иные русскіе люди говорятъ не только искренно, но даже съ гнѣвомъ и болью. Когда о грозящемъ захватѣ евреями всей торговли вопіютъ трактирщикъ, занявшій мѣсто выселеннаго изъ деревни еврея, или лабазникъ, и теперь подъ сѣнью закона о чертѣ ведущій торгъ свой гдѣ-нибудь во внутреннихъ губерніяхъ такъ, какъ торговали его предки 20 лѣтъ тому назадъ въ Баронскѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, т. е. держа покупающихъ и продающихъ во всей своей волѣ, то можно ли сомнѣваться въ искренности этихъ людей, защищающихъ свое кровное дѣло. Для нихъ стоячее болото—родная стихія. Захвата евреями торговли въ случаѣ отмѣны черты опасаются, однако, не только трактирщикъ и кулакъ, не только тем-

ныя и непосредственно заинтересованныя лица, а также люди образованные и общественные. Эти видятъ здѣсь государственную задачу и въ сохраненіи—до поры, до времени,— черты усматриваютъ мѣру государственной мудрости. Нужно, молъ, охранять русскихъ торговцевъ отъ еврейскаго соперничества, пока они сравнятся въ своемъ развитіи и въ своей торговой опытности съ евреями лишь тогда можно будетъ отмѣнить законъ о чертѣ осѣдлости, въ противномъ случаѣ вся торговля можетъ оказаться въ рукахъ евреевъ.

Будучи послѣдовательны, люди, придерживающіеся такихъ воззрѣній, должны были бы, очевидно, требовать рогатокъ не только для евревъ, но въ большей еще мѣрѣ для иностранцевъ, болѣе развитыхъ въ торговомъ дѣлѣ, чѣмъ русскіе,—для нѣмцевъ, англичанъ; если русскаго торговца такъ легко сглазить, то нужно его сдѣлать недоступнымъ для всякаго чужого глаза. Однако, о закрытіи доступа во внутреннюю Россію иностраннымъ купцамъ никто не говоритъ, и не только потому, что это фактически невозможно; никто объ этомъ и не мечтаетъ, никому это не представляется благомъ. Многіе смотрятъ съ опасеніемъ на переходъ въ руки иностранцевъ природныхъ богатствъ страны, какъ нефтеносныя земли у Майкопа или рудоносныя земли на Уралѣ; спорятъ о цѣлесообразности нарочитаго, планомѣрнаго привлеченія иностранныхъ капиталовъ къ русской промышленности; но никому не пришло еще въ голову сказать, что хорошо бы запретить иностранцамъ открывать въ Москвѣ торговли краснымъ товаромъ или конторы на Волгѣ для закупки хлѣба. Одного этого указанія достаточно, чтобы подъ мнимой государственной мудростью юдофобовъ на время увидѣть тѣ же суевѣрія, что у юдофобовъ по принципу, и то же равнодушіе къ праву и справедливости. Сами того иногда, быть можетъ, не сознавая, сторонники

временнаго сохраненія черты считаютъ русскихъ евреевъ Россіи болѣе чужими и потому ихъ преобладаніе въ россійской торговлѣ болѣе опаснымъ, чѣмъ иностранцевъ и ихъ преобладаніе; въ то же время Россія по этому возврѣнію по отношенію къ своимъ подданнымъ-евреямъ ничѣмъ не обязана: если для безболѣзненнаго, незатруднительнаго воспитанія русскаго купечества нужно евреевъ запереть въ тюрьму, то запереть ихъ и держать, какъ можно дольше,—еврей только глина, матеріалъ для строительства.

Что въ основѣ этого стремленія закрыть Россію для русскихъ подданныхъ въ то время, когда она остается открытой для иностранцевъ, лежатъ только застарѣлые предразсудки и суевѣрный страхъ, а не разсчетъ, не то, напр., соображеніе, что иностранные торговцы и при отсутствіи запрета могутъ переѣзжать въ Россію только въ незначительномъ числѣ,—это ясно изъ того, что соображенія о необходимости временнаго сохраненія черты осѣдлости именно числовой провѣрки, самаго легкаго прикосновенія счета, не выдерживаютъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, должны мы представлять себѣ продолжительность этой временной мѣры? Должны ли ограничительные законы о жительствѣ евреевъ быть сохранены еще на 5, 50 или 100 лѣтъ? Если послѣднее, если безправіе евреевъ предлагаютъ намъ сохранить еще на многія поколѣнія, то мы тутъ, очевидно, имѣемъ дѣло съ голымъ, откровеннымъ отрицаніемъ права евреевъ на существованіе; и временная юдофобія ничѣмъ не отличается отъ принципіальной, отъ юдофобіи до гробовой доски. Ибо какое значеніе могутъ имѣть въ практической политикѣ предположенія, подлежащія осуществленію черезъ 50 или 100 лѣтъ? Можетъ ли кто сказать, что станетъ черезъ такой промежутокъ времени не съ еврейскимъ вопросомъ въ Россіи, а съ самой Россіей,—особенно, если забота о ея благополучіи по прежъ-

нему будетъ лежать на юдофобахъ всѣхъ оттѣнковъ и мракобѣсахъ всѣхъ видовъ? Реальное значеніе получаетъ предположеніе о временномъ сохраненіи черты, если подъ „временнымъ“ понимать 5, 10, наконецъ—20 лѣтъ, если думать, что этого времени достаточно, чтобы выхолить русскаго торговаго недоросля. Но захвата евреями россійской торговли въ такой промежутокъ времени не въ состояніи будетъ представить себѣ даже человѣкъ съ больнымъ, напуганнымъ воображеніемъ. Многіе, и юдофобы въ особенности, склонны представлять себѣ послѣдствія отмѣны черты осѣдлости, какъ нашествіе евреевъ; но это фантастическое представленіе—одинъ изъ многихъ призраковъ, рѣющихъ постоянно предъ глазами евреененавистниковъ, смущая умъ и успокаивая совѣсть ихъ. Я уже упомянулъ выше, что эмиграція, совершенно исключительная, возможная только при исключительныхъ условіяхъ, унесла изъ черты еврейской осѣдлости въ теченіе 30 лѣтъ не больше полутора милліона еврейскаго населенія. Если мы допустимъ даже, несомнѣнно преувеличивая, что послѣ отмѣны черты за такой же промежутокъ времени столько же евреевъ переселится изъ области теперешней осѣдлости своей въ другія русскія области, то и тогда переселенцы составили бы такую незначительную долю огромныхъ массъ не-еврейскаго населенія, что ни о какомъ захватѣ не можетъ быть рѣчи. Мы подойдемъ ближе къ дѣйствительности, если возможное переселеніе евреевъ изъ черты во внутреннія губерніи будемъ сравнивать не съ эмиграціей въ Соединенные Штаты, куда еврея влечетъ и безграничная свобода жизни, и огромная интенсивность ея, а съ передвиженіемъ еврейскаго населенія въ предѣлахъ самой Россіи. Юговосточныя губерніи черты осѣдлости, т. е., губерніи Черниговская, Полтавская, Екатеринославская и Таврическая стали доступны евреямъ отчасти въ 1791 году, отчасти въ 1804-мъ.

До переписи 1897 года прошло, слѣдовательно, цѣлое столѣтіе, въ теченіе котораго евреи могли безпрепятственно перемѣщаться изъ древнихъ мѣстъ своего обитанія, изъ Сѣверо-западнаго края, Волыни и Подоліи, въ новооткрывшіяся для нихъ. Между тѣмъ по даннымъ всеобщей переписи въ четырехъ юго-восточныхъ губерніяхъ черты было всего 387.236 душъ еврейскаго населенія. Евреи составляли здѣсь 4,4% всего населенія, т. е. немногимъ больше отношенія всего еврейскаго населенія ко всему населенію Имперіи, а въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ евреи въ тоже время составляли 14,1% населенія, т. е. евреевъ здѣсь было относительно втрое слишкомъ больше. Такъ медленно шло разселеніе по небольшой сравнительно территоріи, такъ велика инерція большихъ массъ! А нужно еще имѣть въ виду, что юго-востокъ черты осѣдлости включаетъ такіе благодатные углы, какъ богатый ископаемыми Донецкій бассейнъ, ставшій притягательнымъ центромъ для населенія другихъ областей, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за 10 до переписи, и столь щедро одаренный Крымъ, всегда привлекавшій къ себѣ взоры. Не ясно ли, что главная масса еврейскаго населенія останется надолго, если не навсегда въ области нынѣшней осѣдлости своей, что, слѣдовательно, даже многія поколѣнія спустя процентъ еврейскаго населенія во внутреннихъ губерніяхъ будетъ много ниже средняго отношенія во всей странѣ, т. е. 4%. Черезъ десять же, двадцать или даже тридцать лѣтъ еврейское населеніе внѣ черты могло бы достигнуть этой нормы развѣ только въ немногихъ, единичныхъ мѣстахъ исключительнаго скопленія выходцевъ изъ черты; въ среднемъ же оно въ этихъ областяхъ не могло бы подняться даже до одной сотой. Могутъ ли при свѣтѣ этихъ цифръ люди, придающіе значеніе своимъ словамъ, говорить объ угрожающемъ захватѣ евреями чего бы то ни было, въ особенности торговли, которая

будетъ во всякомъ случаѣ поглощать съ каждымъ годомъ все больше рукъ и разовьется особенно быстро при томъ оживленіи, которое внесутъ въ нее переселенцы изъ черты. Если для оживленія торговли достаточны единицы, заражающія своимъ примѣромъ и понуждающія къ движенію и дѣятельности давленіемъ своего соперничества, если въ этомъ отношеніи имѣетъ огромное значеніе уже одна свобода передвиженія, ибо даже временные наѣзды опытныхъ и подвижныхъ торговцевъ могутъ составить эпоху въ мѣстностяхъ съ малоразвитой торговлей, какъ мы видѣли на описанномъ выше примѣрѣ пріѣзда хлѣботорговцевъ-евреевъ въ Орелъ и Курскъ, то для захвата торговли, еслибы нѣчто подобное вообще возможно было, нужны не единицы, а тысячи, какихъ черта осѣдлости дать не можетъ. Врядъ ли она въ состояніи дать даже то число торговцевъ, которое необходимо для быстраго оживленія торговаго оборота на безбрежныхъ пространствахъ Европейской и Азіатской Россіи, и опасаться приходится, что отмѣна черты осѣдлости будетъ мѣрой недостаточной, но ни въ коемъ случаѣ она не можетъ оказаться мѣрой разрушительной.

Можно бы считать экономическое значеніе черты выясненнымъ и попытаться опредѣлить ту долю этого великаго для всей страны бѣдствія, которая падаетъ на евреевъ. Но раньше, чѣмъ закончить, мы должны вернуться къ исходной точкѣ; отъ цифръ, фактовъ, свидѣтельствъ и соображеній по ихъ поводу мы, чтобы не оказаться въ положеніи, когда изъ-за деревьевъ лѣса не видать, должны вернуться къ географической и исторической обстановкѣ— только въ этомъ случаѣ мы будемъ на уровнѣ обсуждаемого предмета. Многіе русскіе люди съ необычайной легкостью принимаютъ на вѣру положеніе, что 6 милліоновъ евреевъ составляетъ грозную опасность для всей великой Россіи со всѣми населяющими ее племенами; оно

и понятно: вѣра эта росла въ теченіе столѣтій, надъ укрѣпленіемъ ея трудились поколѣнія. Но лишь съ великимъ несомнѣнно трудомъ можетъ быть русскимъ человѣкомъ усвоена мысль, что свобода передвиженія и разселенія, предоставленная этимъ же 6 милліонамъ евреевъ, составило бы великое благо для всей Россіи, что съ этого момента началась бы новая эпоха въ хозяйственной жизни ея. Какъ только мѣняешь минусъ на плюсъ и начинаешь разсматривать евреевъ, какъ положительную величину, тотчасъ встрѣчаешься со склонностью свести значеніе этой величины до ничтожнаго; сразу выступаетъ упоеніе своей огромностью, раньше почему то забывавшейся, и даже считающій себя свободнымъ отъ предразсудковъ русскій человѣкъ вамъ скажетъ: э, какъ-нибудь не пропадетъ наша Россія, если и не пойдетъ на выучку къ евреямъ, но имъ нужно, разумѣется, оказать справедливость и т. д. Такое отношеніе къ занимаемому насъ здѣсь предмету было бы тѣмъ менѣе умѣстно, что это значило бы вырвать его изъ условій мѣста и времени, въ которыхъ вся важность, вся значительность его. Какъ ни важны для развитія малоподвижной русской торговли особыя еврейскія способности—подвижность, умѣніе приспособляться къ условіямъ, готовность довольствоваться малымъ и другія, примѣры которыхъ мы выше видѣли,—разрушительное дѣйствіе черты все же не въ томъ, что лишаетъ страну именно этихъ спеціальныхъ, въ такой мѣрѣ однимъ лишь евреямъ присущихъ даровъ, а въ томъ, главнымъ образомъ, что, отдѣливъ Востокъ Россіи отъ Запада непроходимой пропастью, черта разрушаетъ—частью, по крайней мѣрѣ, — плоды вѣковыхъ стремленій страны. Еще задолго до Петра Россія выписывала изъ западныхъ странъ всякаго рода „мастеровъ“, и Польша, опасаясь усиленія своего восточнаго сосѣда, ставила рогатки, чтобы ихъ перехватывать. Присоединивъ въ сре-

динѣ 17-го вѣка Малороссію, Россія сама сдѣлала шагъ по направленію къ Западу; всѣ великія дѣла Петра сходятся въ одной точкѣ—„окно въ Европу прорубилъ“; принявъ участіе въ раздѣлѣ Польши и отнявъ у турокъ сѣверо-западное побережье Чернаго моря, Екатерина продолжила дѣла Петра; Александръ I, завладѣвъ Прибалтійской областью, завершилъ его. Такъ включила Россія послѣ долгихъ усилій въ составъ свой обширный край, въ значительной части своей испытавшій ужъ на себѣ вліяніе западной культуры; вмѣстѣ съ тѣмъ на встрѣчу западному вліянію раскрыты были не окно только, но цѣлыя ворота, и по сію пору Россія сильна лишь постольку, поскольку это вліяніе до нея доходитъ и поскольку оно дѣйствительно.

По отношенію къ столь важному явленію культуры, какъ торговля, черта осѣдлости превратила западный край изъ открытыхъ воротъ въ рогатки—наподобіе тѣхъ, которыя въ свое время ставила Польша; европейскій опытъ, переходя нашу западную границу, попадаетъ точно въ волчью яму—нѣтъ ему изъ заколдованной черты выхода. Со времени присоединенія западныхъ областей къ Россіи Европа пережила рядъ глубокихъ переворотовъ въ хозяйственномъ строѣ своемъ, а теперь каждый день собственно приноситъ новый переворотъ; торгово-промышленная дѣятельность западныхъ народовъ достигла поразительнаго напряженія и растетъ безостановочно съ возрастающей быстротой. Легко понять, что прибой этого вѣчно безпокойнаго моря явственно слышенъ непосредственно у берега, въ западной Россіи, и не доносится до далекаго Востока. Кёнигсбергъ непосредственно вліяетъ на Ковну, Берлинъ на Варшаву, Марсель на Одессу. До Вятки, Калуги и Самары вліяніе Европы, если мы говоримъ о торговомъ опытѣ и торговыхъ навыкахъ, можетъ дойти только посредственно, черезъ населеніе западныхъ областей Россіи, и

только посредствомъ контакта—отъ лица къ лицу, отъ толпы къ толпѣ; въ этомъ отличіе торговли отъ многихъ другихъ явленій культуры. Можно, минуя города и села, цѣлыя края, привезти издалека конституцію въ книгѣ или спискѣ, техническіе чертежи въ атласѣ; можно призвать изъ-за тысячъ верстъ ученыхъ и техниковъ и создать въ первобытной странѣ оазисы науки и промышленности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло будетъ сдѣлано тоже только наполовину, ибо живая связь людей во времени и въ пространствѣ важна во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Но въ торговлѣ, въ дѣлѣ пріобрѣтенія торговой культуры только это важно, и всѣ другіе пути совершенно недѣйствительны, если не говорить, разумѣется, о косвенномъ дѣйствіи великихъ техническихъ сооруженій, какъ желѣзныя дороги, напримѣръ. Въ опредѣленіи характера, типа торговли знаніе торговца значитъ немного, умѣнье и, особенно, воля—все. Переходъ отъ торговли, ведущейся по принципу „рубль на рубль навѣрняка“, къ торговлѣ съ большими оборотами и малой прибылью возможенъ только подъ вліяніемъ живого примѣра и давленія конкуренціи. Этому непосредственному воздѣйствію черта осѣдлости закрыла доступъ, и торговый оборотъ коренной Россіи имѣетъ среди современной обстановки видъ воловьей упряжки, движущейся по желѣзнодорожнымъ рельсамъ. Тѣ отдѣльные евреи, которые проникаютъ изъ черты осѣдлости въ остальную Россію черезъ поры раздѣляющей ихъ перегородки, не могутъ оказать замѣтнаго дѣйствія не только по малочисленности своей, но и потому что, перейдя заповѣдную грань, они сами попадаютъ въ разрядъ привилегированныхъ и, естественно, въ большей или меньшей мѣрѣ уподобляются въ своихъ дѣловыхъ пріемахъ туземному населенію. Торжествуетъ принципъ обрусенія, но что выигрываетъ Россія?

Но черта не только закрываетъ доступъ европей-

скому торговому опыту въ большую часть страны, она направляетъ еще значительную часть дѣловой энергіи населенія Россіи въ сторону и въ пользу сосѣднихъ народовъ. Проѣзжая недавно по улицамъ Вильны, я былъ удивленъ большимъ количествомъ вывѣсокъ, говорящихъ объ агентурахъ, представительствахъ разныхъ фирмъ— почти сплошь иностранныхъ. Но это вполнѣ естественно. Отъ Вильны до Берлина поѣздомъ столько же, сколько до Москвы; но германская столица открыта для всѣхъ, русская недоступна или доступна лишь съ трудомъ для торговаго населенія всего сѣверо-западнаго края. Какъ ни защищена русская промышленность пошлинами и тарифами, эта защита не можетъ быть абсолютной; живой человѣкъ имѣетъ слишкомъ большое значеніе въ производствѣ и обмѣнѣ, и если отнята у людей возможность связывать свои интересы съ отечественнымъ производствомъ, они, преодолѣвая всякія препятствія, найдутъ способы связать ихъ съ иностранной промышленностью. Нужно думать, что черта осѣдлости имѣетъ еще одно послѣдствіе: она ведетъ, вѣроятно, къ развитію контрабанды; и если вѣрно, какъ утверждаютъ юдофобы, что въ этомъ промыслѣ евреи принимаютъ большое участіе, то это только неизбѣжное слѣдствіе законовъ о жительствѣ евреевъ. Можно ли удивляться, что человѣкъ, который и въ Москву и въ Нижній можетъ попасть только контрабандой, только при содѣйствіи подкупа и подъ опасеніемъ быть схваченнымъ въ пути, предпочитаетъ контрабанду, которая, по крайней мѣрѣ, выгоднѣе. Запертая съ одной стороны, человѣческая энергія направляется въ другую.

Мы можемъ подводить итоги. Развитіе хозяйства страны невозможно безъ свободы передвиженія; черта осѣдлости, уничтожая послѣднюю, задерживаетъ первое. Россія цѣлые вѣка стремилась къ торговому общенію съ запа-

домъ; черта осѣдлости въ значительной мѣрѣ уничтожаетъ плоды этихъ стремленій. Безчисленныя жертвы приносятся во имя единства имперіи; закономъ о чертѣ осѣдлости, точно клиномъ, страна расколота на двое. Понижая интенсивность хозяйственной жизни на пространствѣ 5/6 Европейской Россіи и во всѣхъ азіатскихъ владѣніяхъ ея, законъ о чертѣ плодитъ нищету во всей странѣ. Въ теченіе полувѣка уже пользуется „коренная“ Россія такимъ великимъ, именно въ хозяйственномъ отношеніи крайне важнымъ благомъ, какъ мѣстное самоуправленіе; на нее падаетъ сравнительно меньшая доля податного бремени; по соображенію съ ея потребностями устанавливаются тарифы; ея населеніе свободно отъ безчисленныхъ путъ, наложенныхъ на значительную часть населенія западнаго края, особенно на евреевъ. И при всѣхъ этихъ льготахъ и преимуществахъ не удается никакъ остановить „оскудѣніе центра“, а на востокѣ, въ богатѣйшемъ краѣ страны, идетъ не только оскудѣніе, но полный развалъ. Эта скудость, обездоленность коренной Россіи, являющіяся результатомъ многихъ грѣховъ, изъ которыхъ черта осѣдлости отнюдь не наименѣе важный, есть тягчайшѣйшее бремя, наложенное страной-завоевательницей на области завоеванныя; ибо ея скудость—это ихъ скудость, бѣдность и невѣжество, давящія ее, душатъ и ихъ. Связанныя съ ней единствомъ управленія и въ частности экономической политики, связанныя съ ней экономически, имѣя въ ней главный рынокъ свой и для сбыта, и для пріобрѣтенія, западныя области не могутъ процвѣтать, когда она, коренная Русь, страдаетъ худосочіемъ. Поэтому емкость черты еврейской осѣдлости сравнительно невелика, поэтому имѣющаяся въ ней торгово-промышленная энергія оказывается избыточной; поэтому въ ней такъ много безработицы и нищеты.

Законы о жительствѣ евреевъ одинаково разорительны

и для запада и для востока Россіи, и для еврейскаго и для нееврейскаго населенія ея. Нельзя даже сказать, что на евреевъ эти законы дѣйствуютъ непосредственно, а на нееврееевъ посредственно. Если бы на углу Невскаго и Литейнаго городовой задерживалъ всѣхъ, скажемъ, рыжихъ, не пропуская ихъ на главную артерію столицы, то матеріальный вредъ отъ такой мудрой мѣры былъ бы одинаковъ и для рыжихъ, и для Невскаго; голодные рабочіе въ Нижнемъ-Тагильскѣ также непосредственно страдаютъ отъ черты, какъ еврейскіе портные въ Двинскѣ. И при всемъ томъ остается въ этомъ дѣлѣ огромное, имѣющее рѣшающее значеніе, различіе между еврейскимъ и не еврейскимъ населеніемъ, между чертой осѣдлости и остальной Россіей. Тутъ, на пространствѣ всей остальной Россіи, законы о жительствѣ евреевъ *задерживаютъ* развитіе; тамъ, въ чертѣ, они безжалостно *разрушаютъ* развившееся. Тутъ они препятствуютъ в о з м о ж н о м у, тамъ они сталкиваются съ д ѣ й с т в и т е л ь н ы м ъ. Коренная Русь голодаетъ и холодаетъ потому, что она не успѣла еще выйти изъ того состоянія, когда человѣкъ безпомощенъ предъ стихіями природы,—потому, что она не проложила еще достаточно дорогъ, не построила школъ, не усвоила плодотворныхъ техническихъ навыковъ даже въ исконномъ промыслѣ своемъ, въ земледѣліи, и не успѣла развить живого и плодотворнаго обмѣна. Еврей черты хирѣетъ и вянетъ отъ того, что коренная Русь, внѣ его лежащая сила, постояннымъ давленіемъ пригибаетъ его къ своему уровню. Если черта осѣдлости—испанскіе сапоги, надѣтые на Россію, то еврейское населеніе — тотъ мозговой центръ, въ которомъ отражается боль отъ пытки. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему о чертѣ говорятъ евреи и молчитъ Россія

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Моральное дѣйствіе черты осѣдлости.

VII.

Дѣйствіе законовъ о жительствѣ евреевъ выходитъ далеко за предѣлы хозяйственныхъ отношеній. Земля для человѣка не дойная корова, а раньше всего основа существованія. Еще раньше, чѣмъ научится онъ добывать для себя пищу изъ земли, человѣкъ опирается на нее ногами, занимаетъ мѣсто на ней и мѣняетъ его. Земля—обитель человѣка и единственная его обитель. Поэтому право владѣть землей, распоряжаться поверхностью и нѣдрами ея, извлекать изъ нея доходы — это право можетъ въ разныхъ мѣстахъ принадлежать разнымъ лицамъ или группамъ, но жить на землѣ, ступать по всему лицу ея—право всѣхъ и каждаго. Въ этомъ смыслѣ земля—Божья, Божья и наша, рода человѣческаго. И вселенная существуетъ для насъ лишь постольку, поскольку она открывается намъ съ нашей родной земли; съ нею связаны чаянія и опасенія наши, радости и горести существованія—всѣ скрывающіяся въ человѣческой жизни возможности. Поэтому, кто сталъ между человѣкомъ и землей, кто въ великое царство необходимости дерзнулъ

внести свой произволъ, сказавъ людямъ: эта часть земли для васъ не создана, тотъ не то или другое человѣческое право нарушилъ, а оскорбилъ верховный разумъ природы и исторіи и въ ослѣпленіи своемъ разрушилъ міры, еще не родившіеся и никому невѣдомые. Ибо никто не можетъ знать, что скажутъ человѣку новыя небеса, чему въ новыхъ мѣстахъ научатъ его новыя человѣческія лица, говоръ ручья и шопотъ листвы, какія тайны раскроетъ мать-земля сыну-человѣку при новой встрѣчѣ съ нимъ. Законы о чертѣ отнимаютъ у насъ почти шестую часть земной суши, и эта часть—наша родина. Русскій еврей можетъ видѣть свѣтлыя воды Рейна, волны Дуная и Нила, бѣлыя вершины Альпъ и Гиммалаи—всѣ красоты земли и чудеса міра, но недоступными остаются для его взора великая русская рѣка, хребты Кавказа и горы Уральскія...

Земля, какъ мѣстопребываніе, и земля, какъ предметъ созерцанія—между этими крайними предѣлами отношенія человѣка къ родной планетѣ нашей расположенъ безконечный рядъ ступеней; отношеніе хозяйственное— только одна изъ нихъ. Для насъ, русскихъ евреевъ, большая часть родины не существуетъ не въ томъ или другомъ отношеніи, а во всѣхъ отношеніяхъ. Одному необходимы цѣлебныя воды Кавказа, другому нужно или хочется подышать воздухомъ за городской чертой, третій рвется къ источнику знанія, лежащему за чертой еврейской осѣдлости, четвертому нужно въ столицу, чтобы искать тамъ правосудія. Остаются ли всѣ такія и подобныя имъ потребности неудовлетворенными или же удовлетвореніе ихъ покупается цѣной безконечныхъ хлопотъ и униженій, въ томъ и другомъ случаѣ остается рана, и не только въ душѣ того, кто непосредственно съ закономъ столкнулся. Предоставленная нѣкоторымъ привелигированнымъ группамъ евреевъ свобода передвиженія по странѣ

не уменьшила горечи обиды, а еще больше ее обострила. Роковая черта часто раздѣляетъ близкихъ, кровно связанныхъ между собой людей, и братъ не можетъ видѣть брата, сынъ—отца; были даже попытки вырвать изъ объятій привилегированныхъ матерей безправныхъ дѣтей ихъ, почти грудныхъ младенцевъ. Нѣтъ притѣсненія, нѣтъ такой обиды, которыя не заключались бы въ этомъ чудовищномъ законѣ, вырывающемъ у человѣка родную почву изъ подъ ногъ. Форма его всеобъемлюща, содержаніе безграничное, и въ каждомъ новомъ случаѣ онъ означаетъ новую казнь. Если бы нашелся въ наши дни какой-нибудь Несторъ, который бы въ теченіе одного только года отмѣчалъ день за днемъ безъ гнѣва и волненія многообразное дѣйствіе закона о чертѣ хотя бы только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно проявляется наружу, то получилась бы картина, способная несомнѣнно поразить самое лѣнивое воображеніе. Но мы не владѣемъ теперь несравненнымъ умѣніемъ лѣтописцевъ, и я могу здѣсь изъ множества фактовъ послѣдняго времени привести лишь нѣкоторые, показавшіеся мнѣ поучительными.

Молодой еврей, родившійся и выросшій въ Петербургѣ, гдѣ проживаетъ и теперь его мать, отбываетъ воинскую повинность на Кавказѣ и, получивъ по случаю болѣзни матери отпускъ на 40 дней, пріѣхалъ въ Петербургъ провѣдать ее. Но съ временемъ поступленія на службу совпадаетъ срокъ совершеннолѣтія; съ этого момента право привилегированной матери на сына ужъ не простирается, и полиція выселяетъ солдата изъ города, ставшаго уже для него запретнымъ. [1]) Этотъ петербургскій случай затмѣвается другимъ, кіевскимъ, гдѣ еврей потерялъ право жительства не во время только пребыванія на военной службѣ, а потому именно, что исполнилъ эту

[1]) „Еврейскій міръ“. 1910 г., № 6. Хроника.

самую тяжелую изъ обязанностей гражданина. Трудно это разсказать въ немногихъ словахъ непосвященнымъ въ особенности законодательства о евреяхъ, но какъ-нибудь это нужно сдѣлать. 22 мая 1907 года министромъ внутреннихъ дѣлъ изданъ былъ льготный для евреевъ циркуляръ, согласно которому незаконно проживающіе внѣ черты евреи могутъ оставаться тамъ и впредь, если удовлетворяютъ нѣкоторымъ условіямъ; изъ нихъ первое: если они поселились въ данномъ мѣстѣ до 1 августа 1906 года или, какъ разъяснено было позднѣйшимъ циркуляромъ, если они до этого времени проживали непремѣнно незаконно, не имѣя права на это. Такъ вотъ этотъ льготный циркуляръ, истолкованный надлежащимъ образомъ Кіевскимъ Губернскимъ Правленіемъ, ограничилъ служившихъ въ арміи евреевъ въ правахъ сравнительно съ другими евреями же. Человѣкъ жилъ въ Кіевѣ, но до 1 августа, 1906 года, былъ принятъ на военную службу и отправленъ куда-то служить. Въ Кіевѣ его къ указанному въ министерскомъ циркулярѣ сроку уже не было, а когда онъ, отслуживъ положенное время, вернулся въ городъ, администрація его выпроводила, какъ безправнаго, какъ не подходящаго подъ требованія льготнаго циркуляра. Братъ его, въ арміи не служившій и потому остававшійся на жительствѣ въ Кіевѣ, можетъ и теперь тамъ жить; ему—нельзя [1]). Оставалось еще только запереть въ черту еврея-солдата во время самой службы. Это сдѣлалъ генералъ Думбадзе. Въ стоящемъ въ Ялтѣ Виленскомъ пѣхотномъ полку служили евреи. Но Ялта, хотя и находится въ чертѣ осѣдлости, составляетъ изъятіе и для евреевъ недоступна; и генералъ, не считаясь съ тѣмъ, что евреи служатъ въ этомъ полку, а полкъ пребываетъ въ Ялтѣ по распоряженію военныхъ властей, выслалъ евреевъ-солдатъ

[1]) „Еврейскій Міръ“ 1910 г., № 12. Хроника.

изъ города. Людей оторвали отъ ихъ личныхъ дѣлъ, отъ близкихъ и родныхъ, отняли у нихъ свободную волю и поставили въ обстановку, гдѣ все до послѣдней пуговицы на платьѣ напоминаетъ объ обязанности пролить кровь свою по первому приказанію, и тутъ же, не снимая даже съ нихъ казенныхъ шинелей, говорятъ имъ: вы отверженные и не можете касаться своими ногами русской земли, доступной всѣмъ народамъ міра. Положимъ, тутъ совершено было вопіющее нарушеніе закона. Но по существу дѣла развѣ отъ петербургской и кіевской законности далеко до ялтинскаго беззаконія?

Оставимъ армію и займемся школой—посмотримъ, при какихъ условіяхъ приходится еврейскимъ дѣтямъ и юношамъ учиться. Я не объ ограниченіи доступа евреямъ въ учебныя заведенія собираюсь здѣсь говорить, а о чертѣ осѣдлости; она, вѣдь, во всемъ. Еврейскій юноша учится въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Петербургѣ и на каникулы отправляется домой въ Смоленскъ; но тутъ поджидаетъ его уже полиція и выдворяетъ и изъ отчаго дома и изъ города. Почему? Смоленскъ—внѣ черты осѣдлости. Родители юноши живутъ тамъ въ качествѣ привилегированныхъ—купцовъ или ремесленниковъ. Раньше ихъ право простиралось и на сына, но съ наступленіемъ совершеннолѣтія, совпадающаго приблизительно со временемъ поступленія въ университетъ, сынъ это право потерялъ. И хотя черезъ два или три года, окончивъ курсъ высшаго учебнаго заведенія, онъ самъ будетъ привилегированнымъ и сможетъ жить по всей Россіи, сейчасъ онъ въ качествѣ студента можетъ жить въ томъ городѣ, гдѣ находится пріютившее его учебное заведеніе, а въ качествѣ еврея—только въ чертѣ осѣдлости. Поэтому онъ на каникулы долженъ ѣхать не къ родителямъ въ Смоленскъ, а въ Минскъ или Житоміръ, или же оставаться безвыѣздно въ Петербургѣ.

Не знаю, какъ было въ данномъ случаѣ, съ этимъ смоленскимъ юношей, но по общему правилу еврей-учащійся встрѣчается съ роковымъ вопросомъ о правѣ жительства еще гораздо раньше, у порога университета. Высшія учебныя заведенія находятся почти всѣ внѣ черты осѣдлости, евреи живутъ почти всѣ въ чертѣ. Чтобы быть зачисленнымъ въ студенты, еврейскій юноша долженъ поѣхать въ университетскій городъ хлопотать или, въ случаѣ спеціальнаго учебнаго заведенія, экзаменоваться. Тутъ онъ встрѣчаетъ преграду въ роковой чертѣ, преступить которую онъ можетъ только съ особаго разрѣшенія администраціи. Но это еще не все—со спеціально еврейскими тяготами еврейскія дѣти знакомятся въ самые ранніе годы. Въ зиму 1909/10 г. С.-Петербургскій учебный округъ потребовалъ отъ всѣхъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы евреевъ представить въ кратчайшій срокъ свидѣтельства полиціи о правѣ жительства [1]); частныя учебныя заведенія подверглись по этому предмету даже особой ревизіи. Требованіе предъявлялось настойчиво и грозно, школьная администрація торопила дѣтей, дѣти изъ школы переносили тревогу въ семью. Не успѣютъ наши дѣти перебраться черезъ поставленный между ними и школой барьеръ въ видѣ процентной нормы, какъ предъ ними уже въ самой школѣ безцеремонно воздвигаютъ новую стѣну, отдѣляющую ихъ отъ товарищей-христіанъ и учителей. Сравнительно съ этимъ нужно считать уже за благо недавнее распоряженіе министерства требовать при пріемѣ еврейскихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія удостовѣренія права жительства въ данномъ городѣ. Но стоитъ отмѣтить, что этотъ циркуляръ, имѣющій по самому смыслу своему отношеніе только къ мѣстамъ внѣ черты осѣдлости, вызвалъ въ прошломъ учебномъ году

[1]) „Еврейскій Міръ“ 1910 г., № 8. Хроника.

переполохъ въ нѣкоторыхъ городахъ черты (Кишиневъ, Николаевъ). Мѣстное учебное начальство требовало отъ евреевъ, желавшихъ опредѣлить своихъ дѣтей въ школы, удостовѣренія о правѣ жительства; полиція, недоумѣвая и опасаясь выдачей такого рода свидѣтельствъ прибавить что-нибудь къ никѣмъ не оспариваемому праву евреевъ жить въ этихъ мѣстахъ, отказывала въ удостовѣреніяхъ. Евреи оказались между молотомъ и наковальней; срокъ пріема могъ быть легко пропущенъ, и дѣтямъ грозило остаться внѣ школы. Лишь послѣ долгихъ хлопотъ удалось добиться отъ учебной администраціи отказа отъ требованія, совершенно лишеннаго смысла. Тутъ мы находимся въ области курьезовъ; но гдѣ во всемъ мірѣ, кромѣ Россіи, возможны еще такіе курьезы?

О предполагавшейся весной этого (1910) года и лишь временно, до разсмотрѣнія дѣла по существу, сенатомъ пріостановленной высылкѣ изъ Москвы малолѣтнихъ дѣтей, на которыхъ по какимъ-то особымъ соображеніямъ администраціи не простирается право ихъ родителей, здѣсь достаточно только упомянуть. Но необходимо отмѣтить, что постановленіе сената не ослабило рвенія московскихъ властей —поиски безправныхъ дѣтей продолжаются, и юныя жертвы намѣчаются. Въ октябрѣ мѣсяцѣ текущаго года газеты сообщили, что московскій градоначальникъ предписалъ живущей отдѣльно отъ мужа акушеркѣ Гаузнеръ выслать въ семидневный срокъ ея 4-хъ лѣтняго сына. Еще дальше зашло усердіе администраціи въ слѣдующемъ случаѣ, ставшемъ извѣстнымъ въ то же время. Около десяти лѣтъ тому назадъ русскій подданный, еврей Болховскій, женился въ Парижѣ на француженкѣ-католичкѣ. Отъ этого брака родилось двое дѣтей, оставленныхъ по желанію отца въ еврейской вѣрѣ. Болховскій умеръ, а вдова его вышла замужъ за русскаго сановника, православнаго, состоящаго въ чинѣ д. ст. со-

вѣтника, и поселилась съ мужемъ и съ дѣтьми въ Москвѣ. Вотъ на эту семью администрація обратила вниманіе и предписала дѣтей Болховскаго, 4 и 8 лѣтъ, выселить. Могла ли дочь свободнаго народа, соединяя свою судьбу съ русскимъ подданнымъ, представить себѣ, какая участь ждетъ ея дѣтей? Она могла бы вступить во второй бракъ съ нѣмцемъ, испанцемъ, туркомъ, сіамскимъ принцемъ, индійскимъ раджи, абиссинцемъ, готтентотомъ — съ человѣкомъ какого угодно племени и какой угодно страны, лишь бы не съ русскимъ сановникомъ, и ей не угрожала бы разлука съ дѣтьми.

Больныхъ законъ о чертѣ такъ же мало щадитъ, какъ здоровыхъ, женщинъ,—какъ дѣтей. Въ началѣ мая настоящаго (1910) года членъ Государственной Думы Эльтековъ телеграфировалъ изъ Пятигорска депутату Фридману: „Евреи, руководствуясь газетными сообщеніями, что намѣстникъ Кавказа ходатайствовалъ о правѣ жительства евреевъ на водахъ, и прошлогоднимъ разрѣшеніемъ, пріѣзжаютъ по невѣдѣнію на воды и немедленно выселяются мѣстной администраціей. Необходимо срочное безотлагательное рѣшеніе этого вопроса во избѣжаніе безцѣльнаго мучительства надъ больными людьми“ [1]). Въ отвѣтъ на возбужденное депутатомъ Фридманомъ ходатайство онъ получилъ отъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ увѣдомленіе, что согласно представленію кавказскаго намѣстника послѣдовало Высочайшее соизволеніе на представленіе начальникамъ Кубанской и Терской областей права разрѣшать больнымъ евреямъ обоего пола и всѣхъ категорій временное, въ сезонъ 1910 г., жительство на водахъ. Но этимъ „безцѣльное мучительство“ не прекращено было, оно приняло только другую форму. Въ отличіе отъ сезона 1909 года на этотъ разъ

[1]) „Еврейская Недѣля“, 1910 г., № 6. За недѣлю.

требовалось для полученія разрѣшенія жить у источниковъ свидѣтельство не врача, а назначенной начальникомъ области коммиссіи. Но коммиссія не только свидѣтельствовала наличность или отсутствіе болѣзни; она по своему распоряжалась еще судьбой больныхъ, посылая ихъ къ однимъ источникамъ вмѣсто другихъ, назначенныхъ имъ ихъ постоянными врачами. Кромѣ того, врачи коммиссіи производили осмотръ женщинъ въ присутствіи предсѣдателя коммиссіи, офицера и письмоводителя, т. е. осматривали больныхъ женщинъ въ обстановкѣ, напоминающей осмотръ новобранцевъ въ воинскомъ присутствіи. И когда объ такихъ дѣйствіяхъ коммиссіи публично было заявлено въ засѣданіи пятигорскаго желѣзнодорожнаго медицинскаго общества и общество приняло рѣшеніе обратиться по этому поводу къ предсѣдателю бальнеологическаго общества въ томъ же городѣ, то появилось оффиціальное сообщеніе, кратко извѣщавшее, что „дѣйствія, учрежденной при управленіи отдѣла, коммиссіи врачей... для освидѣтельствованія прибывающихъ евреевъ на кавказскія минеральныя воды не подлежатъ контролю какихъ бы то ни было общественныхъ организацій“ [1]). Поистинѣ безгранична власть закона о правѣ жительства! Развѣ могъ бы кто сказать раньше, что черта осѣдлости есть косвенное посягательство на цѣломудріе и стыдливость еврейской женщины?

Дачное житье досталось въ этомъ году евреямъ не легче, чѣмъ жизнь на курортахъ. Лѣчиться ли, отдыхать ли собрался еврей, „черта осѣдлости“ превратить для него и то, и другое въ муку. Въ апрѣлѣ 1909 года министерство вн. дѣлъ разъяснило, что проживать въ лѣтнее время на расположенныхъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, въ окрестностяхъ Кіева, дачахъ могутъ лишь евреи, поль-

[1]) „Новый Восходъ“, 1910 3., № 14. За недѣлю.

зующіеся безусловнымъ правомъ повсемѣстнаго жительства въ имперіи; иначе говоря—огромному большинству евреевъ пребываніе на дачахъ въ этихъ мѣстахъ разъясненіемъ министерства запрещается. Но по ходатайству начальника юго-западнаго края на 1909 годъ оставленъ былъ прежній порядокъ, т. е. не препятствовали евреямъ жить на дачахъ. Министерство же подало по этому поводу особый рапортъ въ сенатъ (11 іюля, 1909 г.). Въ Первомъ отдѣленіи мнѣнія сенаторовъ разошлись, и вопросъ былъ перенесенъ въ общее собраніе Перваго департамента. Разногласія и тутъ получились, и, когда наступилъ новый дачный сезонъ, вопросъ о томъ, можетъ ли еврей дышать свѣжимъ воздухомъ, не былъ еще рѣшенъ высшимъ учрежденіемъ по охраненію законовъ имперіи. Мѣстная же администрація рѣшила, конечно, что не можетъ. Начались хлопоты со стороны заинтересованныхъ дачевладѣльцевъ-христіанъ, и послѣдовалъ циркуляръ министра, предоставлявшій рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе генералъ-губернатора. Затѣмъ послѣдовалъ другой циркуляръ, вопреки успѣвшему состояться за это время (7 мая) опредѣленію сената, предоставившій уже мѣстнымъ властямъ разрѣшать жительство на дачахъ только больнымъ евреямъ и только при „отсутствіи неудовольствія со стороны мѣстнаго населенія“. Вся эта путаница привела къ тому, что въ одни поселки мѣстная администрація пускала евреевъ, въ другіе нѣтъ, изъ третьихъ выселяли поселившихся уже тамъ съ разрѣшенія начальства [1]). Таковъ же былъ отдыхъ еврейскій и въ другихъ дачныхъ мѣстахъ—въ подмосковныхъ селахъ, на рижскомъ взморьѣ, въ Харьковской губерніи. Особенной жестокостью отличалось выселеніе изъ с. Орловщины, Екатеринославской губерніи,

[1]) См., между прочимъ, „Еврейскій Міръ“, 1910 г. №№ 15—16. Хроника.

гдѣ поселилось нѣсколько больныхъ евреевъ. „3 іюня прибывшій въ село урядникъ заявилъ, что по предписанію начальства онъ обязанъ выселить всѣхъ евреевъ. На слѣдующій день пріѣхалъ становой приставъ и приказалъ больнымъ немедленно убраться. Крестьяне-дачевладѣльцы послали срочную телеграмму въ Петербургъ; бросились просить исправника; но исправникъ отказалъ, а становой не хотѣлъ дожидаться отвѣта изъ Петербурга. 5 іюня, въ субботу, на разсвѣтѣ началось изгнаніе. Евреевъ гнали въ городъ отряды сотскихъ. Одна 70 лѣтняя старуха, не желая нарушить святости субботы, поплелась въ городъ пѣшкомъ. По дорогѣ она въ изнеможеніи упала, ее уложили на подводу".

VIII.

Тутъ говорилось о болѣзни, ученіи, отдыхѣ, о дѣтяхъ, военнослужащихъ, и не было во всѣхъ разсказанныхъ здѣсь случаяхъ рѣчи о торговлѣ, ремеслѣ, заработкѣ, конкуренціи. Это не значитъ, конечно, что въ приведенныхъ и въ подобныхъ, не упомянутыхъ здѣсь, случаяхъ правильнаго или неправильнаго примѣненія закона о жительствѣ нѣтъ матеріальнаго ущерба и, иной разъ, даже чисто физическихъ мукъ. Отнесъ же я все это къ моральному дѣйствію черты потому, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ экономическій интересъ не является преобладающимъ, прямой, непосредственный вредъ, наносимый репрессіей заинтересованнымъ лицамъ сравнительно стушевывается и явственнѣе выступаетъ то огромное разрушеніе, которое производятъ ограничительные законы въ мірѣ моральномъ, отравляя губительнымъ ядомъ сознаніе всего еврейскаго населенія Россіи. Ядъ этотъ—перестоявшаяся, перебродившая, разложившаяся, не успѣвъ родиться, политика, и отравлена имъ вся Россія отъ края до края,

все русское общество сверху до низу. Съ мыслью о власти и властвующихъ ложится спать и пробуждается со сна всякій россіянинъ, каково бы ни было его общественное положеніе, каковы бы ни были его профессія, вѣрованія, убѣжденія. Кто не ждетъ для себя благъ отъ правительства, тотъ видитъ въ немъ источникъ всѣхъ своихъ бѣдъ; иной готовъ выслуживаться предъ нимъ, другой считаетъ нужнымъ на жизнь и на смерть съ нимъ бороться; кто не способенъ ни на то, ни на другое, тотъ живетъ мыслью, что при этой власти и со стихіями бороться напрасно, и надеждой, что когда-нибудь эта власть приметъ иной видъ. Дружественно или враждебно, активно или пассивно будетъ отношеніе той или другой части населенія къ власти, она во всякомъ случаѣ занимаетъ несоотвѣтственно большое мѣсто въ сознаніи его. Отъ такой чрезмѣрности, гдѣ не удавалось отъ нея освободиться, гибли народы и рушились царства. Эта болѣзнь поражаетъ народы тамъ, гдѣ существуетъ чрезмѣрность власти въ дѣйствительности, гдѣ власть стремится сама быть всѣмъ и народъ превратить въ ничто. Всевластіе само по себѣ уже великое зло. Но дѣйствіе его становится особенно ужаснымъ, когда, отразившись въ сознаніи народа, оно подчиняетъ себѣ всѣ помыслы и чувства его, парализуетъ его волю или уродуетъ ее, отравляетъ его покой, обезплаживаетъ трудъ его и дѣлаетъ горькимъ хлѣбъ, который онъ ѣстъ. И какъ бываетъ невозможно человѣку освободиться отъ помрачающей сознаніе боли отъ ноющаго зуба иначе, какъ вырвавъ его, такъ не можетъ народъ иначе излѣчить отравленное сознаніе свое, какъ уничтоживъ первопричину болѣзни— гипертрофію власти. Чтобы освободить душу свою отъ излишествъ мертвой политики, политики въ мысли, народъ долженъ имѣть хоть нѣкоторое участіе въ живой, реальной политикѣ родной страны; жертвами, которыя

Россія въ такомъ изобиліи несла въ послѣдніе годы, она столько же стремилась купить послѣднее, сколько откупиться отъ первой.

Какъ всѣ народности Имперіи, русское еврейство обременено тяжелымъ грузомъ безжизненной, переживаемой только въ воображеніи политики; но на душу еврея, на волю его этотъ грузъ давитъ съ совершенно исключительной силой, какъ исключительно тяжелы тѣ цѣпи, которыя наложило на него государство. Во всемъ мірѣ нельзя найти такого народа, сословія, класса, которымъ государство ставило бы столько преградъ на всѣхъ путяхъ жизни, сколько въ Россіи ставится евреямъ. Особые, нынѣ дѣйствующіе законы о евреяхъ, собранные вмѣстѣ, составляютъ книгу въ 188 страницъ съ 500 слишкомъ номерами, и почти каждый изъ этихъ номеровъ, вѣрнѣе— каждый пунктъ, каждое подраздѣленіе въ нихъ что нибудь отнимаетъ у еврея, чего нибудь его лишаетъ [1]). Пусть

[1]) Нѣкоторое представленіе о томъ морѣ безправія, которое окружаетъ еврея и о томъ мѣстѣ, которое занимаютъ въ этомъ безправіи законы о жительствѣ, можетъ дать слѣдующая справка о практикѣ еврейской юридической консультаціи въ С.-Петербургѣ.

„Въ теченіе отчетнаго 1909 г. консультація запрашивалась по самымъ разнообразнымъ случаямъ еврейской экстраординарной жизни. Изъ 1283 запросовъ только 83 касаются общаго законодательства. Это значитъ, что только 1/15 часть существованія еврея задѣвается общегражданскими заботами и интересами. Все остальное находится во власти безправія и беззаконія. И классификація запросовъ показываетъ, что нѣтъ такого пункта въ еврейскомъ бытіи, который былъ бы гарантированъ отъ любительской травли. Рожденіе, бракъ и смерть еврея, отбываніе воинской повинности, пріобрѣтеніе и владѣніе недвижимымъ имуществомъ, чиншевыя дѣла, право молиться въ собственномъ храмѣ, право обратнаго перехода въ іудейство,—все наталкивается на рогатки и преграды".

Само собою разумѣется, что генеральная травля ведется въ дремучихъ тундрахъ, разросшихся на почвѣ еврейскаго права жительства. Отсюда раздаются чаще всего голоса о помощи и

крестьяне, промышленники, фабричные рабочіе страдаютъ отъ несовершенствъ государственнаго строя, отъ „законовъ“ столько же, сколько евреи, пусть даже больше. Но тамъ между причиной и слѣдствіемъ лежитъ длинный рядъ промежуточныхъ звеньевъ, тамъ одновременно съ этой причиной дѣйствуетъ множество другихъ, перекрещиваясь съ нею, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обездо-

---

спасеніи. И здѣсь труднѣе всего бываетъ выручить жертву изъ бѣды“.

„Въ области права жительства консультаціи сплошь и рядомъ приходилось имѣть дѣло исключительно съ случаями явнаго или скрытаго произвола. Изъ вопросовъ о правѣ жительства отчетъ выдѣляетъ слѣдующія рубрики:

О правахъ	евреевъ ремесленниковъ	174
„ „	купцовъ, членовъ ихъ семействъ и приказчиковъ	82
„ „	аптек. помощниковъ, дантистовъ, повивальныхъ бабокъ, фельдшеровъ	49
„ „	участниковъ русско - японской войны	46
„ „	т. н. николаевскихъ солдатъ . . .	40“

Тутъ мы, между прочимъ узнаемъ, что ремесленникъ для пользованія предоставленнымъ ему закономъ правомъ проживанія внѣ черты, „долженъ предъявить надлежащее свидѣтельство ремесленной управы. Но послѣднія сохранились только въ немногихъ городахъ черты (Кишиневѣ, Одессѣ, Керчи, Симферополѣ), и ремесленнику приходится предварительно отправиться въ одинъ изъ этихъ пунктовъ, чтобы выправить нужное свидѣтельство. Понятно, что не всякій ремесленникъ въ состояніи затратить время и средства на эту процедуру“. Можно думать, что такая процедура скорѣе подъ силу оборотливому торговцу, стремящемуся въ обходъ закону попасть за запретную черту, чѣмъ ремесленнику, котораго эта подробность устарѣлаго закона собственно лишаетъ предоставленной ему льготы, (Новый Восходъ 1910 г., № 18. Отчетъ о жертвахъ безправія).

ленный, голодный и безпріютный можетъ сказать опредѣленно, что такая-то статья такого-то Положенія или Устава вырвала у него хлѣбъ изо рта и лишила его крова. Еврей можетъ это сказать въ тысячахъ случаевъ, онъ можетъ указывать пальцемъ: вотъ этимъ орудіемъ государство пытаетъ меня, тѣмъ—брата моего, третьимъ—дѣтей моихъ. Можетъ ли сознаніе еврея не быть заполненнымъ законами, государствомъ, властью, властвующими, можетъ ли воля его не быть въ плѣну у политики? И изъ всѣхъ законовъ, давящихъ на сознаніе еврея, ни одинъ не можетъ сравниться съ чертой осѣдлости. Универсальный, всеобъемлющій характеръ этого закона достаточно объясняетъ такое дѣйствіе его на умы. Законъ этотъ запрещаетъ, вѣдь, не какія либо опредѣленныя дѣйствія, а все вообще, что могъ бы еврей предпринять на пространствѣ $^5/_6$ Европейской Россіи и всѣхъ неевропейскихъ владѣній Имперіи; и каждый голодный еврей въ Шкловѣ или Тульчинѣ можетъ поэтому думать, и дѣйствительно думаетъ, что въ Пензѣ или Иркутскѣ онъ былъ бы сытъ. Но объ этомъ ужасномъ, безпримѣрномъ законѣ напоминаетъ еврею не только каждый недостающій кусокъ, а все вообще въ мірѣ; ибо, какъ мы видѣли, нѣтъ ничего такого, къ чему бы законъ этотъ не имѣлъ касательства. И такъ какъ онъ касается всего не непосредственно, а черезъ посредство основного явленія въ жизни человѣка—отношенія его къ землѣ,—то всѣ послѣдствія его имѣютъ видъ необычайный, и дѣйствіе его на воображеніе ни съ чѣмъ несравнимо. Не можетъ не поразиться воображеніе, когда слышишь, что вскормленный и воспитанный отцомъ сынъ, уѣхавъ довершить свое образованіе, не можетъ по существующему только для евреевъ закону къ нему вернуться; что на людей, занимающихся мирнымъ трудомъ, устраиваютъ облавы, какъ это то и дѣло повторяется въ Кіевѣ, или

охотятся на нихъ съ ружьями и сигнальными рожками, какъ это было въ настоящемъ году въ Смоленской губерніи [1]). Такъ пропитывается еврей насквозь групнымъ ядомъ политики, и затѣмъ тѣ же руки, которыя ежедневно подносятъ ему отравленный кубокъ, бьютъ его за слишкомъ большую приверженность къ политической пропагандѣ, къ политическому дѣйствію. Они видятъ готовыхъ къ борьбѣ, они видятъ руки, поднятыя для удара, и недовольны. Что имъ до того, что та же отрава дѣлаетъ многихъ другихъ неспособными не только къ битвамъ, но и къ мирному труду, что мертвая политика поражаетъ волю еврейскаго народа и, какъ злокачественная язва, подтачиваетъ творческія силы его?

Но особые законы о евреяхъ не только косвенно, въ отраженіи, вносятъ разложеніе въ сознаніе еврея. Всѣ эти ограниченія и, въ особенности, законы о жительствѣ несутъ въ еврейскую среду прямую проповѣдь анархіи худшаго вида. Не анархію Штирнера или Кропоткина, не отрицаніе государства приносятъ они, а отрицаніе общежитія человѣческаго, основы его—труда, дѣятельности, творчества.

Въ теченіе пяти поколѣній уже, почти съ самаго подчиненія польскихъ областей Россіи, трудъ еврея, его повседневныя занятія клеймятся словомъ и дѣломъ, всячески, поносятся, охаиваются. Уже первое „Положеніе“ о евреяхъ—во время Александра I—исходило изъ того, что большинство русскихъ евреевъ пребываетъ въ праздности, живетъ недозволенными и недостойными дѣлами и лежитъ бременемъ на русскомъ обществѣ; полезными признавались только ремесленники и, разумѣется, богатые—купцы, фабриканты. Страна съ почти исключительно земледѣльческимъ населеніемъ, малокультурная и малопод-

[1]) „Еврейское обозрѣніе“, 1910 г. № 4. Столб. 24.

вижная, крѣпкая старинѣ и обычаямъ, слабо усваивала подвижныхъ и столь отличныхъ отъ кореннаго населенія евреевъ—исконныхъ горожанъ и въ значительной части торговцевъ. И она всячески стремилась претворить ихъ, уподобить ихъ укладъ своему строю. Занятіе земледѣліемъ—вотъ что должно было переродить евреевъ, очистить ихъ отъ скверны, снять съ нихъ пятно бездѣлія и тунеядства. И на привлеченіе евреевъ къ сохѣ затрачено было въ теченіе полувѣка не мало усилій. Евреямъ-земледѣльцамъ представляетъ разныя льготы уже „Положеніе“ 1804 года; еще больше удѣляетъ имъ вниманія и проявляетъ къ нимъ благосклонности „Положеніе“ 1835 года. Но самое яркое и поистинѣ ужасающее выраженіе получило стремленіе уподобить евреевъ коренному населенію въ Высочайше утвержденномъ журналѣ учрежденнаго въ 1840 году „Комитета для опредѣленія мѣръ преобразованія евреевъ“. 5-ый пунктъ этого журнала предлагаетъ „открыть евреямъ способы заниматься земледѣліемъ“, а въ 7 пунктѣ намѣчена слѣдующая мѣра: „раздѣливъ евреевъ по свойству ихъ занятій на полезныхъ, какъ то: купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ и на неимѣющихъ постояннаго, такъ сказать, производительнаго, способствующаго къ общему богатству и благу, занятія, подвергнуть послѣднихъ разнымъ мѣрамъ ограниченія, въ томъ числѣ рекрутскому набору втрое болѣе противу обыкновеннаго, приписывая ихъ, по увольненію отъ службы, къ ремесленному цеху, или въ состояніе земледѣльцевъ и, такимъ образомъ, уменьшая людей безполезныхъ, обращать ихъ постепенно къ дѣятельности“. Число людей, жизнь которыхъ должна была такимъ „надежнымъ способомъ“, по выраженію объяснительной записки къ проекту, быть устроена, простиралось по оффиціальному подсчету до милліона, и можно думать, что только смерть Николая I спасла рус-

ское еврейство отъ величайшаго бѣдствія, готовившагося для нихъ. Проектъ о дѣленіи евреевъ на полезныхъ и безполезныхъ не получилъ осуществленія, но его духомъ проникнуто все законодательство о евреяхъ и всѣ отношенія къ нему. Россія съ каждымъ годомъ все больше усваиваетъ торгово-промышленную культуру запада. Проведены желѣзныя дороги, плаваютъ по морямъ и рѣкамъ русскимъ пароходы, строились и строятся фабрики и заводы, выросли огромные города, евреевъ къ земледѣлію не гонятъ уже и даже не допускаютъ ихъ къ землѣ,—и при всѣхъ этихъ совершившихся перемѣнахъ неизмѣннымъ осталось одно: попрежнему государственная власть и всѣ, кто служитъ ей и опирается на ней, клеймятъ еврея и поносятъ трудъ его. Если успѣваютъ въ торгово-промышленной дѣятельности русскіе, поляки, люди всякаго народа, то имъ это вмѣняется въ заслугу предъ отечествомъ, восхваляютъ тогда ихъ оборотливость, смѣтливость, предпріимчивость, энергію; если успѣваютъ евреи, тогда говорятъ о захватѣ, эксплоатаціи, склонности къ легкому труду, къ наживѣ! И всего полнѣе выразилось это поношеніе еврейскаго труда въ законахъ о жительствѣ, въ „чертѣ осѣдлости“. Смыслъ всѣхъ этихъ узаконеній отъ перваго до послѣдняго — охраненіе коренного населенія отъ вловредной дѣятельности евреевъ; этой мыслью проникнуто всякое толкованіе этихъ законовъ, она диктуетъ рѣшенія всѣхъ возникающихъ въ связи съ этими законами казусовъ. Когда въ текущемъ году въ сенатѣ разсматривался вопросъ, могутъ ли евреи проживать временно на дачахъ, расположенныхъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, то высказывавшіеся за положительное рѣшеніе сенаторы ссылались на то, что на дачахъ евреи являются только потребителями и потому не могутъ эксплоатировать мѣстное населеніе. Черта осѣдлости—это непрекращающееся осужденіе; она говоритъ

еврею на каждомъ шагу, что усилія его преступны и трудъ его проклятъ.

Кто хоть на короткое время сможетъ отрѣшиться отъ привычнаго отношенія къ евреямъ, тому станетъ яснымъ, что ничего, кромѣ злой анархіи, эта длительная и настойчивая пропаганда произвести не могла. Евреи не могли направиться изъ города въ деревню въ то время, когда во всемъ мірѣ, не исключая Россіи, людской потокъ двигался и движется въ обратномъ направленіи. Мелкіе торговцы, посредники, возчики не могли, да и не должны были, стать хлѣборобами; не могли они, разумѣется, также стать по волѣ правительства богачами; и чѣмъ больше усилій тратило правительство на переустройство быта евреевъ, на уподобленіе ихъ коренному населенію, тѣмъ больше было развалинъ, могилъ, голода, плача и проклятій. Это не только намъ теперь ясно, это сознавали и высказывали люди, не предубѣжденные и имѣвшіе возможность видѣть жизнь евреевъ вблизи, еще три поколѣнія тому назадъ. Новороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ М. С. Воронцовъ, запрошенный насчетъ предполагавшихся мѣръ по устроенію евреевъ, насчетъ того именно проекта, который предлагалъ дѣлить евреевъ на полезныхъ и безполезныхъ, отвѣтилъ въ 1843 году, 16 октября, замѣчательной по мужеству и благородству запиской, въ которой онъ, между прочимъ, говоритъ: „Смѣю думать, что само общее названіе „безполезныхъ“ для нѣсколькихъ сотенъ тысячъ людей, по волѣ Всевышняго издревле живущихъ въ имперіи, и круто и не справедливо... проектъ считаетъ безполезными всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ евреевъ, которые занимаются или мелочной покупкой продуктовъ у первыхъ производителей, дабы ихъ доставлять оптовому купцу, или полезной продажей потребителямъ товаровъ, получаемыхъ ими отъ оптоваго продавателя большими количествами. Разсуждая безпристрастно, нельзя не удивиться, что сіи многочи-

сленные торговцы считаются безполезными и, слѣдовательно, вредными, тогда какъ они мелкимъ, хотя оклеветаннымъ промысломъ, безъ всякаго сомнѣнія, помогаютъ, съ одной стороны, промышленности сельской, а съ другой—торговой" [1]). Становясь затѣмъ на точку зрѣнія авторовъ проекта, Воронцовъ доказываетъ, что предполагаемыя мѣры не могутъ достигнуть цѣли: „Такого состоянія человѣкъ—пишетъ онъ,—который весь день безъ отдыха ищетъ для себя и своего семейства кусокъ хлѣба, не имѣетъ никакого средства отложить цѣлые годы на изученіе ремесла, на наемъ и обрабатываніе полей, не говоря уже о пріобрѣтеніи дома или капитала на торговлю... Мучительная операція надъ этимъ классомъ людей причинитъ имъ не только одну боль, но даже истребленіе черезъ нищету, не приводя съ собою ожидаемаго излеченія" [2]).

Будучи безсильны перестроить жизнь евреевъ, мѣры правительства не могли не стать источникомъ великой смуты въ умахъ. Это была, вѣдь, пропаганда дѣйствіемъ въ точномъ значеніи слова: били, приговаривая: „за тунеядство, праздность, предосудительныя занятія". И это въ то время, когда русское еврейство жадно рвалось къ гражданственности, къ участію въ общей жизни страны! И евреи повѣрили, какъ подъ пыткой, случалось, люди начинали вѣрить въ свою вину, когда и самого вмѣняемаго имъ преступленія не было. Знакомые съ бытомъ русскаго еврейства и съ исторіей внутренней жизни его знаютъ, что одновременно съ зарожденіемъ среди евреевъ русской образованности, смѣнившей вліяніе нѣмецкаго просвѣщенія, стали также проникать въ ихъ среду идеи николаевскаго Комитета о полезныхъ и безполезныхъ

---

[1]) О. М. Лернеръ. „Евреи въ Новороссійскомъ краѣ", стр. 48—9.
[2]) Тамъ же, стр. 50.

евреяхъ, и особенно широкое распространеніе получило суевѣріе о земледѣліи, какъ единоспасающемъ трудѣ, и о грѣховности, слѣдовательно, еврейскаго народа, этимъ трудомъ не занимающагося. Проповѣдь департаментовъ возымѣла успѣхъ, но это былъ успѣхъ праздномыслія. Легче всего было воспринять воззрѣнія правительства на евреевъ, конечно, богатымъ, откупщикамъ, которые въ разрядъ безполезныхъ не зачислялись; и они, обращаясь къ власти съ ходатайствомъ о льготахъ для нѣкоторыхъ группъ евреевъ, такъ и просили „отличать пшеницу отъ плевелъ“. Но „средняго рода люди“ и городская мелкота не могли, разумѣется, сохранить такого спокойствія духа и если исторія русской общественности знаетъ кающагося дворянина, то русское еврейство имѣло кающагося фактора; отъ него и пошла смута, шатаніе умовъ. Сынъ лавочника, фактора, меламеда могъ подъ вліяніемъ правительственной проповѣди, неразлучной съ гоненіями, проникнуться презрѣніемъ къ занятіямъ отца своего и брата, къ укладу той среды, въ которой онъ жилъ и гдѣ только возможны были для него трудъ, дѣятельность, иниціатива, прогрессъ; но не могъ онъ, разумѣется, усвоить морали, согласно которой торговать на 30.000 рублей полезно для отечества и благородно, а торговать на 300 или 30 рублей вредно и позорно. И онъ выбивался изъ строя, отрывался отъ общества, терялъ связь съ нимъ и становился свободенъ въ своихъ блужданіяхъ, какъ оторванный отъ дерева осеннимъ вѣтромъ листъ. Если въ средѣ русскаго еврейства есть теперь, „безполезные и, слѣдовательно, вредные люди“, люди, ничѣмъ не умѣющіе быть въ нынѣ существующемъ обществѣ и не могущіе служить даже матеріаломъ для какого бы то ни было другого строя, люди безъ знаній, умѣній и воли, не способные идти ни общимъ строемъ ни своимъ шагомъ, праздномыслящіе и праздноболтающіе, то начало ихъ восходитъ къ тѣмъ временамъ,

и первоисточникъ этой анархіи—въ трудахъ столь часто учреждавшихся комитетовъ для устройства быта евреевъ. Можетъ быть, не случайность, что въ Москвѣ революція, достигнувъ вершины, приняла видъ вооруженнаго возстанія, организованнаго дѣйствія, а въ Одессѣ баррикады ступевались предъ бомбометаніемъ и набѣгами одиночекъ на мирныхъ обывателей; можетъ быть, и въ анархіи этого вида участіе евреевъ было сравнительно велико. Но самая опасная для общества анархія не „Черные вороны" и ихъ дѣйствія, доступныя только немногимъ и возможныя только въ исключительные года великихъ бурь. Подлиннымъ и постоянно дѣйствующимъ ферментомъ разложенія и въ то же время продуктомъ его служатъ тысячи людей, не способныхъ ни бомбу бросить ни хлѣба спечь, ни за баррикады стать ни въ департаментѣ служить и притязающихъ въ то же время на переустройство міра совершенно такъ же, какъ на переустройство еврейской жизни притязали комитеты, для этого создававшіеся. Такими людьми кишитъ Россія; но ихъ особенно много въ средѣ еврейства, и, главное, тутъ они особенно выдѣляются: между совершенно призрачной жизнью этого духовнаго потомства кающихся факторовъ и высоконапряженной жизнедѣятельностью еврейскаго народа въ цѣломъ контрастъ поразительный. И когда наши департаменты ищутъ источника „вреднаго образа мыслей евреевъ" въ Марксѣ, Крапоткинѣ и даже въ Талмудѣ, то они идутъ слишкомъ далеко. Дѣйствительные источники вреднаго образа мысли многихъ евреевъ, вреднаго не для того или другого строя, а всякаго общества,—сами департаменты, ихъ праздномысліе, выдуманные имъ ограничительные законы, безпрестанное втеченіе поколѣній поношеніе еврейскаго труда и все это въ себѣ воплотившая, все это олицетворяющая черта осѣдлости. Въ 1903 году, въ первые дни послѣ Кишиневскаго погрома, когда все еврей-

ство отъ мала до велика было охвачено несказаннымъ ужасомъ и безпредѣльнымъ негодованіемъ, мнѣ указали молодую, хрупкую еврейскую дѣвушку, причислявшую себя къ одной изъ крайнихъ партій и на негодующія рѣчи по поводу погрома отозвавшуюся репликой: что за шумъ, останется на 50 буржуевъ меньше! Кто не узнаетъ здѣсь подъ облаченіемъ, взятымъ у послѣдователей Маркса, жестокаго анархизма Николаевскаго комитета и его дѣленія евреевъ на полезныхъ и безполезныхъ? Если эта дѣвушка надѣлена была отъ природы достаточной неустрашимостью, то она въ 1907 г. была среди „Черныхъ вороновъ".

О растлѣвающемъ дѣйствіи ограничительныхъ законовъ вообще и законовъ о жительствѣ евреевъ въ особенности на русское общество распространяться не приходится. Дѣйствіе это очевидно для всякаго, кто желаетъ видѣть. Поставленный внѣ закона, еврей живетъ только милостью начальствующихъ лицъ. А гдѣ милость, тамъ умилостивленіе. Взятку въ Россіи не евреи выдумали; имъ не пришлось совращать полицейскихъ и администраторовъ россійскихъ съ пути добродѣтели. Взяточничество—исконное зло русской жизни, и все же внѣзаконное положеніе евреевъ является гнойной язвой, постоянно разъѣдающей государственный организмъ и ни съ чѣмъ другимъ несравнимой. Во всѣхъ другихъ областяхъ управленія взяточничество—одно изъ многихъ первичныхъ золъ, съ которыми не сумѣло еще справиться молодое общество, какъ бездорожье, безграмотность, огромная дѣтская смертность; взятка означаетъ здѣсь отсутствіе культуры, общественное нестроеніе, первобытность. Взятка, которой приходится откупаться еврею на каждомъ шагу,—не чертополохъ, растущій на невспаханной землѣ, а бережно выращиваемый ядовитый плодъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ системой, точно придуманной нарочно для того, чтобы плодить подкупъ и вымогательства; нельзя сомнѣваться

въ томъ, что одна изъ силъ, поддерживающихъ еврейское безправіе, это—тѣ многочисленные агенты власти, которымъ такое положеніе доставляетъ исключительныя выгоды. Но растлѣніе не ограничивается служебной средой. Какъ я уже говорилъ выше, человѣкъ, не защищенный правомъ, не можетъ не служить источникомъ соблазна для самыхъ разнообразныхъ круговъ общества. Въ одномъ случаѣ это будетъ соблазнъ избавиться отъ конкуррента, добившись высылки его изъ мѣста, гдѣ еврею дозволено жить лишь при „отсутствіи неудовольствія со стороны мѣстнаго населенія"; въ другомъ случаѣ — надежда на безнаказанность вызоветъ соблазнъ къ разбойничьимъ нападеніямъ и открытому грабежу. Погромъ и экспропріація, анархія дубины и анархія браунинга—таковы предѣлы, между которыми укладывается моральное дѣйствіе черты осѣдлости.

IX.

Таково моральное дѣйствіе черты и ограничительныхъ законовъ вообще въ предѣлахъ нашей родины. Но Россія не живетъ и не можетъ теперь жить обособлено отъ міра. То время, когда Святорусская земля противоставила себя бусурманамъ, латынянамъ и нѣмечинѣ, давно прошло и не вернется; прошло и то, болѣе позднее время, когда Россія собиралась повѣдать міру новое откровеніе. Міръ человѣческій разросся, усложнился, объединился, сталъ поистинѣ величественъ, и никакая гордость не можетъ идти дальше стремленія быть однимъ изъ великихъ народовъ въ этомъ великомъ мірѣ; не отстать отъ Турціи, быть не хуже Китая—уже это въ наше время не легко. Такъ или иначе, но Россія живетъ въ непрестанномъ общеніи съ другими странами и народами, и для нея не можетъ быть безразлично, какой она представляется

міру, какой онъ видитъ ее. И какъ ни много неустройствъ въ русской жизни, исключительные законы о евреяхъ составляютъ то пятно на челѣ Россіи, которое первымъ бросается въ глаза европейскимъ народамъ и накладываетъ печать отсталости и уродства на все ея существо. Пока будутъ продолжаться преслѣдованія евреевъ въ Россіи, она не будетъ, не можетъ быть признана страной культурной; пока будетъ оставаться черта, отдѣляющая еврейскую осѣдлость отъ нееврейской, ничто въ мірѣ не сотретъ черты, которой всѣ европейскіе народы, безъ различія языка и независимо отъ всякихъ политическихъ единеній, отдѣляютъ себя въ сознаніи своемъ отъ народа русскаго.

Что русскій человѣкъ, каково бы ни было его общественное положеніе, чувствуетъ себя всюду за предѣлами родной страны не только чужимъ, но и отчужденнымъ и, порой, окруженнымъ явно враждебной атмосферой, объ этомъ у насъ хорошо знаютъ; знаютъ и то, что такое отношеніе къ Россіи вызвано не въ малой мѣрѣ отношеніемъ самой Россіи къ евреямъ, но успокаиваются обыкновенно на томъ, что это только еврейская агитація. Пусть успокаиваются на этомъ люди, считающіе травлю евреевъ основой своего благополучія,—Россія на этомъ успокоиться не можетъ. Возбужденіе не становится менѣе дѣйствительнымъ, если оно вызвано еврейской агитаціей, а сама агитація не становится преступной отъ того только, что она еврейская. Если на Западѣ есть евреи, которые борются противъ безправнаго положенія своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ на Востокѣ, то они этимъ только подчиняются голосу крови и совѣсти своей. Тѣ самые люди, которые то съ негодованіемъ, то съ притворнымъ презрѣніемъ говорятъ о еврейской агитаціи, какъ о чемъ-то предосудительномъ, злонамѣренномъ и ничтожномъ, больше всѣхъ другихъ склонны послѣднюю русско-турецкую войну называть освободительной и про-

славляютъ, какъ героевъ, русскихъ людей, еще до объявленія войны боровшихся съ оружіемъ въ рукахъ противъ Турціи за угнетенныхъ славянъ. Западные евреи, если они агитируютъ, не къ оружію призываютъ, а къ совѣсти человѣческой.

Главное же то, что не еврейская агитація и не агитація вообще имѣютъ здѣсь рѣшающее значеніе. Важнѣе всѣхъ митинговъ, всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ статей то всеобщее согласіе, при которомъ люди, безъ спора и не сговариваясь одинаково оцѣниваютъ вещи и событія. Такое всеобщее согласіе установилось въ культурномъ мірѣ по отношенію къ преслѣдованію евреевъ въ Россіи. И дѣло тутъ не въ любви къ евреямъ и не въ человѣколюбіи вообще, а въ представленіи современнаго культурнаго человѣка о нормальной жизни государствъ и народовъ. Антисемиты есть и въ Германіи, и недавно еще они представляли тамъ большую общественную силу. Но ни въ то время ни теперь они не требовали и не требуютъ ограниченія евреевъ въ правахъ, тѣмъ болѣе—въ основныхъ правахъ человѣка и гражданина, какъ право свободнаго передвиженія. Современный европеецъ не можетъ совмѣстить въ своемъ умѣ культуры, порядка и плодотворнаго труда съ грубымъ безправіемъ какой либо части населенія. И если безправные и преслѣдуемые — евреи, то ни для какихъ колебаній у него мѣста не остается. Не всегда легко понять и оцѣнить происходящее въ чужой странѣ. Но гоненія противъ евреевъ—гдѣ этого не было, кто объ этомъ не слыхалъ, кто не увидитъ въ этомъ знаменія, показателя. Преслѣдованія евреевъ—это Испанія святой инквизиціи, Франція, изгоняющая гугенотовъ, герцогъ Альба въ Нидерландахъ, тридцатилѣтняя война, это—религіозная нетерпимость, смута, варварство, разрушеніе, нищета, смерть. И это понимаетъ по своему всякій европеецъ—даже тотъ,

кто не слыхалъ про Альбу и Торквемадо, исторіи не читалъ и мудрыхъ наставленій ея не знаетъ. Еврейскій народъ страдаетъ уже тысячелѣтія, и страданія его стали символомъ, общеизвѣстнымъ и общепонятнымъ.

Много ли значитъ при этихъ условіяхъ нарочитая агитація, много ли она прибавляетъ къ тому возбужденію, которое вызываютъ ежедневно сами событія. Земной шаръ обмотанъ, вѣдь, въ наше время телеграфной проволокой, и каждый циркуляръ министра, каждое распоряженіе губернатора и даже учиненное урядникомъ насиліе надъ евреемъ, если оно выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, становятся въ тотъ же день извѣстны всему культурному міру. Европа и Америка чуть не каждый день читаютъ новости о русскихъ евреяхъ, и каждая изъ нихъ говоритъ объ ограниченіяхъ, преслѣдованіяхъ, рѣдко понятныхъ въ своемъ содержаніи жителю свободныхъ странъ, но всегда для него одинаково знаменательныхъ. Мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться въ томъ, что даже наиболѣе посвященные въ русскія дѣла иностранцы не въ состояніи ясно представить себѣ тотъ укладъ, который установился въ Россіи по отношенію къ евреямъ; и, какъ во всемъ прочемъ, черта осѣдлости въ этомъ отношеніи выдѣляется изъ всей массы ограничительныхъ законовъ. Нѣмецъ не можетъ представить себѣ такой категоріи нѣмецкихъ гражданъ, да и вообще такихъ людей, которые могли бы жить только въ Саксоніи, напр., а вся остальная Германія оставалась бы для нихъ недоступной; но онъ знаетъ, что ограниченія въ правѣ жительства евреевъ существуютъ, и ему это представляется чрезвычайно сложнымъ, непостижимымъ и тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на его воображеніе. Съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производятъ въ Европѣ извѣстія о выселеніяхъ евреевъ изъ запретныхъ для нихъ мѣстъ, можетъ сравниться только впечатлѣніе, которое производятъ извѣстія о погромахъ.

Черта осѣдлости выдѣляется въ этомъ отношеніи еще иным образомъ. Наиболѣе дѣйствительную агитацію ведутъ въ Европѣ и въ Америкѣ тѣ десятки тысячъ еврейскихъ выходцевъ, которые вынуждены ежегодно оставлять Россію. Они агитируютъ, когда молчатъ; ихъ появленіе есть уже агитація. Въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки прибываютъ, кромѣ русскихъ евреевъ, сотни тысячъ разнаго другого народа. Республика, относясь враждебно къ выходцамъ нѣкоторыхъ странъ, какъ китайцы и японцы, евреевъ принимаетъ въ общемъ дружелюбно. Республиканскія власти неоднократно публично заявляли, что иммигранты-евреи, трезвые, трудолюбивые, дѣятельные, въ короткое время превращаются въ отличныхъ гражданъ пріютившей ихъ страны; недавно такое заявленіе было сдѣлано въ весьма торжественной формѣ президентомъ Тафтомъ. Между тѣмъ ни одна изъ странъ эмиграціи не вызываетъ въ американцахъ столько къ себѣ непріязни, сколько Россія. Китайцевъ американцы не любятъ, но не переносятъ этого чувства на Китай; къ русскимъ евреямъ они относятся хорошо, но по отношенію къ Россіи непрекращающійся притокъ евреевъ настраиваетъ ихъ враждебно. И понять причину этой кажущейся непослѣдовательности не трудно. Въ каждомъ эмигрантѣ, какого бы народа онъ ни былъ и изъ какой бы страны ни пришелъ, американцы видятъ выходца-человѣка, которому судьба не благопріятствовала на родинѣ и который потому отправился искать счастья или средствъ къ жизни въ другую страну. Въ русскомъ евреѣ и заатлантическая республика и всѣ тѣ страны, черезъ которыя ему приходится побывать на своемъ пути, видятъ изгнанника, бѣглеца-человѣка, бѣгущаго отъ преслѣдованій. И такъ какъ при переселеніи мѣсто, пространство, выступаетъ на первый планъ—ищутъ новыхъ мѣстъ тѣ, кому тѣсно дома,—то изъ всѣхъ ограниченій,

существующихъ въ Россіи по отношенію къ евреямъ, ограниченіе въ правѣ жительства должно естественно въ данномъ случаѣ больше всего возбуждать умы. Пусть заключается преувеличеніе въ такомъ взглядѣ, пусть черта осѣдлости и ограничительные законы вообще только одна изъ причинъ еврейской эмиграціи изъ Россіи, культурный міръ не перестанетъ въ данномъ случаѣ принимать часть за цѣлое, ибо этого требуетъ чувство справедливости. То, что проистекаетъ отъ стихійныхъ причинъ, не подлежитъ человѣческой оцѣнкѣ, и возмущеніе сосредоточивается на волѣ человѣка и дѣйствіяхъ его.

Въ жестокое, но по своему уравновѣшенное время Николая I графъ Воронцовъ въ числѣ соображеній противъ проекта о дѣленіи евреевъ на полезныхъ и безполезныхъ привелъ и то, что „плачъ и вопли столь огромнаго числа несчастныхъ, которыхъ постигнутъ печальныя дѣйствія сей мѣры, будутъ служить порицаніемъ и у насъ, и за предѣлами Россіи, правительства нашего“ [1]). Въ наше время никто не будетъ разсчитывать на то, что такого рода соображенія будутъ приняты къ руководству; но ихъ стоило предложить къ свѣдѣнію—къ свѣдѣнію тысячъ и тысячъ русскихъ людей. Люди часто не считаются съ совѣстью въ своихъ дѣйствіяхъ, но лишь немногимъ удается оградить себя отъ требованій ея. А голосъ культунаго міра—это совѣсть современнаго человѣка, и она говоритъ, что еврейскій вопросъ рѣшенъ ясно и безповоротно, что въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть больше сомнѣній и недопустимы споры. Въ Россіи гоненія противъ евреевъ—фактъ повседневной жизни. Право еврея, его человѣческое право существуетъ, наоборотъ, только въ представленіи, и только какъ выводъ изъ общей формулы всѣ люди равны, евреи тоже люди, слѣдовательно и т. д...

---

[1]) О. М. Лернеръ, упомянутое сочиненіе, стр. 52.

Культурнымъ народамъ Запада не нужно ни общихъ посылокъ, ни умозаключеній, чтобы осудить и заклеймить существующее въ Россіи безправіе евреевъ, какъ не нуждаются они въ помощи какихъ бы то ни было соображеній, чтобы не допускать пытокъ въ судебномъ процессѣ, сожженія вѣдьмъ, испытанія огнемъ и водой. Переросли они все это, и какими бы соображеніями ни пытались русскіе люди оправдать ограниченія евреевъ, уму европейца это ничего не говоритъ и ничего не скажетъ. Эксплоатація, засиліе, талмудъ, раса—все это мы слыхали; обо всемъ этомъ я и самъ говорю,—скажетъ европеецъ-антисемитъ; но все это ничего общаго не имѣетъ или имѣетъ слишкомъ мало общаго съ вашими гоненіями—съ чертой осѣдлости, выселеніями, охотой на мирныхъ людей; мы съ вами живемъ въ разныхъ вѣкахъ, говоримъ на разныхъ языкахъ; наша совѣсть не мирится съ тѣмъ, съ чѣмъ миритесь вы; есть совѣсть культуры, и она вамъ чужда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

„Голосъ народной совѣсти".

X.

Евреевъ преслѣдовали въ Россіи по старой привычкѣ и по новомоднымъ ученіямъ, по злости и отъ благожелательства къ нимъ, изъ корысти и по убѣжденію. Тутъ явно дѣйствуетъ стихія, и мы знаемъ, что она дѣйствуетъ почти безъ перерывовъ въ теченіе вѣковъ уже. Неизбѣжно возникаетъ вопросъ, гдѣ эта стихія, въ чемъ держится эта разрушительная сила? Есть ли это стихія моря народнаго или только пѣны и накипи, плавающей на немъ? Мы знаемъ уже, что нынѣшнее министерство, столь рѣшительное во всемъ другомъ, нашло нужнымъ рѣшеніе вопроса объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ предоставить голосу народной совѣсти; въ этомъ косвенно заключается утвержденіе, что все до сихъ поръ бывшее согласно было съ совѣстью народа. Въ другихъ случаяхъ ссылки на народъ дѣлались и дѣлаются прямѣе и рѣшительнѣе. Запирая евреевъ въ города, творцы майскихъ временныхъ правилъ оправдывали это, какъ мы знаемъ, необходимостью успокоить христіанское на-

селеніе и оградить самихъ евреевъ отъ ярости его. Народной расправой, взрывомъ народнаго гнѣва неоднократно угрожали уже евреямъ на случай, если бы имъ удалось сбросить сковавшія ихъ цѣпи исключительныхъ законовъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что эти угрозы будутъ раздаваться вновь и вновь, что прорицанія эти станутъ особенно часты и настойчивы, когда станетъ на очередь обсужденіе внесеннаго въ Государственную Думу законопроекта объ отмѣнѣ черты осѣдлости, если только, вообще, очередь къ нему дойдетъ.

Отвѣтъ на поставленный нами вопросъ, такимъ образомъ, данъ уже. Но это отвѣтъ подсудимыхъ, тѣхъ лицъ и группъ, на совѣсти и отвѣтственности которыхъ лежатъ кровь, слезы и стоны поколѣній и пятно позора, которымъ Россія выдѣляется среди всѣхъ культурныхъ странъ міра, какъ выдѣляется прокаженный въ обществѣ здоровыхъ людей. Евреи, разумѣется, не могли бы помириться съ такимъ отвѣтомъ, если бы въ немъ была даже все правда и вся правда. Если бы окружающее населеніе было пропитано буйнымъ суевѣріемъ, то мы такой фактъ не могли бы считать непререкаемымъ, а себя предопредѣленной жертвой чужой нетерпимости. Но само собой понятно, что отъ наличности или отсутствія такого факта— въ практической политикѣ, въ способахъ борьбы со зломъ многое зависитъ.

Когда хотятъ узнать разумъ и совѣсть народа, обращаются къ произведеніямъ его духа, къ литературѣ,— „зеркалу жизни“. Русская литература, можно сказать, чиста отъ антисемитизма; въ ней можно нерѣдко встрѣтить презрительное отношеніе къ еврею, но въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ живымъ творчествомъ, а съ унаслѣдованнымъ шаблономъ. Русская литература во всякомъ случаѣ никогда евреевъ не травила и можетъ съ гордостью сказать, что „неповинна въ крови сей“. Все,

что есть на русскомъ языкѣ достойнаго, просто замѣтнаго, все, что пережило день своего появленія, находится въ сторонѣ отъ этого нечистаго дѣла; и отъ Пушкина до нашихъ дней вы не найдете, кажется, ни одного признаннаго имени, ни одной значительной книги, которыя были бы къ нему прикосновенны [1]). Были продолжительныя времена мрака и ненастья, были краткіе часы предрасвѣтной зари, за которой ни разу, къ несчастью, не послѣдовалъ день, литература оставалась вѣрна себѣ, и зараза ни при какихъ условіяхъ ея не коснулась. Чтобы окунуться въ направленную противъ евреевъ словесность, нужно спуститься въ газетную улицу и тамъ поискать вывѣски: изготовляется по заказу. Среди грамотныхъ журналистовъ-юдофобовъ почти невозможно найти человѣка, по убѣжденію занимающагося своимъ ремесломъ.

Было бы, однако, слишкомъ неосторожно въ дѣлѣ столь большомъ и трагическомъ успокоиться на такого рода показаніи. Въ литературѣ, конечно, отражается жизнь. Но вся ли жизнь, всѣ ли части ея равномѣрно и одинаковымъ образомъ въ ней отражаются? Если вѣрно, что въ литературѣ находятъ свое выраженіе разумъ и совѣсть народа, то можемъ ли мы по ней узнать, какъ много мѣста занимаютъ и разумъ и совѣсть въ повседневной жизни народа вообще и въ одномъ частномъ отношеніи въ особенности? Говоря вообще, литература есть выраженіе л у ч ш а г о, что есть въ народѣ. Беллетристъ обращается къ воображенію читателя, а въ воображеніи человѣку всегда пріятно рисовать себѣ лучшій и болѣе красивый міръ, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ живетъ и который онъ самъ образомъ жизни своей поддерживаетъ

---

[1]) Изъ выдающихся русскихъ писателей травилъ евреевъ въ своемъ „Дневникѣ писателя“ Достоевскій; но величіе Достоевскаго, какъ извѣстно, не въ его публицистической дѣятельности.

и укрѣпляетъ; публицистъ обращается къ обществу, ко всѣмъ, и потому онъ долженъ отстаивать общее благо, благо всѣхъ. Важная и счастливая особенность современной культуры въ томъ и состоитъ, что она имѣетъ мощный и непрерывно дѣйствующій аппаратъ, дѣйствіе котораго по самому существу направлено на идеальныя цѣли. И если это такъ, если литература есть то зеркало, которое краситъ лицо, то не было бы ли опрометчиво именно посредствомъ него отыскивать уродство? Эти соображенія получаютъ особую силу, когда рѣчь идетъ о русской литературѣ. Русскую интеллигенцію, непосредственно производящую и потребляющую литературу, мракобѣсы часто называютъ жидовствующей. Они и не подозрѣваютъ, что произносятъ этимъ тяжкій приговоръ надъ собой. Русскій интеллигентный человѣкъ, дѣйствительно, „жидъ“: какъ еврей, онъ чужой на родной землѣ и, какъ онъ, поставленъ внѣ закона. Безвластный, отстраненный отъ участія въ дѣлахъ своей родины, вѣчно подозрѣваемый, вѣчно гонимый, какъ можетъ онъ не быть свободолюбивымъ, не тосковать по справедливости на землѣ? И такъ какъ онъ все переживаетъ только въ мысляхъ, то всѣ его стремленія имѣютъ характеръ отвлеченный и общій, присущій вообще мысли,—и это общее включаетъ и еврея. Выдѣлить при этихъ условіяхъ еврея было бы тѣмъ болѣе противоестественно, что вражду къ нему его гонители и въ то же время гонители русской интеллигенціи всегда выставляли, какъ знамя, и для русскаго интеллигента присоединиться къ травлѣ евреевъ значило бы присоединиться къ знамени своихъ злѣйшихъ враговъ.

Общность страданій—лучшій путь къ сближенію. И если русская интеллигенція влачитъ тотъ же крестъ, что и еврейство, хотя и неизмѣримо меньшей тяжести, то не можемъ ли мы въ такомъ случаѣ питать увѣренности, что не только въ исповѣдуемыхъ принципахъ интелли-

генція не различаетъ эллина и іудея, но и въ чувствованіяхъ, привычкахъ, въ практическомъ разумѣ своемъ она освободилась отъ унаслѣдованной исключительности? Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ орудованіе въ общественной жизни алгебраическими знаками, взятыми внѣ времени и пространства; ибо въ исторіи именно время и мѣсто имѣютъ рѣшающее значеніе. Предразсудки накоплялись вѣками; русская интеллигенція—явленіе вчерашняго дня. Уже по этому одному трудно предполагать, что русское образованнное общество освободилось отъ нихъ хотя бы въ такой мѣрѣ, какъ образованные слои народовъ болѣе древней культуры. Затѣмъ сближенію можетъ содѣйствовать именно общность страданій, но недостаточно однородности ихъ. Русская интеллигенція страдала до сихъ поръ такъ же, какъ еврейство, но не совмѣстно съ нимъ. Условія русской жизни, разобщающія все и всѣхъ, держали въ тѣмъ большемъ разъединеніи русское общество и еврейское, и только въ послѣдніе годы они болѣе или менѣе близко стали встрѣчаться. Русская интелигенція евреевъ не знаетъ, а незнаніе плохое средство противъ предразсудковъ, т. е. противъ ложнаго знанія, принятаго на вѣру. Къ тому же исключительное отношеніе къ евреямъ не одними предразсудками, не на одномъ незнаніи и непониманіи держалось въ теченіе столькихъ вѣковъ; само непониманіе было лишь слѣдствіемъ несоизмѣримости еврейскаго міра и нееврейскаго, двухъ разныхъ культуръ, вѣрнѣе—двухъ возрастовъ культуры. Въ вопляхъ юдофобовъ, что еврейство покорило міръ, есть своя истина; но не въ томъ она, что представляется этимъ темнымъ умамъ. Не тайными сборищами, не при помощи кагаловъ и массонскихъ ложъ одержало еврейство побѣду, и эта побѣда не дала ему власти надъ землями и народами. Побѣда Израиля въ томъ, что не онъ приспособился къ міру, съ которымъ

такъ долго велъ борьбу, а міръ этотъ все больше преобразовывается по его образу и подобію. Его побѣда— это побѣда мірового единства надъ варварскимъ провинціализмомъ, и она есть неизбѣжное слѣдствіе того простого факта, что молодость можетъ перейти въ зрѣлость, но зрѣлость никогда не переходитъ въ юность. Еврейство могло въ этой борьбѣ погибнуть, но не могло быть побѣжденнымъ; и единственное, что въ исторіи этого мірового состязанія нуждается въ объясненіи и, если хотите, въ оправданіи, это—какъ и почему еврейскій народъ выжилъ; но объ этомъ не здѣсь мѣсто говорить.

Насколько же въ этомъ смыслѣ созрѣло русское образованное общество, насколько проникнуто оно началами современной культуры, въ значительной мѣрѣ засыпавшей пропасть между еврейскимъ и нееврейскими мірами? Этотъ вопросъ достаточно поставить, чтобы отвѣтъ былъ ясенъ самъ собой. Между отношеніемъ русской интеллигенціи къ міру и отношеніемъ къ нему еврейства расхожденіе несомнѣнно очень большое; народничество, составляющее еще до сихъ поръ основу міропониманія и мироощущенія рускаго интеллигента, совершенно чуждо еврейству и есть именно то, къ чему еврейскій народъ въ многіе вѣка не могъ приспособиться. Подъ народничествомъ я понимаю здѣсь не общественное у ч е н і е, извѣстное подъ этимъ именемъ и изложенное въ какой либо книгѣ, а н а с т р о е н і е, служащее психологической основой этого ученія и широко распространенное въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, не исключая тѣхъ круговъ и кружковъ, гдѣ слово „народникъ“ считается чуть ли не личной обидой.

Приведу одинъ незначительный, но тѣмъ болѣе характерный, примѣръ, поясняющій только что сказанное. Нѣсколько времени тому назадъ я прочиталъ въ газетѣ, которую никто не заподозритъ въ нерасположеніи къ евреямъ и которая столь же далека отъ народническихъ

доктринъ, корреспонденцію изъ юго-западнаго края. Авторъ не только, вообще, очень чистый человѣкъ и крайне далекъ отъ юдофобіи, но и въ этой самой корреспонденціи съ искренней радостью отмѣчаетъ, что проповѣдь противъ евреевъ не пускаетъ корней въ народѣ; отъ ученій народничества авторъ защищенъ такимъ бастіономъ, какъ марксизмъ, къ которому онъ во всякомъ случаѣ сильно тяготѣетъ. Такъ вотъ эта корреспонденція начинается слѣдующими словами. „Въ сравненіи съ другими мѣстностями Россіи юго-западный край представляетъ довольно благопріятныя условія для черносотенной пропаганды, такъ какъ натравливаніе на инородцевъ находитъ здѣсь опору для себя въ элементахъ соціальной жизни—розни и вражды. Помѣщики этого края въ значительной части поляки, а многочисленные евреи, вслѣдствіе историческихъ судебъ своего народа, наполняютъ собой ряды лавочниковъ или посредниковъ всякаго рода, разобщающихъ потребителя отъ производителя". Ясно, что дѣятельность еврейскаго населенія признается здѣсь въ соціальномъ отношеніи вредной; съ него только снимается, такъ сказать, личная вина за этотъ вредъ и взваливается на плечи исторіи. Мѣстные юдофобы охотно признаютъ вѣрнымъ самый фактъ, а объ объясненіи его безпокоиться не станутъ; и для практической политики дѣйствительно важнѣе всего вѣдь установить, вредна или полезна для жизни края та или иная дѣятельность той или другой группы населенія. При всемъ различіи стремленій, при полной противоположности ихъ, хорошій передовой русскій человѣкъ сошелся въ оцѣнкѣ дѣйствительности, въ пониманіи того, что есть, съ наиболѣе темными и отсталыми. И источникъ заблужденія открыть здѣсь не трудно. Скажите европейцу, что торговецъ, посредникъ, р а з о б щ а е т ъ потребителя отъ производителя—онъ васъ не пойметъ. Посредникъ для того и существуетъ, чтобы слу-

жить соединительнымъ звеномъ между предложеніемъ и спросомъ, въ послѣднемъ счетѣ—между производствомъ и потребленіемъ. Еще покойный Бліохъ боролся съ предразсудкомъ, будто въ чертѣ осѣдлости еврейскіе торговцы и посредники лежатъ бременемъ на неторговомъ населеніи. Ссылаясь на Шмоллера, онъ указывалъ на то, что съ усложненіемъ соціальной жизни посредничествующіе элементы общества необходимо возростаютъ, какъ важная составная часть его, что въ Германіи, напр., за 25 лѣтъ (1887—61) число торговцевъ въ разносъ увеличилось гдѣ въ два, гдѣ въ три раза. Недавно опубликованныя данныя профессіональной переписи 1907 года въ Германіи показываютъ, что и за послѣдніе 25 лѣтъ число лицъ, занятыхъ въ торговлѣ и перевозкой, увеличилось абсолютно вдвое слишкомъ; а въ процентномъ отношеніи почти въ полтора раза (8, 27% въ 1882 г. и 11, 51% въ 1907 г.). И развѣ скажетъ кто, что 50—75 лѣтъ тому назадъ въ Германіи сбытъ продукта былъ болѣе обезпеченъ производителю и сопряженъ былъ для него съ меньшими жертвами? Можно, конечно, представить себѣ такой строй, при которомъ вовсе нѣтъ посредниковъ, а добытые продукты сдаются въ общественные магазины и оттуда выдаются потребителямъ; можно себѣ представить, что широко развившаяся кооперація вытѣснила нѣкоторые посредствующіе слои общества. Но авторъ сравниваетъ Юго-западный край съ другими областями Россіи же, гдѣ нѣтъ, конечно, ни того, ни другого, и представленіе о томъ, что именно въ этомъ краѣ посредники разобщаютъ вмѣсто того, чтобы объединять, основано, очевидно, на томъ, что ихъ здѣсь много. Возможно, даже несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черты предложеніе посредническихъ услугъ превосходитъ потребность въ нихъ. Но эта чрезмѣрность падаетъ бременемъ на самихъ посредниковъ, понижая доходность ихъ занятій до ничтожныхъ размѣ-

ровъ, и ни одинъ свѣдующій и добросовѣстный человѣкъ не скажетъ, что внѣ черты крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ русскому лабазнику съ большей для себя выгодой, чѣмъ въ чертѣ еврейскому коммиссіонеру. Объ этомъ ужъ неоднократно писали, знаетъ несомнѣнно объ этомъ и авторъ корреспонденціи. Но дѣло тутъ не въ знаніи или незнаніи, а въ безотчетномъ движеніи души, и именно въ этомъ—знаменательность этого факта, самого по себѣ незначительнаго [1]).

Сложное въ общественной жизни вызываетъ въ русскомъ человѣкѣ безотчетную тревогу и вражду. Въ данномъ случаѣ рѣчь шла о сложности экономическаго явленія, о длинномъ и извилистомъ пути, проходимомъ товаромъ между производителемъ и потребителемъ; но отмѣченная психологическая черта сказывается не только въ этой области, тутъ она только нагляднѣе. Въ столь распространенномъ среди русскихъ передовыхъ людей соціализмѣ часто трудно различить, есть ли это идеалъ будущаго, или тоска по золотомъ вѣкѣ въ прошломъ; ясно только, что это отвращеніе отъ настоящаго, отъ надвигающейся сегодня, сейчасъ сложности жизни. Это—то чувство, вслѣдствіе котораго Глѣбъ Успенскій говорилъ о локомобилѣ, какъ объ апокалиптическомъ звѣрѣ, и Толстой, этотъ истый національный геній, не принималъ

[1]) Безотчетнаго отвращенія отъ культуры не приходится у насъ долго искать. На дняхъ я въ другой прогрессивной и тоже не юдофобской газетѣ прочиталъ замѣтку—корреспонденцію о гуцульскомъ краѣ въ австрійской Галиціи и узналъ изъ этой замѣтки, что Гуцульщина „находится въ цивилизованной якобы странѣ“ и что настоящій рай въ тѣхъ уголкахъ края, „куда не проникла еще польско-еврейская культура, являющаяся здѣсь тяжелымъ зломъ“. Авторъ врядъ-ли въ состояніи былъ бы сказать, чѣмъ польско-еврейская культура отличается отъ русско-нѣмецкой и почему она именно здѣсь является зломъ, а въ другомъ мѣстѣ была бы благомъ.

культуры, вѣрнѣ—не воспринималъ ея. Это—то отношеніе къ міру, которое въ Іудеѣ 25 вѣковъ тому назадъ пророки выразили въ словахъ, предъ которыми блѣднѣетъ все, что мы теперь слышимъ о томъ-же, какъ шелестъ встревоженной вѣтромъ листвы предъ громами небесными. Современному еврею, рвущемуся на встрѣчу все усложняющейся жизни, это чувство односложности и простоты совершенно чуждо.

Еврейское пониманіе жизни и міра расходится сравнительно далеко съ распространеннымъ въ передовой части русскаго общества; русская интеллигенція до сихъ поръ мало знаетъ еврейство и очиститься отъ унаслѣдованныхъ предразсудковъ и предубѣжденій по отношенію къ нему не могла; русская литература не травила евреевъ, но—прибавимъ теперь—также не боролась за право и человѣческое достоинство его. Были, конечно, отдѣльныя проявленія мужества и благородства. Заклеймилъ словомъ негодованія невѣжество юдофобовъ Щедринъ, говорилъ объ этомъ позорѣ своей родины со скорбью Владиміръ Соловьевъ, отважился выступить противъ лжеученія объ еврейской эксплуатаціи экономистъ Субботинъ въ то время, когда оно было въ полномъ разгарѣ и покрывало собой всякіе низменные инстинкты и низменныя дѣла, былъ даже случай коллективнаго протеста противъ насилія надъ евреями. Но за исключеніемъ немногихъ единицъ и немногихъ случаевъ на великое преступленіе, совершавшееся именемъ народа, ихъ именемъ, молча смотрѣли всѣ—и великіе и малые; даже Тургеневъ проявилъ малодушіе, и на просьбу великаго художника и друга своего, еврея Антокольскаго, поднять свой голосъ противъ погромныхъ звѣрствъ 1881 года, пропитавшихъ еврейской кровью тучный черноземъ юго-западнаго края, отвѣтилъ, что боится подозрѣній въ подкупѣ. Та литература, которая носитъ общественную службу по преимуществу—печать—не мол-

чала о положеніи евреевъ въ Россіи, но и не говорила громко о немъ. И даже теперь, когда печать говоритъ обо всемъ гораздо свободнѣе, найдется ли русская газета, которая бы стойко, изо дня въ день, боролась за дѣло евреевъ такъ, какъ, скажемъ, за дѣло финляндцевъ. Правда, этотъ послѣдній фактъ гораздо менѣе показателенъ, чѣмъ многимъ кажется. И древность еврейскаго вопроса, и сама элементарность попираемыхъ въ данномъ случаѣ правъ, и сознаніе того, что наиболѣе существенное, практически разрѣшимое въ этомъ дѣлѣ не столько можетъ выиграть отъ спеціальной, особой защиты, сколько отъ нападенія на тотъ строй, который питаетъ юдофобію и самъ питается ею,—все это дѣлаетъ постоянную и планомѣрную агитацію за дѣло евреевъ и психологически и практически трудной. Тѣмъ не менѣе кто, знакомый съ дѣломъ, будетъ отрицать, что здѣсь дѣйствуютъ и другого рода причины: вновь и вновь возвращаться къ еврейскому вопросу, каждый день напоминать о совершаемыхъ по отношенію къ евреямъ несправедливостяхъ кажется неловко даже очень хорошему русскому человѣку. Таковы выводы изъ предыдущаго анализа, таковы факты.

Если такъ обстоитъ дѣло въ „обществѣ“, въ лучшей части его, то не вѣроятно-ли, что въ „народѣ“, въ массѣ городского и деревенскаго населенія, гдѣ образованности меньше и предразсудки держатся крѣпче, живетъ дѣйствительно великая вражда къ еврею, и снять преграду, ихъ раздѣляющую, пустить еврея въ тѣ губерніи и области, куда ему теперь нѣтъ доступа, не значитъ ли въ такомъ случаѣ испытывать терпѣніе русскаго православнаго народа? Отмѣтимъ раньше всего фактъ, показывающій, какъ грубо и безцеремонно пользуются именемъ русскаго народа тѣ, кто вершитъ и его дѣла и судьбу еврейскаго народа. Въ 1881 году, какъ позднѣе въ 1905, погромы начались въ городахъ и тутъ получили наибольшее развитіе; въ

деревняхъ нападенія на евреевъ были только слабымъ отголоскомъ того, что происходило въ городскихъ центрахъ. Можно было отсюда дѣлать какіе угодно выводы, только не тотъ, что погромы суть слѣдствіе эксплоатаціи евреями деревенскаго населенія. Между тѣмъ именно этотъ выводъ, какъ мы уже знаемъ, былъ сдѣланъ, и евреевъ заперли въ города. Какъ же тутъ связывали хотя бы внѣшнимъ образомъ—о дѣйствительныхъ побужденіяхъ не будемъ ужъ говорить—факты съ выводомъ изъ нихъ? Евреевъ бьетъ взъярившійся „народъ“; а „народъ“, понятно, въ деревнѣ; народъ—это мужики, значитъ еврея нужно убрать подальше отъ мужика. Вотъ умозаключеніе, въ которомъ все на мѣстѣ, кромѣ логики и добросовѣстности. На такого же рода умозаключеніяхъ, сознанныхъ или нѣтъ, держится представленіе о томъ, что пятно антисемитизма, грязно-сѣрое въ обществѣ, сгущается въ народѣ до цвѣта сажи. Это ложно не потому, что народъ лучше интеллигенціи или русскій народъ лучше другихъ народовъ, а потому, что народу вообще недоступна такого рода р о с к о ш ь. Тамъ, гдѣ человѣкъ изъ года въ годъ пашетъ одну и ту же десятину или работаетъ за однимъ и тѣмъ же станкомъ, гдѣ всѣ заботы и радости связаны съ опредѣленными, конкретными, ограниченными вещами и съ тѣснымъ кругомъ людей,—ярко выраженный и сосредоточенный антисемитизмъ такъ же мало возможенъ, какъ „честь“, изъ-за которой дрались на дуэляхъ рыцари, какъ „слава“, въ погонѣ за которой гибнетъ столько людей изъ общества. Какъ банки служатъ центрами денежныхъ оборотовъ страны, какъ въ академіяхъ сосредоточены знанія народа, какъ въ редакціяхъ газетъ скопляются свѣдѣнія о происходящемъ въ мірѣ, такъ чувства и представленія общаго свойства, разрѣженныя въ сознаніи народа, сгущаются въ сознаніи общества, верхнихъ слоевъ народа; служитъ конденсаторами, сгустителями и есть назначеніе

этихъ слоевъ. И было бы крайнимъ самообольщеніемъ думать, что въ насъ, просвѣщенномъ обществѣ, конденсируется только то, что есть въ народѣ хорошаго, правильнаго, истиннаго. Отъ многихъ суевѣрій, предразсудковъ и предубѣжденій образованные слои несомнѣнно освободились, какъ несомнѣнно и то, что у нихъ есть свои предразсудки, чуждые народу; но тѣ повѣрія, симпатіи и антипатіи, которыя общи и верхнимъ и нижнимъ слоямъ, въ первыхъ сгущеннѣе и дѣйствуютъ интенсивнѣе. Отвѣтъ Елизаветы, не пожелавшей интересной прибыли отъ враговъ Христовыхъ, былъ несомнѣнно въ духѣ тогдашняго народа; но несомнѣнно также, что ни одинъ человѣкъ изъ этого самого народа не отказался бы отъ выгодной сдѣлки съ евреемъ, если бы онъ фактически съ нимъ встрѣтился: чтобы враждебность къ евреямъ стала дѣйствующей силой, она должна была сосредоточиться въ одной головѣ, рѣшавшей за всѣхъ. Народничество, какъ я его выше опредѣлилъ, тоже въ духѣ народа; но несомнѣнно, что самый слабый народникъ—это народъ.

Въ народѣ живутъ, конечно, предубѣжденія, накоплявшіяся вѣками противъ евреевъ, но это не можетъ мѣшать еврею и нееврею жить подъ одной крышей. Отношенія будутъ между ними не совсѣмъ такія, какъ между русскими сосѣдями или сосѣдями-евреями, но они также будутъ другъ у друга занимать, обмѣниваться услугами, дѣти ихъ будутъ играть вмѣстѣ, а въ случаѣ пожара сосѣди общими силами будутъ его заливать. Если эти соображенія нуждаются еще въ подкрѣпленіи опыта, то достаточнымъ доказательствомъ можетъ служить все, что мы теперь видимъ и видѣли наши отцы и дѣды. Представьте себѣ, что правящіе слои не борются и убѣжденіемъ, и угрозой, и репрессіями противъ предразсудка, будто врачи пускаютъ въ народъ эпидеміи, а подтверждаютъ это словомъ и дѣломъ, воздвигаютъ гоненія про-

тивъ врачей и клеймятъ ихъ на всѣхъ перекресткахъ. Не ясно ли, что не „холерные бунты“ тогда были бы, а совсѣмъ невозможно было бы существованіе врача на русской землѣ? То, что является по отношенію къ врачамъ чудовищнымъ предположеніемъ, есть реальная дѣйствительность по отношенію къ евреямъ. Тѣмъ не менѣе, евреи и неевреи, гдѣ они живутъ вмѣстѣ, вполнѣ уживаются, и только, когда изъ центровъ, изъ узловъ сгущенія, пучностей антисемитизма донесется вѣсть, что по отношенію къ евреямъ основы правопорядка и общежитія упразднены, и инстинкты разрушенія разнуздаются,—тогда и пребывающія въ обычное время въ состояніи разрѣженія противоеврейскія настроенія сгущаются, увеличивая разрушительную силу стихіи.

Искать предѣла противоеврейской стихіи, измѣрять силу ея, нужно не въ народѣ, а въ верхнихъ слояхъ его. Мы это дѣлали, ничего не скрывая и ничего не прикрашивая, и знаемъ теперь, что тутъ нѣтъ ничего такого, что можно было считать причиной, опорой или оправданіемъ той политики крови и грязи, которая ведется по отношенію къ евреямъ. Что съ правомъ можетъ считаться выраженіемъ совѣсти народной, то осталось незапятнаннымъ; этихъ высей волна разнузданныхъ инстинктовъ залить не могла. Но разумъ и совѣсть не заполняютъ всей жизни, и въ русскомъ образованномъ обществѣ есть еще достаточно незнанія еврейства, отчужденности отъ него и унаслѣдованной къ нему вражды. Однако, только безнадежное тупоуміе или завѣдомая недобросовѣстность могли бы въ этомъ обстоятельствѣ усмотрѣть тотъ „голосъ народной совѣсти“, который препятствуетъ установленію въ Россіи такихъ же отношеній между нееврейскимъ и еврейскимъ населеніемъ, какія существуютъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Мирное сожительство и совмѣстный трудъ евреевъ съ неевреями на равныхъ на-

чалахъ всюду въ Европѣ—фактъ сравнительно недавняго прошлаго; и нигдѣ онъ не явился слѣдствіемъ полной побѣды надъ наслѣдіемъ прежнихъ вѣковъ, а самъ былъ одной изъ причинъ ея. И то же неизбѣжно будетъ въ Россіи. Поскольку рознь поддерживается незнаніемъ, непониманіемъ, предразсудками, она тѣмъ скорѣе, конечно, будетъ упразднена или ослаблена, чѣмъ ближе, непосредственнѣе встрѣтится русское общество съ еврейскимъ. Поскольку эта рознь поддерживается не одинаковымъ отношеніемъ къ современной культурѣ, не одинаковой степенью сродства съ ней, постольку еврейство имѣетъ могучаго союзника въ самой культурѣ; и въ этомъ отношеніи годы теперь дѣлаютъ то, что раньше дѣлали столѣтія.

До революціи и во время ея среди евреевъ было распространено мнѣніе, что антисемитизмъ въ русскомъ обществѣ разовьется, когда уменьшится глубокая рознь между обществомъ и властью. И какъ ни мало получило русское общество, какъ ни мало пріобщилось оно къ власти, эти ожиданія въ нѣкоторой мѣрѣ уже оправдываются; это подтвердитъ всякій добросовѣстный наблюдатель нашей жизни. Однако только слѣпой не замѣтитъ, что рядомъ съ этимъ нарождается другое, прямо противоположное теченіе и что самъ антисемитизъ перерождается. Если ростъ антисемитизма въ нѣкоторыхъ кругахъ общества есть результатъ общественной самодѣятельности, то изъ этой же самодѣятельности вытекаетъ неизбѣжно два другихъ слѣдствія. Гдѣ самодѣятельность, тамъ и чувство отвѣтственности; и если раньше хорошій русскій человѣкъ сознавалъ, что травить евреевъ стыдно, то теперь зарождается сознаніе, что стыдно молча смотрѣть на эту травлю. Съ другой стороны, гдѣ самодѣятельность, тамъ предполагается свобода дѣйствій и, слѣдовательно, отсутствіе запрета, заранѣе все предрѣшившаго. Общественный антисемитизмъ, который, вѣроятно, въ первое время

сближенія русскаго общества съ евреями будетъ расти, весьма далекъ отъ антисемитизма штыкового.

Нынѣшній штыковой, погромный антисемитизмъ, для котораго и сами законы играютъ только роль гончихъ на охотѣ, имѣетъ опору не въ рабочемъ народѣ, не въ образованномъ обществѣ, также не въ дѣловыхъ кругахъ его; не имъ онъ и служитъ, онъ служитъ тѣмъ отдѣльнымъ кружкамъ и лицамъ, которые изъ сгущенія, конденсаціи противоеврейскихъ чувствъ и предразсудковъ, сдѣлали для себя источникъ существованія. Мы ихъ знаемъ. Это—монахъ-подрядчикъ, лавочникъ-кулакъ, оголтѣлый дворянинъ, ищущій воеводства для кормленія. Но горе государству, которое къ нимъ прислушивается, горе народу, который за ними идетъ; ничего, кромѣ тяжелыхъ испытаній, они своей родинѣ принести не могутъ.

По воплощенному въ ней принципу черта осѣдлости есть прямое наслѣдіе среднихъ вѣковъ и еще болѣе раннихъ временъ, когда первобытныя человѣческія общества, слабыя и робкія, избѣгали общенія между собой и другъ отъ друга отгораживались; по отношенію къ евреямъ боязнь чужестранцевъ усиливалась отвращеніемъ отъ иновѣрцевъ, и именно религіозная нетерпимость, упорная въ старой Москвѣ, была передана ей новой Россіи, отказавшейся отъ обособленности по отношенію ко всѣмъ другимъ народамъ, но сохранившей ее по отношенію къ евреямъ. Живое воплощеніе средневѣковаго духа и единственное по своей осязательности воплощеніе его во всемъ современномъ мірѣ, черта осѣдлости пугаетъ современныя, живыя общества, какъ вставшая изъ гроба тѣнь, и нестерпима для тѣхъ, кого она касается, какъ нестерпимы для живаго человѣка объятія мертвеца.

Въ своемъ осуществленіи черта осѣдлости есть порожденіе слѣпого случая — результатъ войны и завоеванія.

Не потому евреи въ Вильнѣ могутъ жить, а въ Москвѣ нѣтъ, что это показалось разумнымъ законодателю, а потому, что въ западныхъ областяхъ евреи жили уже въ моментъ присоединенія ихъ къ Россіи, и русской власти пришлось примириться съ фактомъ. Если бы край былъ завоеванъ на 100 или 200 лѣтъ раньше, евреи, по всей вѣроятности, были бы выселены; великое преступленіе, содѣянное католической Испаніей, было бы повторено православной Россіей въ болѣе великихъ еще размѣрахъ. Было не далеко до этого и теперь, какъ мы видимъ изъ указа Екатерины, предоставившаго евреямъ или платить двойныя подати или выѣхать изъ страны; но забрежившій на западѣ свѣтъ новой культуры все же ограничилъ возможности, поставивъ предѣлъ волѣ завоевателей. Евреи оставлены были на своихъ мѣстахъ, но старая Россія, страна-завоевательница, осталась для нихъ закрытой. Платя деньгами и кровью, евреи не повинности не признавшему ихъ государству отбываютъ, а платятъ контрибуцію завоевателямъ, вѣрнѣе — выкупаютъ у нихъ то право безграничнаго распоряженія завоеванными, которое отняла у нихъ современная культура.

По разрушительному дѣйствію своему никакой другой дурной законъ не можетъ сравняться съ закономъ о чертѣ осѣдлости. Стѣну, долго отдѣлявшую Россію отъ культурнаго мира и столькими усиліями разрушенную, законы о жительствѣ евреевъ воздвигли вновь внутри самой страны, отдѣливъ востокъ ея отъ запада непреходимой преградой. Черта осѣдлости задерживаетъ ростъ культуры и благосостоянія въ странѣ; ея существованіе имущіе оплачиваютъ своими излишками или частью своихъ излишковъ, неимущіе—лишеніями и голодомъ. Она у всѣхъ отнимаетъ и никому ничего не даетъ—никому, кромѣ паразитовъ, которые тѣмъ быстрѣе множатся, чѣмъ больше тлѣнія. И такъ какъ такое дѣйствіе черты совершается

безпрерывно и длится въ теченіе шести поколѣній уже, то причиненное ею разрушеніе несомнѣнно превосходитъ все, что могли бы причинить самыя ужасныя катастрофы. Севастопольскій разгромъ и, еще болѣе ужасное, манджурское бѣдствіе врядъ ли потребовали и половины тѣхъ жертвъ, которыя поглотили уже законы, расколовшіе страну надвое въ той именно сферѣ отношеній, гдѣ даже государства сложныя не признаютъ внутри себя границъ, гдѣ даже между различными государствами границъ почти не существуетъ,—въ передвиженіи человѣка по землѣ, общей обители нашей. Для еврейскаго населенія западныхъ областей Россіи черта есть тюремная ограда, внутри которой вянутъ живыя, творческія силы его; для нееврейскаго населенія восточныхъ областей законы о чертѣ составляютъ злыя чары, не дающія дремлющимъ силамъ его проснуться. Для всей Россіи въ цѣломъ черта осѣдлости есть непрекращающееся самоистязаніе, которому нельзя указать примѣра въ исторіи государствъ и гражданскихъ обществъ. Чтобы найти нѣчто подобное, нужно спуститься въ темный и загадочный міръ сектантства и фанатизма; тамъ мы встрѣчаемъ и самобичеваніе, и самосожженіе, и разные другіе виды самоуродованія и саморазрушенія.

Въ міръ моральный законы о чертѣ вносятъ такое же разложеніе, какъ въ міръ матеріальный. И тутъ черта дѣйствуетъ и въ одну и въ другую сторону—и на востокъ и на западъ; разложеніе вносится ею въ сознаніе не только еврейскаго населенія, но и нееврейскаго. И въ этой области законы о жительствѣ евреевъ выдѣляются изъ всѣхъ дурныхъ законовъ, между прочимъ—изъ всѣхъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ же, ибо ничто не можетъ сравниться съ дѣйствіемъ на воображеніе запретовъ, касающихся основного явленія въ жизни человѣка—отношенія его къ землѣ. Черта, которая должна отдѣлить евреевъ отъ Россіи, отдѣляетъ ее самоё отъ всего

культурнаго міра; законы, которые должны заклеймить евреевъ, клеймятъ ее.

Для Россіи отмѣна ограничительныхъ законовъ вообще и законовъ о чертѣ въ особенности—дѣло благоразумія, чести и справедливости; для русскаго еврейства бороться противъ тяготѣющаго надъ нимъ ограниченія и, въ особенности, противъ черты осѣдлости, олицетворившей въ себѣ все безправіе наше, стало властной потребностью, которой люди подчиняются, не останавливаясь ни передъ какими жертвами и не отступая ни передъ какими препятствіями.

Таковы итоги. Будетъ ли черта осѣдлости упразднена? Каждый оборотъ земли вокругъ своей оси уноситъ частицу нашего безправія; каждый день солнце, восходя, роняетъ лучъ свѣта въ тѣ темныя пещеры, гдѣ злыми духами, служителями тьмы, безправіе наше куется и охраняется. Еврейскій народъ, столько видѣвшій, столько испытавшій и все перенесшій, отчаянія не знаетъ. „Можно въ тяжелыя минуты унынія и душевной слабости—писалъ я въ другомъ мѣстѣ—усумниться въ торжествѣ дѣла свободы въ Россіи и, слѣдовательно, въ существованіи самой Россіи; но если жива будетъ Россія и, слѣдовательно, свободна, свободны будемъ и мы". Въ долговѣчность нашего безправія не вѣрятъ теперь и враги наши, хотя они часто объ этомъ говорятъ.

Будетъ ли черта осѣдлости упразднена теперь, станетъ ли законопроектъ объ отмѣнѣ ея, внесенный въ Государственную Думу, закономъ, будетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, одобренъ Думой? На этотъ вопросъ можно, конечно, отвѣтить только предположительно; но и для такого отвѣта намъ пришлось бы говорить о существующихъ въ настоящее время соотношеніяхъ между разными частями законодательнаго механизма и, слѣдовательно, уклониться далеко въ сторону отъ нашего предмета. При-

знаемъ во всякомъ случаѣ, что внесеніе законопроекта обязываетъ каждаго изъ насъ, будь онъ еврей или неевреи, исполнить свой долгъ на своемъ мѣстѣ. Какія бы сомнѣнія у насъ ни возникали, мы должны помнить, что на очередь дня поставленъ тысячелѣтній споръ, споръ семидесяти поколѣній на пространствѣ всего христіанскаго міра. Будетъ ли онъ рѣшенъ или онъ вновь и вновь будетъ откладываться, сейчасъ онъ стоитъ на повѣсткѣ, и никто не долженъ пройти мимо, не удѣливъ ему вниманія.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

33721